

ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

История Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков), с подзаголовком «Краткий курс», была утверждена ЦК ВКП(б) в 1938 г. и служила пособием при изучении прошлого партии до 1959 г. Через двадцать лет, в 1959 г., издана новая История Коммунистической партии в значительно расширенном объеме: вместо 338 стр. издания 1938 г. новая История КПСС содержит 744 стр. В отличие от «Краткого курса» 1938 г., где не указаны лица, изложившие партийную историю, в новом «Курсе» приведены фамилии участников авторского коллектива, подготовившего новый учебник. Трудно понять, по каким соображениям в новом «Курсе» отсутствует его официальное утверждение высшей партийной инстанцией — Центральным Комитетом КПСС. Можно однако догадываться, что сделано это с целью придать книге характер научного труда, за который несут ответственность лица с академическими титулами: члены Академии наук СССР, профессора и доктора исторических, экономических и философских наук. Указание на научные титулы составителей новой Истории КПСС должно вызвать, повидимому, у читателей доверие к научной объективности изложения.

Внешнее отличие новой Истории КПСС от изданной в 1938 г. состоит также в том, что на обложке и титульном листе нового учебника отсутствует лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», а в предисловии не упоминается имя Сталина («партия Ленина-Сталина»). В новом учебнике единственным авторитетом, превосходящим даже К. Маркса и Ф. Энгельса, является В. Ленин. «Коммунистическая партия Советского Союза, основанная и выпестованная великим Лениным», — так начинается предисловие «Курса» в новом изложении.

Предисловие это, в сравнении с прежним «Кратким курсом», вызывает интерес и во многих других отношениях. В нем нет уже «личного» полемического тона, характерного для введения к прежнему «Краткому курсу», где упоминалось о борьбе с «троцкистами, бухаринцами, национал-уклонистами» и «кулаками, вредителями, шпионами, со всеми наемниками капиталистического окружения». И это понятно: не только отсутствие Сталина с его стилем пропаганды должно было повлиять на формулировку нового предисловия, но и международное и внутреннее положение СССР в 1959 г. определяет иные позиции заказчиков и составителей новой Истории КПСС. В свое время СССР существовал как единственное «социалистическое» государство в мире, теперь же советская империя опирается на блок государств, простирающийся от Эльбы до Тихого океана. Поэтому тон предисловия к новой Истории КПСС более спокойный и самоуверенный в сравнении с введением к прежнему «Курсу». Все это, однако, не лишает нового предисловия и всего нового учебника истории КПСС основной черты исторических работ, составленных под эгидой коммунистического режима в СССР, черты настойчивой пропаганды, стремящейся эмоционально окраши-

и украшать в интересах правящей партии все ее прошлое и чернить все несогласных с политикой коммунизма. Пристрастный подход составителей новой Истории КПСС к прошлому партии проявляется как в предисловии, так и во всем учебнике. Пренебрежительное отношение к фактам характеризует большинство исторических работ, изданных под диктатурой коммунистов в СССР. В новом учебнике истории КПСС, как и в старом, издания 1938 г., насилие над исторической правдой дает себя чувствовать на каждом шагу.

Мы обратили внимание на отсутствие в новом учебнике истории КПСС лозунга «Коммунистического Манифеста» Маркса и Энгельса, опубликованного в 1847 г.: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Нельзя объяснить этого техническим недосмотром или упущением авторов учебника. Повидимому, в этом отражается известного рода идейная установка правящей партии, которая утверждает, что в СССР уже осуществлен социализм и совершается переход к строительству коммунизма. При коммунизме, в бесклассовом обществе, должны исчезнуть прослойки, тем более с презрительным названием «пролетариат»; с другой стороны, рабочие в высоко индустриальных странах Западной Европы, Северной Америки и Австралии не чувствуют себя «пролетариями» в том значении, которое придает этому термину «Коммунистический Манифест», и обращение к рабочим как к «пролетариям» не вызывает среди них сочувственного отклика. Повидимому эти соображения заставили составителей новой Истории КПСС и высшие инстанции, утвердившие ее новое изложение, изъять из него некогда столь популярный лозунг об объединении пролетариев всех стран.

Фактические неточности и натяжки пропагандного характера находим в достаточном количестве уже в предисловии к новому учебнику истории КПСС. Укажем для примера только на некоторые. На стр. 4 составители нового учебника называют гражданскую войну 1918—1920 гг. «Отечественной войной». Название это может относиться, однако, только к войнам, при которых находится под угрозой само существование народа и государства. Гражданская война 1918—1920 гг. могла заменить режим большевистской диктатуры в России иной властью, но она не грозила уничтожить русское государство или русский народ.

В предисловии к новому «Курсу» приведен список проблем и задач, которые КПСС решила или решает в настоящее время в теории или на практике. Составители нового учебника истории КПСС делают ударение на том, что коммунистическая партия утверждает победу «научного, марксистско-ленинского мировоззрения» и через диктатуру пролетариата осуществляет «социалистический демократизм» в советском обществе, а также развивает «внутрипартийную демократию», создавая и укрепляя одновременно братские отношения с прочими коммунистическими партиями «на основе принципов марксизма-ленинизма». Ленинизм по установившейся традиции признан в новом учебнике истории КПСС «марксизмом эпохи империализма и пролетарских революций... эпохи перехода человеческого общества от капитализма к коммунизму». Таким образом марксизм объявлен монополией КПСС; КПСС есть хранительница скрижалей марксистского правоверия. КПСС провозглашает догматы для коммунистических партий всего мира, которые «братские партии» должны признавать беспрекословно, если не хотят оказаться еретиками («ревизионистами»).

В предисловии к новому учебнику указывается, что история КПСС «рождает чувство законной гордости у коммунистов зарубежных стран за свою

братскую победоносную партию». Изучение истории КПСС, по замыслу составителей нового учебника, даст коммунистам всего мира не только теоретическое знание «марксизма-ленинизма», но и наглядный пример «борьбы за свержение гнета эксплуататоров и построение коммунизма». В сравнении с лаконичным утверждением об уверенности «в окончательной победе... коммунизма во всем мире», которое находим во введении к «Краткому курсу» 1938 г., новый учебник развивает ту же мысль более пространно: «Коммунистическая партия, осуществляя руководство Советским Союзом, не жалеет сил для решения великой исторической задачи дальнейшего укрепления и расцвета мировой системы социализма». Разница формулировок в предисловиях к двум учебникам — «уверенность» в первом и практическое осуществление задачи мирового коммунизма во втором — является следствием изменившегося в пользу большевизма общего положения на земном шаре.

В предисловии к новому учебнику истории КПСС несколько раз упоминается в той или иной связи национальный вопрос. В самом учебнике утверждается, кроме того, что КПСС боролась и борется «за привлечение угнетенных наций на сторону пролетариата»; что партия теоретически разработала «разрешение национального вопроса и создание социалистических наций в Советском государстве»; что коммунистическая партия Советского Союза «последовательно выполняла свои обязанности по отношению к... освободительному движению народов других стран»; что КПСС, отстаивая и развивая дальше учение Маркса, Энгельса, Ленина, делала и делает это также в интересах «национального освобождения народов». Во введении к «Краткому курсу» 1938 г. национальный вопрос совсем не затронут, если не считать упомянутых вскользь «национал-уклонистов», с которыми Сталину пришлось вести борьбу внутри партии. В том же введении умалчивается вопрос об отношении страны, в которой «победил социализм», к странам «капиталистического окружения». Ленин, как известно, считал мирное сосуществование двух систем на продолжительное время невозможным. Составители нового учебника истории КПСС, наряду с надеждой на решение задачи «дальнейшего укрепления и расцвета мировой системы социализма», признают возможность «последовательного проведения миролюбивой политики — политики мирного сосуществования стран с различным социальным строем». Диссонансом к этим словам звучит продолжение цитированной фразы: «Укрепление и повышение обороноспособности социалистического государства; укрепление и расширение сотрудничества между странами мировой социалистической системы». Противоречие между «сосуществованием» и усилением вооружения, направленного против стран иного социального строя, слишком очевидно. Логическим выводом из идеи мирного сосуществования было бы стремление к общему и согласованному разоружению, а не к укреплению военного могущества коммунистического блока, как грозной силы, могущей в благоприятных для себя условиях перейти от политики мирного сосуществования к агрессии.

В предисловии к новому учебнику истории КПСС упоминается о развитии партии, которая из организации, боровшейся за свержение капитализма, превратилась в правящую партию для строительства «коммунистического общества». Здесь авторы учебника ставят вопрос о «диктатуре пролетариата», при которой коммунистической партии должна принадлежать «руководящая роль». При этом партия должна сохранить «единство», на-

ряду с «развитием внутрипартийной демократии». Эта фраза является «данью времени», но уже без содержания: «внутрипартийная демократия» была ликвидирована Хрущевым в 1957 г., с устранением оппозиции Молотова, Кагановича, Маленкова и Шепилова, «к ним примкнувшего». В введении к «Краткому курсу» не упоминается о внутрипартийной демократии, и лишь замечено, что изучение истории коммунистической партии «повышает политическую бдительность». О «внутрипартийном демократизме» в «Курсе» говорится в связи с резолюцией Пленума ЦК ВКП(б), состоявшегося в конце февраля 1937 г. (стр. 334).

Новым элементом в предисловии к Истории КПСС, сравнительно с «Кратким курсом», является план помощи отсталым народам в их переходе к социализму, «минуя капиталистическую стадию развития». В своей основе эта мысль — марксистская, но об этом плане не могло быть и речи перед второй мировой войной, исключая, конечно, отсталые народности Советского Союза на его северных окраинах и в Сибири. Теперь, когда коммунистическая диктатура господствует в Китае и частично в Вьетнаме и Корее, этот вопрос приобрел для КПСС не только теоретическое, но и практическое значение. Вождей КПСС привлекают в настоящее время не высоко-индустриальные страны мира, где существует развитое рабочее движение, основанное на демократических началах, а отсталые народы, стоящие на низком хозяйственном и культурном уровне. В недоразвитых странах Азии, Африки и Латинской Америки КПСС надеется помочь созданию коммунистических режимов с гораздо большим успехом, чем в странах, стоящих на высоком уровне цивилизации. Таким образом, если считать хозяйственный строй, существующий в СССР, социализмом, то большая притягательная сила этого строя для стран отсталых является противоречием по отношению к теории Маркса. Маркс предвидел возможность перехода к социализму стран индустриальных. Страны отсталые были в глазах Маркса "*quantité négligeable*". Этот взгляд Маркса на развитие капитализма, как необходимой предпосылки осуществления социалистического строя, находим в его книге «Классовая борьба во Франции», посвященной Парижской Коммуне 1871 года: «Рабочий класс знает, что для его освобождения и для достижения более высоких форм общественной жизни нужно пройти целый ряд исторических процессов, которые должны совершенно изменить и обстановку, и природу людей. Коммуна не гналась за осуществлением идеалов, а должна была дать свободу имеющимся уже элементам нового общества, развившимся в недрах перезревшего капитализма».

Рассмотрим изложение новой Истории КПСС в хронологическом порядке, с целью последовательного установления основных проблем книги и утверждений ее авторов. Мы вынуждены прибегнуть к слову «утверждения», так как в Истории КПСС, наряду с бесспорным фактическим материалом, есть много и недоказанных положений, подчас явно вымышленных в целях политической пропаганды. Поскольку История КПСС переведена на многие языки и распространяется в огромных тиражах по всему миру, никоим образом нельзя преуменьшать ее влияния на широкого читателя.

I. РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ИДЕИ И РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ ДО 1917 г.

1. «Начало рабочего движения и распространение марксизма в России»

Эта глава охватывает 1883—1894 гг. В ее подразделах идет речь и о более ранних десятилетиях истории России XIX века. Положение основной массы населения России под царским режимом, в частности политическое бесправие, а также национальное угнетение нерусских народов, описано в общем правильно. Однако у читателя, неознакомленного с общественным движением и с положением печати в царской России, может создаться впечатление, не соответствующее действительности. Для примера приведем отрывок из описания «политического бесправия»: «Нельзя было свободно собираться, высказывать свои мнения и предъявлять требования, свободно объединяться в союзы и организации, свободно издавать газеты, журналы, книги. Многочисленная армия жандармов, сыщиков, тюремщиков, городских, стражников, урядников, исправников, земских начальников охраняла царя, помещиков и капиталистов от народа» (стр. 12).

Такое изображение прошлого России может вызвать у иностранных читателей Истории КПСС впечатление, что подобного политического угнетения под режимом коммунистической диктатуры в СССР не существует. С другой стороны, приведенная картина «бесправия населения» под властью царского абсолютизма может вызвать у граждан Советского Союза критическое отношение. В частности люди старшего возраста, помнящие положение при царском режиме, или молодые люди, изучившие прошлое России, могут ответить на эти утверждения Истории КПСС, что при царском режиме, несмотря на запреты и преследования, все же существовали политические организации (легальные, полулегальные и тайные), чего коммунистическая диктатура не допускает. Несмотря на цензуру, в царской России существовала на довольно высоком уровне периодическая печать, которая в большинстве случаев носила оппозиционный характер по отношению к царскому режиму. Часто публицистам и журналистам приходилось, во избежание цензурных репрессий, писать так называемым «эзоповым языком», но все же оппозиционные мысли доходили до сознания читателей. В царской России наука была несравненно свободнее, чем при коммунистическом режиме в СССР. Русская литература развивалась почти беспрепятственно. Знаменитый сатирик М. Е. Салтыков-Щедрин имел возможность беспрепятственно осмеивать в своих произведениях своекорыстие, необразованность и тунеядство царской бюрократии и моральное разложение помещичьего сословия. За это его и не расстреляли, и не сослали в Сибирь, как это случилось со многими писателями советской эпохи. Сочинения Льва Толстого, Максима Горького и других оппозиционных писателей издавались в царской России огромными тиражами. Не было в царской России и государственного «Союза писателей», который диктовал бы «инженерам душ» идеологические предписания правительства и определял бы, по поручению правительства, какие темы и жанры должны «разрабатываться» и какие умалчиваться под страхом репрессий.

Слова о «многочисленной армии жандармов» и полицейского аппарата в царской России могут вызвать у людей, незнакомых с положением вещей, мысль, что Россия времен абсолютизма была государством тоталитарным. Но даже во времена апогея самодержавия, в царствование Николая I

(1825—1855), Россия была далека от тех тоталитарных форм власти, которые мы наблюдаем под диктатурой КПСС.

2. Деятельность «революционных демократов» и народников

Во втором разделе первой главы Истории КПСС схематически, вскользь, представлена деятельность «революционных демократов» и народников. Авторы нового учебника не захотели глубже взглянуть на отечественные корни большевизма. Между тем идейная связь большевизма с некоторыми течениями народничества очевидна, как свидетельствует Н. Валентинов, близко знавший Ленина. Ленин говорил, что Н. Г. Чернышевский «его всего глубоко перепахал» в идейном отношении (Н. Валентинов, Встречи с Лениным, Нью-Йорк 1953 г., стр. 103). Веру русских народников в большую близость отсталой России к социалистической революции, сравнительно с западными индустриальными государствами, по существу разделял и Ленин, хотя он и вел в свое время ожесточенную полемику с народниками. Ленина объединял с революционными народниками (Бакуниным, Ткачевым, Нечаевым) принцип насилия активного меньшинства над пассивным, инертным большинством. Неразборчивость в средствах борьбы с противниками, полный аморализм роднит Ленина с Нечаевым, Бакуниным, Стефановичем и другими народниками, которые считали, что для достижения революционной цели все средства хороши. Тенденции некоторых групп революционных народников к диктатуре своего узкого круга «профессиональных революционеров» над народными массами хорошо понял украинский социалистический деятель Михайло Драгоманов (1841—1895), живший с 1876 г. в эмиграции, в Швейцарии и Болгарии. В статье «Обаятельность энергии», написанной в 1883 г., Драгоманов представил возможность захвата власти в России группой революционеров и установления диктатуры террористической партии. Он предрекал тяжелую судьбу населения под таким режимом (М. Драгоманов, Политические сочинения, т. II, Париж 1905).

3. Идея «диктатуры пролетариата»

Переходя от описания народнического движения к марксизму, авторы Истории КПСС повторяют известное утверждение, будто бы Маркс и Энгельс «превратили социализм из утопии в науку» (стр. 19). Излагая взгляды Маркса и Энгельса на развитие капитализма и его влияние на социальную структуру общества индустриальных стран, История КПСС особенно подчеркивает идею «диктатуры пролетариата». Эту идею авторы Истории КПСС считают краеугольным камнем всей теории Маркса. Читатель Истории КПСС ничего не узнает о том, как развивалась идея «диктатуры пролетариата» у Маркса и Энгельса. Известно, что в начале своей политической деятельности, особенно после февральской революции 1848 г. во Франции, Маркс и Энгельс находились под значительным влиянием Огюста Бланки и идеализировали диктатуру якобинцев времен Великой французской революции. Однако даже в «Коммунистическом Манифесте» 1847 г. рабочая революция представлена равнозначущей демократии: «Первый шаг рабочей революции — это возвышение пролетариата до положения господствующего класса, завоевание демократии». То же самое касается и Парижской Коммуны 1871 г., которую Маркс называл «диктатурой пролетариата». «Коммуна, — писал он, — была образована из муниципальных советников, из-

бранных парижскими округами посредством всеобщей подачи голосов». Как известно, в Париже времен Коммуны 1871 г. совершенно свободно развивали свою деятельность различные политические партии и существовала свободная пресса. О диктатуре какой-либо одной партии не могло быть тогда и речи. Демократически избранную Парижскую Коммуну Маркс назвал «действительно национальным правительством» (К. Маркс, «Гражданская война во Франции»).

В дальнейшем, когда сознательность и организованность рабочих в индустриальных странах Западной Европы стала непререкаемым фактом, Энгельс, уже после смерти Маркса, окончательно расстался с якобинским влиянием на марксизм. В предисловии к изданию «Классовой борьбы во Франции» Энгельс писал в 1895 г.: «Время революций, осуществляемых путем неожиданного захвата власти маленькими сознательными меньшинствами, стоящими во главе бессознательных масс, миновало». Энгельс считал, что социалистическое преобразование общества требует сознательного участия народных масс: «Поскольку на очереди стоит полное преобразование общественного порядка, массы сами должны в нем принимать участие, должны уже обладать пониманием того, о чем идет дело, чего им следует добиваться. Вот чему научила нас история последнего пятидесятилетия».

Однако урок Энгельса не подействовал на Ленина. Он с самого начала решил создать партию заговорщиков для захвата власти. В этом отношении Ленин шел по следам народника М. Ткачева, считавшего, что социалистический строй может ввести только «революционное меньшинство». Вот, например, мысли Ткачева, высказанные задолго до Ленина, еще в 1876 г.: «Ни в настоящем, ни в будущем, народ, сам себе предоставленный, не в силах осуществить социальную революцию. Только мы, революционное меньшинство, можем это сделать, и мы должны это сделать как можно скорее» («Набат» 4, 1876 г.). И далее: «Народ — необходимый фактор социальной революции, но только тогда, когда революционное меньшинство возьмет в свои руки дело этой революции... Освобождение народа посредством народа — это теория, под громкими фразами которой скрывается бессердечие. Революционное меньшинство, пользуясь своими силами, своим авторитетом, вносит прогрессивно коммунистические элементы в условия народной жизни» (там же).

Авторы Истории КПСС, трактуя о «диктатуре пролетариата», сразу же делают переход от рабочего класса к партии, которой предназначается задача осуществить «диктатуру пролетариата». «Следовательно, чтобы свергнуть капитализм и построить коммунизм, пролетариату нужна своя самостоятельная партия — коммунистическая партия» (стр. 20).

В дальнейшем изложении коммунистическая партия, как «авангард пролетариата», действует от имени всего рабочего класса, исключая все другие течения в пролетариате.

Авторы Истории КПСС выдают это за настоящий последовательный марксизм. Однако, еще в «Коммунистическом Манифесте» находим слова о том, что коммунисты являются только одной из партий рабочего класса, рядом с другими партиями. Вместо многообразности рабочего движения, которую признавали Маркс и Энгельс, История КПСС дает читателям свой идеал единой и единственной «партии рабочего класса», — партии коммунистической.

4. Создание русских социал-демократических организаций

В 3-м разделе I главы Истории КПСС излагается переход некоторых групп народников к марксизму и создание русских социал-демократических организаций. Авторы Истории КПСС приписывают в первую очередь вождю социал-демократической группы Г. Плеханову заслугу успешной критики иллюзий народничества о возможности перехода крестьянской России к социализму без политической борьбы. Фактически, выяснение значения политической борьбы для достижения социальных задач дал, прежде Плеханова, упомянутый украинский социалистический деятель М. Драгоманов. Книги и статьи Драгоманова, жившего с 1876 г. в Швейцарии, имели большое влияние на народников. Драгоманов с полным правом писал, что Плеханов и прочие русские марксисты повторяли его аргументы против «аполитических» иллюзий народников. О влиянии Драгоманова на народников писали в 1894 г. выдающиеся деятели народнического направления, современники Драгоманова: Сергей Кравчинский (лит. псевд. — Степняк), Егор Лазарев и Феликс Волховский. В приветствии Драгоманову по поводу 30-летия его научной деятельности они отметили заслуги Драгоманова для социалистического движения в России: «Украина, давшая нам величайшего из наших художников слова, основателя русской беллетристики (Гоголя. — П. Ф.), и множество первоклассных поэтов, артистов, музыкантов и ученых, может гордиться тем, что в трудную эпоху формирования политических партий в России она выдвинула одного из крупнейших политических мыслителей нашего времени, который более кого-либо из современников способствовал выведению русской революционной интеллигенции из того идейного хаоса, в котором она находилась лет пятнадцать тому назад. Сознательно или бессознательно, охотно или затыкая уши, русские революционеры почти всей массой идут по тому пути, который Драгоманов предвидел и не переставал указывать с первых дней своего появления за границей».

Это письмо было напечатано в юбилейном сборнике в честь Драгоманова, изданном уже после смерти юбиляра во Львове в 1896 г. (М. Павлик, Михайло Петрович Драгоманов. Его юбилей, смерть, автобіографія і спис творів, ст. 86—87). Вполне естественно, авторы Истории КПСС не смогли отметить факт влияния идей «прудониста» Драгоманова на первых русских марксистов. Ведь Драгоманов, умерший задолго до захвата власти большевиками в России, объявлен в СССР «буржуазным националистом», и его сочинения находятся в советском государстве под запретом. (См. также: Д. Заславский, М. П. Драгоманов, Киев 1925).

Признавая заслуги Плеханова и его группы «Освобождение Труда» для распространения идей марксизма в России, История КПСС выдвигает на первый план деятельность молодого Ленина, как теоретика и практика марксизма. Об отношении Ленина к теории Маркса в Истории КПСС сказано: «Для него марксизм всегда был не мертвой догмой, а живым руководством к революционному действию». Это значит, что Ленин, если требовали обстоятельства, в целях захвата власти, отказывался от марксизма как «мертвой догмы» и создавал свою теоретическую конструкцию, хотя бы и в противоречии с марксизмом.

5. «Начало ленинского этапа развития марксизма»

В связи с указанным выше отношением Ленина к марксизму как теории, которую следует приспособлять к потребностям борьбы за диктатуру «марксистской партии» в русских условиях, 1-й раздел II главы Истории КПСС имеет подзаголовок «Начало ленинского этапа развития марксизма».

Следует отметить важную деталь в Истории КПСС, связанную с критикой ревизионизма Эдуарда Бернштейна и других. Признавая за Лениным право создавать его «ленинский этап развития марксизма», авторы Истории КПСС, однако, отрицают право ревизии марксизма другими. В «Кратком курсе» истории ВКП(б) ревизионизм Бернштейна упоминается на стр. 24, но сущность взглядов Бернштейна там не изложена. В новой Истории КПСС ревизионизм Бернштейна изложен на стр. 43 в следующих словах: «Ревизионисты отрицали возможность обосновать необходимость и неизбежность социализма и объявили несостоятельным само понятие «конечная цель рабочего движения», — т. е. коммунизма. Они отрицали растущую нищету масс и обострение капиталистических противоречий. Они требовали отказа от основных положений марксизма — от теории классовой борьбы, от социалистической революции, от диктатуры пролетариата. Вождь ревизионизма немецкий социал-демократ Бернштейн заявлял: «Конечная цель — ничто, движение — все», — т. е. главным для оппортунистов было добиться от господствующих эксплуататорских классов реформ, незначительных улучшений для рабочих, не затрагивая основ капитализма. Оппортунисты стремились превратить социал-демократию из партии социальной революции в партию социальных реформ».

Это изложение взглядов Бернштейна и его сторонников не совсем точно. Бернштейн не отрицал классовой борьбы. Именно для успеха рабочего класса в борьбе за улучшение его положения он считал необходимым его «движение». Бернштейн не отрицал социализма как конечной цели рабочего движения. Он только не верил во внезапное, революционное претворение капиталистического строя в социалистический. Идею «диктатуры пролетариата», которая упоминается в сочинениях Маркса-Энгельса, Бернштейн отверг безусловно. Эдуард Бернштейн довольно долго жил в Англии, где сблизился с деятелями Фабианского общества (Fabian Society). Здесь окончательно сформировались его «реформистские» взгляды, которые в настоящее время приняли социалистические партии всех стран мира. Слова «диктатура пролетариата» были приняты единственно в программу Российской Социал-демократической партии. Взгляды Бернштейна, между прочим, легли в основу политической и социальной программы Социалистического Интернационала, принятой на Конгрессе во Франкфурте в 1951 г.

Утверждение авторов Истории КПСС, будто бы социалисты-реформисты хотели добиться только «незначительных улучшений для рабочих», является искажением действительности. Фактически политические и экономические организации рабочих в свободных индустриальных странах достигли больших успехов в борьбе за повышение своего жизненного уровня. Эти достижения являются реальным опровержением Марксовой теории «обнищания пролетариата», которой остаются верны коммунисты всех стран до сих пор, вопреки действительности. Теория обнищания пролетариата нужна коммунистам, так как вследствие ухудшения положения рабочих возрастает среди них недовольство и возникают революционные настроения.

Необходимо отметить некоторые фактические неточности, встречающиеся во II главе Истории КПСС. Например, на стр. 42 упоминается о революционном движении среди крестьянства в 1902 г. — в двух губерниях Украины (Полтавской и Харьковской), а также в Саратовской губернии. История КПСС приписывает аграрные беспорядки «безысходной нужде» крестьянства. В действительности крестьянство в упомянутых трех губерниях находилось в гораздо лучшем положении, чем, например, земледельцы центральной черноземной области России, где в то время происходило «вымирание деревни» (название книги позднейшего депутата Государственной Думы А. И. Шингарева, вышедшей в 1909 году). Революционное движение имело корни среди более развитых и часто даже состоятельных крестьян, которые чувствовали опасность ухудшения своего положения вследствие возрастающего малоземелья и надеялись на улучшение своего быта через раздел крупного землевладения. Это подтверждают ныне живущие свидетели — участники аграрного движения на Украине в 1902 г. — деятели Революционной Украинской Партии (Украинская Социал-демократия): Борис Мартос (США), Андрей Жук (Вена) и Александр Коваленко (Женева). Недовольство своим положением среди крестьянства Украины создало благоприятную почву для пропаганды Революционной Украинской Партии в 1902 г. О выдающейся роли Революционной Украинской Партии в аграрном движении 1902 г. упоминают официальные сообщения царской администрации, борющейся с аграрным движением на Украине (О. Гермайзе, *Революційна Українська Партія*», Киев 1925). Авторы Истории КПСС, склонные находить в прошлом влияние большевистских организаций даже там, где о нем не было и помина, в данном случае не сочли выгодным для КПСС отметить участие Украинской Социал-демократии в аграрном движении на Украине в 1902 г.

На стр. 43 встречаем другую умышленную неточность, допущенную авторами Истории КПСС. Упомянув Сергея Прокоповича и Екатерину Кускову, как авторов декларации «Средо», ставившей для рабочих на первый план организованную борьбу за улучшение их экономического положения, История КПСС утверждает, что Кускова и Прокопович стали позднее «кадетами» (членами конституционно-демократической партии), а в советское время — «белоэмигрантами». В действительности, Кускова и Прокопович до большевистского переворота принадлежали к партии Народных социалистов. В 1922 г. правительство Ленина выслало Прокоповича, Кускову и несколько десятков других деятелей левого лагеря за границу без права возвращения на родину. В этой вынужденной ссылке Кускова и Прокопович стояли отдельно от «белой» (монархической) эмиграции, принадлежа к социалистическому лагерю.

Во второй главе Истории КПСС описывается развитие социал-демократической газеты «Искра», в которой руководящее место занимал Ленин. В отличие от «Краткого курса», в Истории КПСС встречаем новый абзац о защите газетой «Искра» права народов на самоопределение (стр. 53). Наряду с этим История КПСС восхваляет «Искру» за то, что она «непримиримо воевала против еврейских, польских и других мелкобуржуазных националистов, вносивших национальную рознь в среду рабочих».

Авторы Истории КПСС умышленно скрывают под названием «мелкобуржуазных националистов» социалистические партии нерусских народов России, которые стремились сохранить свою независимость от Российской Социал-демократии (Всеобщий Еврейский Социал-демократический Союз —

«Бунд», Польская Социалистическая Партия, Украинская Социал-демократия и др.).

Ленин относился враждебно к социалистам нерусских народов России, основавших свои рабочие партии, независимые от РСДРП, и называл эти партии «националистическими», себя же — «интернационалистом». Целью Ленина было — объединить под главенством русских социал-демократов социалистические организации всех народов России. Все социалисты, противившиеся этому, были в глазах Ленина «мелкобуржуазными националистами». Признание за каждой нацией права самой определять свою судьбу, которое «Искра» на словах отстаивала, оставалось только агитационным средством. Практически Ленин в той же «Искре» выступал в 1903 г. против независимости Польши, за которую боролись польские социалисты: «Только социальная революция пролетариата поставит конец всякого рода социальному угнетению, в том числе и национальному порабощению». В «Искре» от 15 июля 1903 г. Ленин развивал свою теорию решения национального вопроса в том смысле, что социал-демократия должна требовать самоопределения не для народов, а «только для пролетариата каждой национальности». «Мы должны всегда и решительно стремиться к наиболее тесному объединению пролетариата всех национальностей и только в отдельных исключительных случаях можем ставить и поддерживать требования, стремящиеся к созданию нового классового государства или к замене государственного политического единства более слабой федеративной связью или подобными... Именно этим интересам классовой борьбы мы должны подчинить требование национального права на самоопределение».

Единое централизованное многонациональное государство — Россия — должно было, по мнению Ленина, создать и единую централизованную социал-демократическую партию, включающую все национальности этого государства. Авторы Истории КПСС развивают мысль Ленина, что «только тесный союз рабочих угнетенных наций с русским пролетариатом... обеспечит полное политическое и экономическое освобождение трудящихся» (стр. 53). Однако каким-то образом при этом совершенно отпадает национальное освобождение трудящихся угнетенных народов. Очевидно комментаторы ленинских теорий в Истории КПСС относятся к лозунгу национального самоопределения угнетенных народов только как к средству пропаганды. Единая централизованная социал-демократическая партия России, включающая все народы империи, нужна была Ленину как средство затормозить всякого рода стремления угнетенных народов к отделению от России. Требуя включения социалистических партий нерусских народов в РСДРП, Ленин имел также целью лишить угнетенные народы России самой революционной их части — организованного рабочего класса. Рабочие угнетенных народов России, став органической частью РСДРП, подпадали под влияние и дисциплину русского большинства.

Русские социал-демократы, почти без исключения, считали, что отдельные социалистические партии в Российской империи — еврейские, польские, украинские и т. д. — сеяли «национальную рознь среди рабочих». Им ничего не говорил пример многонациональной Австрии, где социал-демократическое движение, организованное по национальному принципу, было элементом, осуществлявшим равноправие народов этого государства.

История КПСС дает несколько иную формулировку отношения II съезда РСДРП к требованиям Всеобщего Еврейского Соц. Дем. Союза (Бунда) по организационному вопросу. «Съезд отверг национальный принцип федера-

ции в строительстве партии», — утверждают авторы Истории КПСС. Называя строительство социал-демократической партии России на основах федерации отдельных национальных групп «национализмом», авторы Истории КПСС считают централизм в построении партии равнозначущим с «пролетарским интернационализмом» (стр. 57).

В отношении к социалистическим партиям разных народов России не было различия между Лениным и Плехановым. Автору этих строк рассказывал Мыкола Ганкевич, покойный лидер Украинской Социал-демократической Партии Галиции и Буковины (бывшие провинции Австрии), о следующем эпизоде на Конгрессе Социалистического Интернационала в Амстердаме в 1904 г. Встретив на съезде делегата Революционной Украинской Партии (Украинская Социал-демократия) из царской России Евгения Голицинского, а также М. Ганкевича, представителя Украинской Социал-демократической Партии Австрии, Плеханов сказал, что отдельная Украинская Социал-демократическая Партия в России не нужна, что она должна влиться в Российскую Социал-демократическую Партию. Для обоснования своего мнения, Плеханов привел лозунг из Коммунистического Манифеста Маркса и Энгельса: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь»...

В сравнении с «Кратким курсом» 1938 г., новая История КПСС уделяет гораздо больше места национальному вопросу. «Краткий курс», излагая историю II съезда РСДРП, только вскользь, на стр. 40-й, упоминает о дискуссиях на этом съезде по национальному вопросу. В Истории КПСС национальный вопрос более подробно излагается на страницах 56—58. То же относится и к диктатуре пролетариата: в Истории КПСС эта проблема изложена более подробно, чем в «Кратком курсе». Авторы Истории КПСС заявляют, что «принятая на II съезде программа была марксистской программой революционной пролетарской партии, в корне отличной от программ западноевропейских партий. Это была тогда единственная в мире программа рабочей партии, в которой сформулирована идея диктатуры пролетариата» (стр. 59). Как указывает История КПСС, на II съезде РСДРП Плеханов проявил колебания в вопросе о диктатуре пролетариата. Эти колебания состояли в том, что «Плеханов растворял пролетариат в общей массе трудящихся и не подчеркивал, что рабочий класс может и должен объединить вокруг себя всех угнетенных капиталом». Отсутствовала у него и мысль о «руководстве партии классовой борьбой пролетариата» (стр. 55). Из этого явствует, что Плеханов — первый пропагатор учения Маркса в России, — отстаивал традиционную точку зрения марксизма на «диктатуру пролетариата» как на состояние, а не систему партийной диктатуры, которую имел в виду Ленин.

Некоторые противники Ленина в РСДРП сразу поняли опасность диктатуры, к которой стремился Ленин. Например, меньшевик Мартынов писал в газете «Искра» в 1905 г., что Ленин, выдвигая лозунг диктатуры, «страстно желает попытать счастья» (№ 103). Ленин на замечание Мартынова ответил, что это «вульгарно-буржуазная точка зрения», так как «буржуа понимает под диктатурой отмену всех свобод и гарантий демократии, всяческий произвол и всякое злоупотребление властью в интересах личности диктатора» (В. И. Ленин, Две тактики социал-демократии в демократической революции, Сочинения, 3 изд., т. 8, стр. 119). К сожалению, «вульгарно-буржуазная точка зрения» на диктатуру была правильна: диктатура большевиков действительно привела к отмене всех свобод, к произволу и злоупотреблению

властью в интересах диктаторов. Этому помог и сам Ленин, дав определение диктатуры как власти, не ограниченной никакими законами, опирающейся в прямом смысле на физическое насилие. При такой системе о «гарантиях демократии» вообще говорить не приходится.

Авторы нового учебника истории КПСС не привели мотивов Ленина, побудивших его к защите партийной диктатуры над трудящимися. Как известно, диктатура, по Ленину, необходима, так как, по его мнению, рабочий класс не способен пойти далее защиты своих профессиональных интересов, далее «тред-юнионизма». Социалистическое сознание рабочему классу приносят «профессиональные революционеры». Эти профессиональные революционеры составляют ядро партии, призванной осуществлять «диктатуру пролетариата».

Вполне ясно выступает в новой Истории КПСС с у б с т и т у и р о в а н и е партией профессиональных революционеров-большевиков всего рабочего класса: партия профессиональных революционеров, присваивая себе название «авангарда пролетариата», которому якобы дано ходом исторического процесса выражать интересы всех трудящихся, становится непререкаемым вождем и безапелляционным судьей во всех делах, касающихся рабочих и крестьян. Гегемония пролетариата (т. е. — партии большевиков) для крестьянства принимается Историей КПСС как аксиома, и это подтверждается цитатой из речи Ленина на II съезде РСДРП: «Мы в будущем будем считаться с фактом, что крестьянская масса привыкнет смотреть на социал-демократию как на защитницу ее интересов» (стр. 57).

История КПСС подчеркивает значение строгого централизма, который был положен в основу устава РСДРП на II съезде, «в противовес оппортунистическому принципу автономизма и федерализма» (стр. 61). На проблемах «диктатуры пролетариата» (фактически — диктатуры партии профессиональных революционеров как «авангарда пролетариата») авторы новой Истории КПСС останавливаются подробнее, как и на вопросе о централистическом построении партии. Повидимому составители Истории КПСС сделали это ввиду потребности дать теоретические и практические указания коммунистическим партиям всего мира. В 1939 г. «диктатура пролетариата» ограничивалась территорией бывшей царской империи (и то не в полном ее составе). После второй мировой войны наступление коммунизма во всем мире несравненно расширилось и усилилось, и в Москве решили преподать полезные советы «братским партиям» также и в новой Истории КПСС.

Изложение дискуссий и решений II съезда РСДРП в Истории КПСС еще более схоластично и односторонне, чем в «Кратком курсе». Особое ударение делается на «марксизме» Ленина и его сторонников. Плеханов, Мартов, Троцкий и другие выдающиеся деятели РСДРП объявлены «оппортунистами», отошедшими от марксизма. Единственным непогрешимым пророком марксизма остается Ленин. О не-марксистской партии социалистов-революционеров в Истории КПСС сказано, что «эсеры не шли дальше расплывчатого требования политической свободы» (стр. 62). Зато — «РСДРП (под водительством большевиков. — П. Ф.) оказалась единственной в России партией, деятельность которой целиком отвечала интересам страны и народа» (стр. 63). Утверждение это, кроме голословных ссылок на «революционный марксизм», История КПСС обосновать явно не в состоянии.

Вопрос об уставе партии, вокруг которого на II съезде РСДРП разгорелась страстная дискуссия, был отражением тенденций Ленина и его единомышленников подчинить социал-демократическое движение в России диктатуре заговорщиков — «профессиональных революционеров», хотя группа Ленина («большевики») и щеголяла термином «демократический централизм». Осуществление демократического централизма в партии откладывалось при этом на неопределенное время, до тех пор, когда в России создадутся условия для легального существования социал-демократической партии. Новая История КПСС признает это вполне определенно: «Ввиду нелегального существования партии в условиях царского самодержавия партийные организации не могли строиться на началах выборности и имели сугубо конспиративный характер. Но В. И. Ленин считал, что, когда партия станет легальной, партийные организации будут строиться на основе демократического централизма» (подчеркнуто в Истории КПСС, стр. 67). В действительности принцип построения большевистской партии на основе демократического централизма никогда не был осуществлен. Даже в первые месяцы революционной весны 1917 г. партия большевиков осталась орудием группы «профессиональных революционеров», которые чувствовали себя призванными историей определять судьбы рабочего класса и всего населения России.

6. Борьба между большевиками и меньшевиками

Излагая в четвертом разделе II главы Истории КПСС борьбу между большевиками и меньшевиками, авторы нового «Курса» умалчивают о том, что в партийных органах после II съезда РСДРП укоренился обычай кооптации. Этот обычай, конечно, не мог благоприятствовать победе «демократического централизма» в партии. Например, в Центральный Комитет РСДРП, который очутился в руках большевиков, были после II съезда РСДРП кооптированы еще два большевика: Л. Красин и Гальперин (J. Martow — Th. Dan, *Geschichte der russischen Sozialdemokratie*, S. 89, Berlin 1926). Такая практика, установившаяся в РСДРП, превратила партийную жизнь в борьбу клик и личностей за преобладание в партийном аппарате. При отсутствии контроля над деятельностью вождей со стороны рядовых членов партии это приводило к самовластию и деморализации.

Авторы сочли нужным привести цитату из письма уральских комитетов РСДРП в редакцию «Искры», в котором было поставлено требование подготовки партией «диктаторов» для будущего осуществления «диктатуры пролетариата». Это дополнение, сравнительно с текстом «Краткого курса», подтверждает наше мнение, что составители Истории КПСС оказались гораздо более уверены в пригодности русского образца партийного строительства для коммунистических партий всего мира, чем авторы «Краткого курса».

Большая самоуверенность авторов новой Истории КПСС, в сравнении с позициями составителей «Краткого курса», заметна также в разъяснении отношения вождей Социалистического Интернационала к расколу, происшедшему на II съезде РСДРП. «Краткий курс» об этом умалчивает. Новая История КПСС, наоборот, представляет дискуссию Ленина и его единомышленников с вождями западноевропейских социалистических партий (Бебель, Каутский, Гед) как победу «марксизма»: «В. И. Ленину пришлось вести

борьбу за партию при отсутствии поддержки и даже при прямой враждебности руководства западноевропейских социал-демократических партий. Лидеры II Интернационала выступили против В. И. Ленина, сказавшего новое слово в марксизме о роли партии, о ее характере, о воспитании кадров партии в решительной и непримиримой борьбе против оппортунизма» (стр. 70). Формула «новое слово в марксизме» указывает на ревизионизм Ленина в учении о партии. На это в свое время обратила внимание Роза Люксембург в статье «Организационные вопросы Российской Социал-демократии» („Neue Zeit", XXII Jahrgang, Band II). Р. Люксембург в упомянутой статье отметила уклон Ленина в сторону бланкизма, с влиянием которого на рабочее движение Западной Европы боролись Маркс и Энгельс. Поскольку Р. Люксембург после ее смерти в 1919 г. была причислена в Москве к лику коммунистических «святых», авторы новой Истории КПСС не сочли удобным упомянуть о ее резкой критике большевизма в самом начале оформления этого крыла РСДРП.

7. Русско-японская война и начало революции 1905 г.

Глава III Истории КПСС в описании Русско-японской войны и начала революции 1905 г. не дает по существу ничего нового в сравнении с «Кратким курсом». Авторы утверждают (стр. 77), что только большевики выступили с лозунгом поражения России в войне с Японией. Фактически, за поражение России в войне стояли польские социалисты (ППС), грузинские социалисты-федералисты, финские партии, украинская социал-демократия и другие. Пораженчество было распространено среди русских либералов. Меншевики внутренне желали поражения царского режима в войне с Японией, но не решались этого высказывать, чтобы правая печать не имела повода запятнать их как «изменников родины».

История КПСС утверждает, будто бы меньшевики во время Русско-японской войны «выступали под лозунгом «Мир во что бы то ни стало», не связывая этот лозунг с революционной борьбой против самодержавия». Факты этому противоречат. Известно, что меньшевики отказались принять участие в конференции всех оппозиционных и революционных партий России, созданной по инициативе финских активистов для выработки общего плана борьбы против царизма. Сделано это было по тактическим соображениям, так как финские активисты стояли в связи с японской агентурой (J. Martow — Th. Dan, Geschichte der russischen Sozialdemokratie, Berlin 1926, S. 95). Довольно странно звучат в Истории КПСС, которая восхваляет пораженческую позицию большевиков в Русско-японской войне, слова «русские войска сражались храбро» и порицание неподготовленности русской армии «во главе с тупыми и невежественными генералами...» (стр. 77). Если бы царская армия была надлежащим образом подготовлена к войне и имела во главе выдающихся полководцев, то надежды большевиков на поражение России и, следовательно, на революцию не оправдались бы. Логически рассуждая, нужно было бы желать (для ускорения революции), чтобы русские солдаты сражались плохо и чтобы во главе армии стояли самые бездарные генералы.

8. Перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую

Проблема перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, которой занимался III съезд РСДРП (большевистского крыла) весной 1905 г. в Лондоне, представлена в новой Истории КПСС как дальнейшее развитие мысли Маркса, высказанной в 1856 г., о желательности единства действий пролетариата и крестьянства в революционном движении Германии. Это — идея «перманентной революции». Ленин защищал идею «революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства» в ожидавшейся революции в России. По этому поводу новая История КПСС бросает упрек Л. Троцкому, утверждая, будто бы «Троцкий отрицал гегемонию пролетариата в буржуазно-демократической революции и революционную роль крестьянства» (стр. 91). Это утверждение авторов Истории КПСС не обосновано. В то время когда Ленин писал о «диктатуре пролетариата и крестьянства», он думал о диктатуре своей партии «профессиональных революционеров». Троцкий в полемике с большевиками после революции 1905 г. писал совершенно ясно: «Участие пролетариата в правительстве и объективно наиболее вероятно и принципиально допустимо лишь как доминирующее и руководящее участие ... Можно, конечно, назвать это правительство диктатурой пролетариата и крестьянства, диктатурой пролетариата, крестьянства и интеллигенции, или, наконец, коалиционным правительством рабочего класса и мелкой буржуазии. Но все же останется вопрос: кому принадлежит гегемония в самом правительстве и через него в стране? И когда мы говорим о рабочем правительстве, то этим мы отвечаем, что гегемония будет принадлежать рабочему классу». Об общности революционных интересов крестьянства и рабочих в России Троцкий писал: «... Судьба самых элементарных революционных интересов крестьянства — даже всего крестьянства, как сословия, — связывается с судьбой всей революции, т. е. с судьбой пролетариата» (Л. Троцкий, Наша революция, С.-Петербург 1906).

Ю. Мартов в своей «Истории Российской Социал-демократии» (немецкий перевод издан в Берлине в 1926 г.) отличает позицию Троцкого от позиции Ленина. Он утверждает, что Ленин «считал разделение политической власти между пролетариатом и крестьянской демократией вероятным и желательным исходом политического кризиса» (J. Martow—Th. Dan, Geschichte der russischen Sozialdemokratie, S. 118). Мартов полагал, что попытка большевиков в описываемом периоде сблизиться с партией социалистов-революционеров была вызвана именно этим предполагаемым разделением власти между «пролетарской» и «крестьянской» демократией. Это утверждение Мартова несостоятельно, и оно было опровергнуто последующими событиями. В 1917 г. Ленин привлек левое крыло социалистов-революционеров, чтобы свергнуть Временное Правительство, но в скором времени постарался избавиться от этого союзника. «Рабоче-крестьянскую» власть представляла в дальнейшем исключительно партия большевиков, под предводительством «профессиональных революционеров», назвавших себя «авангардом пролетариата». О желательности именно такого развития «революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства» Ленин писал в цитированной выше брошюре «Две тактики социал-демократии в демократической революции» еще в 1905 г.: «Наступит время — кончится борьба с русским

самодержавием — минет для России эпоха демократической революции — тогда смешно будет и говорить о «единой воле» пролетариата и крестьянства, о демократической диктатуре и т. д. Тогда мы подумаем непосредственно о социалистической диктатуре пролетариата . . . (В. И. Ленин, Сочинения, 3 изд., т. 8, стр. 86). Поэтому следует считать совершенно необоснованными упреки авторов Истории КПСС Троцкому, что он якобы «фальсифицировал Марксову идею перманентной революции» и «отрицал гегемонию пролетариата в буржуазно-демократической революции». Повидимому этот полемический ход против Троцкого объясняется желанием дать «установку» для дальнейшей кампании против «троцкизма», которую выдвигал Сталин в борьбе со своим наиболее выдающимся соперником.

Ход революции 1905 г. опрокинул представление большевиков об их руководящей роли в движении против абсолютизма. Несмотря на решения III съезда РСДРП, в котором приняли участие только большевики, не считаться с меньшевиками, создавшими свою конференцию и избравшими Организационный Комитет, революционные события в России привели местные организации обеих фракций к согласованию своих действий в борьбе с абсолютизмом. Однако новая История КПСС приписывает заслуги в революционном движении 1905 г. большевикам: «Всероссийская политическая стачка убедительно показала связь партии большевиков с народными массами и жизненность большевистских лозунгов» (стр. 95). Однако составители нового «Курса» не могут отрицать, что рядом с большевиками, меньшевиками и другими оппозиционными партиями в России возникло в 1905 г. сильное крестьянское движение и образовался Всероссийский Крестьянский Союз, в котором принимали участие социалисты-революционеры и социал-демократы. Например, председателем Всероссийского крестьянского союза был выдающийся член украинской социал-демократической рабочей партии Семен Мазуренко. Поскольку Крестьянский союз находился вне влияния большевиков, авторы Истории КПСС отрицают революционный характер этой организации, утверждая, что руководители Крестьянского союза «выражали классовые интересы кулацкой верхушки деревни» (стр. 97). Доказательств этого утверждения в Истории КПСС не приводится.

9. Отдельные расхождения между большевиками и меньшевиками

В разделе о революции 1905 г. заметна тенденция авторов Истории КПСС представить меньшевиков как партию, не желавшую вооруженного восстания против абсолютизма или не умевшую вызвать восстание даже в благоприятных условиях. На стр. 98, например, сказано: «Петербургский Совет, руководимый меньшевиками (Троцкий, Хрусталеv), не выполнил своей главной роли — не стал органом вооруженного восстания и борьбы за свержение самодержавия. Выдающуюся роль в революции сыграли руководимые большевиками Московский Совет и районные Советы в Москве». Эта формулировка обвинения Троцкого и других вождей Петербургского Совета Рабочих Депутатов 1905 года в бездействии значительно ослабляет то, что было написано в «Кратком курсе» под диктовку, очевидно, Сталина. Там просто сказано, что «меньшевики воспользовались отсутствием Ленина, пробрались в Петербургский Совет и захватили в нем руководство. Неудивительно, что при таких условиях меньшевикам (Хрусталеvu, Троцкому, Парвусу и дру-

гим) удалось повернуть Петербургский Совет против политики восстания. Вместо того, чтобы сблизить солдат с Советом и связать их в общей борьбе, они требовали удаления солдат из Петербурга. Вместо того, чтобы вооружить рабочих и готовить их к восстанию, Совет топтался на месте и отрицательно относился к подготовке восстания» (стр. 76). Сравнение обвинений, выдвинутых против Троцкого в обоих учебниках истории большевизма, показывает, что авторы Истории КПСС решили смягчить пристрастную сталинскую формулировку: вместо преступления против революции, которое якобы совершил Троцкий, ему приписывается только бездействие власти.

В интересах исторической правды необходимо отметить, что в вопросе о восстаниях против абсолютизма не было принципиальных расхождений между большевиками и меньшевиками. Так, например, упомянутая конференция РСДРП (меньшевиков), состоявшаяся одновременно с III съездом РСДРП (большевиков) в 1905 г., в резолюции «О вооруженном восстании» постановила: «Укреплять в массах сознание неизбежности революции, необходимости быть всегда готовыми к вооруженному отпору и возможности его превращения, в каждый момент, в восстание; установить самую тесную связь между борющимся пролетариатом разных местностей, чтобы, таким образом, сделать возможными для социал-демократии инициативные действия по превращению подготовляющихся стихийно движений в планомерные восстания» (А. И. Спиридович, История большевизма в России, Париж 1922, стр. 97).

После подавления восстаний, вспыхивавших с конца 1905 г. в разных частях Российской империи, состоялся Четвертый съезд Российской Социал-демократической Рабочей Партии (так называемый «объединительный») в Стокгольме, в апреле 1906 г. История КПСС, описывая это событие, пытается убедить читателя в факте «предательства меньшевиков» (стр. 103). Перед этим на стр. 101 авторы Истории КПСС утверждают, что «большевики и меньшевики коренным образом разошлись в оценке восстания. Меньшевики осудили героическую борьбу русского пролетариата, поднявшегося на вооруженное восстание». Для доказательства авторы приводят слова Плеханова по этому поводу: «Не нужно было браться за оружие». Это личное мнение Плеханова, который часто колебался между преувеличенными надеждами и дефетизмом в отношении революционного движения, совсем не было типическим для меньшевистской фракции РСДРП. На IV съезде РСДРП делегаты-меньшевики вполне ясно указали причины поражения восстания рабочего класса: «После октябрьских событий пролетариат остался одинок на поле битвы, он стоял изолированно» (J. Martow—Th. Dan, Geschichte der russischen Sozialdemokratie, S. 183).

Авторы Истории КПСС обвиняют меньшевиков в «предательстве», так как меньшевистское большинство на IV съезде РСДРП провело резолюцию против «путчизма», против восстаний во что бы то ни стало, не взирая ни на какие жертвы, без надежды на успех. Тем не менее, резолюция IV съезда РСДРП рекомендовала членам партии создавать боевые дружины для защиты от царской администрации.

10. Вопрос о «партизанских действиях» и «экспроприациях»

Как в «Кратком курсе, так и в новой Истории КПСС отсутствует одна важная деталь, касающаяся большевиков, относительно «партизанских дей-

ствий» и так называемых «экспроприаций». Партизанские выступления сторонников большевистской фракции, как отмечали на съезде меньшевики, превратились в «борьбу одного против всех и всех против одного», т. е. вели к дезорганизации рабочего движения и к полной анархии. Партизанские группы большевиков и отдельные лица, не связанные с политическими группами вообще, производили «экспроприации» (грабили деньги, принадлежащие государственным учреждениям и частным лицам). Эти «экспроприации» мало отличались в конечном счете от обычных уголовных деяний. Тем не менее, на IV съезде РСДРП большевики защищали «экспроприации», которые, по их мнению, должны были находиться под «контролем партии», при условии, что при этом «интересы населения потерпят по возможности меньший вред». Однако большевики взяли затем назад проект своей резолюции «Об экспроприациях», считаясь с отрицательным мнением большинства съезда. Но, отказавшись на словах от поддержки «экспроприаций», большевики после «объединительного» съезда пользовались вместе с тем этим средством для пополнения своей фракционной кассы.

Авторы обоих учебников умалчивают об участии большевиков в экспроприациях. Объясняется это несомненно практическими соображениями заказчиков учебника: положительная оценка «экспроприаций» может вызвать среди оппозиционных элементов попытку последовать примеру партии, ныне стоящей у власти в СССР.

11. Объединение РСДРП с другими социал-демократическими партиями

«Краткий курс» Истории ВКП(б) совсем не упоминает о состоявшемся на IV съезде объединении с РСДРП Всеобщего Еврейского социал-демократического союза (Бунд), социал-демократии Польши и Литвы и Латвийской социал-демократии. Две последние партии были признаны IV съездом территориальными организациями РСДРП, для Бунда сделано исключение: он был признан организацией еврейского пролетариата для всех областей Российской империи. Этому вопросу новая История КПСС уделяет около полустраницы и упоминает также об Украинской социал-демократической рабочей партии, которая послала своего представителя на съезд РСДРП в Стокгольме. Делегатом Украинской СДРП партии был Микола Порш, который принадлежал в 1917—1918 гг. к правительству независимой Украинской Республики в Киеве. История КПСС сообщает, что «принятие в состав РСДРП Украинской социал-демократической рабочей партии было отложено, а позднее отпало ввиду ее мелкобуржуазного, националистического характера. Рабочие Украины объединялись и боролись в общероссийских организациях РСДРП; здесь они воспитывались в духе классовой борьбы и пролетарского интернационализма» (стр. 107). Фактически дело обстояло проще: от Украинской социал-демократической рабочей партии откололась в 1905 г. группа ее членов, которая под именем Украинской «Спілки» (союз) при Российской социал-демократической партии вошла в РСДРП, как ее часть. В уставе «Спілки» сказано: «Украинский социал-демократический союз есть часть Р.С.Д.Р.П., имеющая целью организацию пролетариата, говорящего на украинском языке» («Искра», 15. 12. 1905). Поскольку Украинская социал-демократическая рабочая партия хотела сохранить свою организационную автономию, входя в состав РСДРП (по примеру «Бунда» и

других партий), и при том требовала от РСДРП признания Украинской СДРП единственной представительницей украинского пролетариата, IV съезд этот вопрос «отложил». Фактически, для вождей РСДРП было вполне достаточно присутствия в ее рядах Украинской социал-демократической «Спілки», которая агитировала за вхождение непосредственно в организации РСДРП всех рабочих, «говорящих на украинском языке». Самостоятельно могли существовать организации Украинской социал-демократической «Спілки» только в тех местах, где не было комитетов РСДРП. Это положение привело через некоторое время к ликвидации «Спілки», так как в РСДРП сочли излишним поддерживать издания агитационной литературы и устную пропаганду на украинском языке. Вследствие этого инициаторы создания Украинской социал-демократической «Спілки» вернулись в ряды Украинской социал-демократической рабочей партии, обвиняя деятелей РСДРП в руссификаторских тенденциях по отношению к украинскому рабочему классу. Ленин, согласно своему враждебному отношению к социал-демократическим партиям России, отстаивавшим свою организационную независимость от РСДРП, торжествовал после IV съезда. В Истории КПСС приводятся его слова о том, что слияние национальных социал-демократических партий с РСДРП «укрепляет Российскую СДР партию» (стр. 108).

IV «объединительный» съезд РСДРП не создал единой партийной организации. Хотя был избран новый Центральный Комитет партии с преобладанием меньшевиков, однако большевики не прекратили своей фракционной деятельности, не признавая решений съезда и нового ЦК. Сравнительно с «Кратким курсом» в новый учебник истории КПСС внесена поправка: на стр. 108 указано, что в состав Центрального Комитета РСДРП, избранного на IV съезде, вошли 3 большевика и 7 меньшевиков. В «Кратком курсе» дано иное соотношение: 3 большевика и 6 меньшевиков (стр. 83). Причина разноречивости в новой Истории КПСС не указана.

12. Тактика обеих фракций РСДРП в отношении Государственной Думы

Описывая в пятом разделе III главы Истории КПСС тактику обеих фракций РСДРП в отношении I и II Государственной Думы, авторы нового учебника стараются изобразить меньшевиков как «проводников буржуазного влияния на пролетариат». Это делается даже в том случае, когда большевики сами признали свою тактику ошибочной (например, в отношении бойкота большевиками выборов в I Государственную Думу 1906 г.) Меньшевики считали Государственную Думу достижением революционного движения. Авторы Истории КПСС утверждают, что призыв меньшевиков поддержать оппозиционную Государственную Думу «мог только укрепить конституционные иллюзии» (стр. 111). Логически рассуждая, нужно было бы считать желательным, в интересах развития рабочих организаций в России, усиление оппозиционного движения при помощи Государственной Думы. Большевики, как это видно из Истории КПСС, не надеялись на возможность конституционного движения в России и по существу не желали ему успеха. Без реальных перспектив победы над царским режимом, Ленин и его единомышленники продолжали, однако, сеять иллюзии партизанской борьбы, которая привела рабочие организации к распаду и деморализации. Эти хаотические выступления большевиков оттолкнули оппозиционные партии

России от участия в революционном движении и открыли путь для реакции Столыпина. Ничуть не смущаясь непоследовательностью, авторы Истории КПСС пишут, что «в условиях спада революции большевики изменили свою тактику. Они решили принять участие во II Государственной Думе, чтобы использовать ее как трибуну для революционной агитации, для обличения самодержавия и контрреволюционной буржуазии» (стр. 111).

Читатель Истории КПСС может с недоумением спросить: почему большевики, даже признав свою тактику бойкота выборов в I Государственную Думу ошибкой, все же обвиняют меньшевиков в «конституционных иллюзиях»? Ведь меньшевики и социалисты-революционеры в I Думе тоже занимались революционной пропагандой, произнося речи с трибуны парламента, и к этим речам прислушивалось население Российской империи.

13. Большевистский Центр в составе РСДРП

Авторы Истории КПСС, излагая решения V съезда РСДРП, который состоялся в Лондоне в мае 1907 г., раскрывают один факт, до этого времени малоизвестный. Хотя большевики на этом съезде победили, проведя свои резолюции, и получили большинство в новом Центральном Комитете РСДРП, они все же «во время съезда провели совещание, на котором создали свой Большевистский Центр» (стр. 114). Об этой заговорщической тактике Ленина и его единомышленников в «Кратком курсе» ничего не упоминается. Теперь, когда подобная тактика «объединения» с социалистическими партиями в разных странах Европы после второй мировой войны принесла выгодные для коммунистов последствия, составители новой Истории КПСС сочли нужным упомянуть о Большевистском Центре, тайной организации ленинцев в составе РСДРП.

14. Программа и тактика большевиков — универсальный образец для всех стран

Изложение программы и тактики большевиков в эпоху революции 1905—1906 гг. полемически направлено в «Кратком курсе» в значительной мере против меньшевиков, как наиболее опасных противников большевизма. Новая История КПСС опыт большевистской программы и тактики в революции 1905—1906 гг. провозглашает уже з а к о н о м для всех стран: «Борьба большевиков за революционное решение коренных вопросов русской революции — руководящей роли партии рабочего класса, о союзе рабочего класса и крестьянства, о гегемонии пролетариата, о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства, о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую, о руководстве национально-освободительным движением, о формах и средствах революционной борьбы, — наносила серьезный удар по оппортунистам II Интернационала» (стр. 118). Из этого следует, что программа и тактика большевиков в борьбе с самодержавием в аграрной России должны стать универсальным образцом для социалистов в таких странах, как Швейцария, Голландия или Швеция, а также в странах Востока и Америки. Вполне откровенная фор-

мулировка претензии на универсальное значение большевистского эксперимента в России есть то новое, что вносит История КПСС, сравнительно с «Кратким курсом».

15. События в революционном движении 1907—1910 гг.

В четвертой главе Истории КПСС излагаются события в революционном движении России в 1907—1910 гг. Это было время победившей реакции. Сохранив единство действий, РСДРП могла бы отразить наступление реакции. Но единство отсутствовало. Большевистский Центр действовал сепаратно и признавал только те постановления IV съезда РСДРП, которые соответствовали взглядам большевистской фракции, а прочие резолюции съезда саботировал. Об этом авторы Истории КПСС совсем не упоминают. Например, IV съезд РСДРП в своей резолюции «категорически запретил» всяческие боевые группы при организациях партии, а также осудил поддержку партизанских выступлений и «экспроприации». Тем не менее Большевистский Центр, тайно от небольшевистских членов Центрального Комитета, поддерживал связи с боевыми группами, которые совершали нападения на государственные и частные банки и прочие учреждения, с целью грабежа денег для пополнения большевистской кассы. Особенной энергией отличались выступления большевистских экспроприаторов на Урале и на Кавказе. Как в «Кратком курсе», так и в новой Истории КПСС совершенно умалчивается об этих экспроприациях, из которых самой громкой было ограбление Государственного банка в Тифлисе в 1907 г. В этом предприятии руководящую роль сыграл Иосиф Джугашвили — Сталин. В реализации достижений этой экспроприации принимал, между прочим, участие Максим Литвинов, в дальнейшем комиссар иностранных дел в правительстве СССР до 1939 г., который в 1907 г. пытался разменять захваченные кредитные билеты в Париже, но был арестован. Изобличению этой тактики Большевистского Центра Ю. Мартов посвятил свою брошюру «Спасители или упразднители», изданную в Париже в 1911 г.

Какие огромные суммы на деятельность своей фракции получали большевики от «экспроприаций», дает представление уральский большевик Сулимов в журнале «Пролетарская Революция» (№ 7/42, Москва). В своих воспоминаниях Сулимов пишет, что на протяжении 1906—1907 гг. из сумм, захваченных на Урале большевистскими боевыми группами, 40 000 руб. было передано в областной комитет большевистской фракции, а 60 000 руб. — в кассу Большевистского Центра. На эти деньги областной комитет большевиков издавал на Урале три газеты, а Большевистский Центр содержал свою прессу в России и за границей, а также организовывал школы инструкторов для боевых групп и даже курсы бомбометателей во Львове, в центре украинской области, принадлежавшей до 1918 г. Австрии. Огромные суммы, попавшие в кассу Большевистского Центра путем экспроприаций, дали возможность большевистской фракции уберечь часть своих организаций в России, сохраняя дисциплину среди членов партии.

Мартов в упомянутой брошюре писал, что организация большевиков в Петербурге получала ежемесячно от Большевистского Центра субсидию на деятельность в размере 1 000 руб., а московская организация — 500 руб.

В то же время ежемесячный бюджет Центрального Комитета РСДРП, избранного на IV съезде в Лондоне в 1907 г., составлял всего 100 рублей! Организации меньшевиков, отказывавшихся прибегать к экспроприациям, хирели, а большевистские группы, не связанные никакими моральными соображениями, довольно успешно развивались. В дальнейшем, однако, царской полиции удалось ввести своих агентов в большевистские организации (даже в Центральный Комитет), и приток денег в кассу большевиков при помощи экспроприаций прекратился.

Умолчание в Истории КПСС о средствах, на которые Большевистский Центр вел свою организационную и издательскую деятельность, свидетельствует, что сами руководители победившего большевизма считают «экспроприаторское» приобретение средств для партии при царском режиме не-благовидным.

История КПСС умалчивает о поражении большевиков, которое они потерпели на V Общероссийской конференции РСДРП в декабре 1908 г. в Париже. Хотя конференция приняла тезисы большевиков относительно организации партии как сугубо нелегальной, однако в дискуссиях были раскрыты действия большевистских групп «экспроприаторов», доставлявших деньги в кассу Большевистского Центра. Вследствие этого Большевистский Центр был объявлен распущенным.

Авторы Истории КПСС обходят также молчанием решение названной конференции признать газету «Правда», которая издавалась под редакцией Л. Троцкого, органом партии. В Истории КПСС умалчивается и о том, что большевики, внешне согласившись с решением конференции о финансовой поддержке «Правды», отказались выполнить это постановление (J. Martow — Th. Dan, op. cit., S. 243).

В Истории КПСС газета Л. Троцкого «Правда» упоминается в связи с борьбой Ленина против «центризма». Для обличения Троцкого приведена цитата из статьи Ленина: «Троцкий повел себя, как подлейший карьерист и фракционер» (стр. 131). Этой цитаты нет в «Кратком курсе», составленном под непосредственным руководством Сталина, который особенно неприязненно относился к Троцкому.

16. «Философия марксизма» в разработке Ленина

В разделе IV новой Истории КПСС четыре страницы посвящены «философии марксизма» в разработке Ленина. В сравнении с «Кратким курсом» это является большим прогрессом. Сокращенное изложение ленинской философии облегчает партийцам и комсомольцам изучение Истории КПСС. Ведь тема «О диалектическом и историческом материализме» в «Кратком курсе» занимает 30 страниц, с многочисленными цитатами из Ленина, Маркса и Энгельса. Повидимому «философскую часть» Истории КПСС решено сократить ввиду ее сложности для широкого читателя в СССР.

В сокращенном изложении «философии марксизма» подчеркивается оптимистический взгляд на универсальное значение законов развития человеческого общества, которыми якобы овладели коммунисты: «Зная эти законы, партия предвидит ход развития общества далеко вперед, научно определяет назревающие задачи революционной борьбы и мобилизует массы на их разрешение».

Несогласные с этим утверждением, а также люди, не разделяющие философии диалектического материализма, неминуемо, — как заявляют авторы новой Истории КПСС, — должны делать политические ошибки. Как пример таких ошибок История КПСС приводит воззрения меньшевиков и «богдановцев» (группа большевиков во главе с Богдановым, который стал приверженцем философии Эрнста Маха). В Истории КПСС об этом говорится: «Такая же связь имеется между отказом от философии марксизма и оппортунизмом. Это видно, в частности, на примере ревизионистов философии — меньшевиков, являвшихся ликвидаторами в политике, и богдановцев, которые оказались отзовистами (группа большевиков, требовавшая отозвания депутатов-социалистов из Государственной Думы. — П. Ф.) в политике и скатились на позиции меньшевизма» (стр. 137). Согласно этому взгляду, только вера в философский и экономический материализм оберегает людей от оппортунизма и политических ошибок и обеспечивает их революционное настроение и успехи. Однако этот взгляд трудно совместить, например, с философией Томаса Гоббса (Hobbes). Как известно, Гоббс был в философии материалистом, но в политике — ярко выраженным реакционером. Современник Ленина, француз Морис Баррес (Maurice Barrès) был в философии тоже материалистом и атеистом. Но это не мешало ему одновременно быть в политике убежденным реакционером.

17. «Краткие выводы» из IV главы

Четвертый раздел и «Краткие выводы» из IV главы Истории КПСС заканчиваются в самоуверенном, победном тоне: «Большевики являлись единственной организованной революционной силой в стране» (стр. 140). Также и в теории «большевики оказались единственной силой, которая в непримиримой борьбе против оппортунистов всех мастей отстояла партию, ее революционную теорию, ее революционные принципы и традиции». Социал-демократам меньшевикам и социалистам-революционерам авторы дают презрительную и крайне несправедливую оценку: «Царизм, помещики и буржуазия всеми средствами пытались предотвратить новую революцию, в чем им усердно помогали меньшевики и эсеры» (стр. 140). И далее: «Кадеты и ликвидаторы (кличка данная большевиками меньшевикам, которые якобы хотели ликвидировать нелегальную деятельность партии. — П. Ф.) старались вытравить идею революции из сознания народа» (стр. 144).

Авторы нового учебника Истории КПСС сознательно умалчивают о действительных отношениях между большевиками и меньшевиками в описываемый период (1907—1910 гг.). Они не сообщают читателю таких фактов, как создание общей редакции центрального органа РСДРП из меньшевиков и большевиков, решенное на конференции РСДРП в Париже, в декабре 1908 г. (Ленин, Зиновьев, Мартов, Дан и Ледер, представитель социал-демократической партии Польши и Литвы). Ничего не узнает неискушенный читатель Истории КПСС и о том, как большевики саботировали все постановления Парижской Конференции и сделали невозможным для Мартова и Дана сотрудничество в центральном органе РСДРП. В Истории КПСС остается неосвещенным вопрос, почему Ленин, в руках которого осталась партийная касса, приостановил выдачу денег на издание газеты «Правда», которая была признана органом РСДРП. Равным образом авторы Истории

КПСС оставили без внимания решение редакции центрального органа РСДРП (в которой после выхода Мартова и Дана остались большевики) не признавать полномочий Заграничного Бюро РСДРП, созданного на конференции партии в Париже. Ленин и его единомышленники захватили в свои руки даже кассу и типографию Заграничного Бюро РСДРП и объявили о роспуске этого органа. Приверженцы Ленина создали после этого свою «организационную комиссию» для созыва новой конференции партии. После ухода Мартова и Дана из редакции Центрального органа РСДРП там остались большевики и представитель социал-демократии Польши и Литвы, который не во всем соглашался с тактикой большевиков. Это привело к созданию «Русской организационной Комиссии», составленной исключительно из большевиков. Эта комиссия захватила кассу и типографию «организационной комиссии» и «беженской комиссии». Большевистский Центр, который был запрещен на конференции РСДРП в Париже в 1908 г., не только фактически, но и формально оказался восстановленным. Ледер, представитель социал-демократии Польши и Литвы, желая спасти свое положение, требовал возвращения Дана и Мартова в редакцию Центрального органа РСДРП, но Ленин и Зиновьев отказались выполнить это требование. Между вчерашними союзниками против «ликвидаторов» (русскими большевиками и представителями социал-демократии Польши и Литвы) разгорелась яростная полемика с угрозами физического воздействия. Об этих совсем не назидательных фактах деятельности Ленина и его друзей в описываемый период авторы Истории КПСС сочли за благо умолчать. (См. J. Martow—Th. Dan, *op. cit.*, S. 246—247).

Нападая на группу большевиков — «богоискателей» (А. Богданов, А. Луначарский и др.), авторы Истории КПСС, выгораживают Максима Горького, представляя его непоколебимым сторонником Ленина. Этому противоречит участие Горького в организации партийной фракционной школы на Капри в 1909 г. Горький дал средства на организацию этой школы, но она была скоро закрыта вследствие интриг ленинцев (А. И. Спиридович, *История большевизма в России, Париж 1922*, стр. 202).

18. События в революционном движении 1910—1914 гг.

В V главе Истории КПСС описываются события 1910—1914 гг. Упомянув о кампании, которую вели меньшевики среди рабочих за подачу петиций в Государственную Думу с требованием свободы союзов, собраний, стачек и т. п., авторы Истории КПСС резко осуждают эту кампанию, в которой якобы троцкисты и меньшевики играли «особенно вредную и позорную роль». Авторы Истории КПСС приводят доказательства, почему, по их мнению, петиционная кампания была вредна: «Большевики разъясняли рабочим, что никакие свободы невозможны, пока страной правят черносотенные помещики, что только свержение царской монархии даст свободу народу» (стр. 150).

Без сомнения, если бы инициатива петиционной кампании принадлежала большевикам, то авторы Истории КПСС оправдывали бы эту кампанию как «использование легальных возможностей для создания революционных настроений».

Победа большевиков на Пражской Конференции РСДРП в январе 1912 г. описана в Истории КПСС яркими красками. Но авторы учебника обходят

молчанием факт создания блока социал-демократических групп, не мирившихся с произвольными действиями Ленина и его единомышленников. В Истории КПСС даже не упоминается так называемый «Августовский блок», организовавший конференцию меньшевистских групп РСДРП в Вене в августе 1912 г. под председательством Троцкого. Этим новая История КПСС отличается от «Краткого Курса», в котором целый раздел посвящен «борьбе большевиков против троцкизма» и «Августовскому антипартийному блоку» (стр. 131).

Касаясь выборов в IV Государственную Думу в 1912 г., авторы Истории КПСС излагают это событие очень кратко. Перечисляя 6 большевиков, избранных тогда в Думу, авторы нового учебника называют также Романа Малиновского, оказавшегося провокатором. В соответствующем месте «Краткого Курса» имя Малиновского не упомянуто.

19. Ленин и Малиновский

Отношения между Лениным и Малиновским заслуживают более подробного освещения. Поляк по происхождению, Малиновский родился в 1876 г. По профессии он был токарем. За ним имелось уголовное прошлое (вор-рецидивист). В 1903 г. Малиновский судился за кражу со взломом. С мая 1910 г. он состоял секретным сотрудником Московского Охранного Отделения, оставаясь в то же время деятельным членом организации социал-демократов меньшевиков. Его неоднократно арестовывали вместе с его товарищами по партии, которых он предавал, но через некоторое время освобождали «за неимением улик». Это создало Малиновскому авторитет солидного конспиративного работника, умеющего прятать «концы в воду». Ленин познакомился с Малиновским на Пражской Конференции большевиков в 1912 г. Командированный на эту Конференцию Департаментом Полиции, Малиновский заявил Ленину, что он отошел от меньшевиков, став на точку зрения большевиков. Малиновский приобрел полное доверие Ленина, и последний выставил его кандидатуру от большевиков при выборах в IV Государственную Думу. 26 октября 1912 г. Малиновский был избран в Думу по Москве, причем в этом ему помог также Департамент Полиции, который был хорошо осведомлен о его уголовном прошлом, но, с разрешения министра внутренних дел, ничего не сообщил об этом московским властям. В ином случае Малиновский был бы исключен из списка кандидатов на выборах в Государственную Думу.

Ленин имел к Малиновскому неограниченное доверие и настоял на том, чтобы Пражская Конференция РСДРП избрала Малиновского в состав Центрального Комитета партии. С этого времени деятельность Большевистского Центра оказалась под контролем секретного сотрудника Департамента Полиции.

Малиновский сыграл большую роль в расколе социал-демократической фракции в IV Государственной Думе. К расколу стремился Ленин, имея в виду полное подчинение части социал-демократических депутатов Думы его указаниям. На совещании большевистского Центрального Комитета РСДРП в Кракове, в конце декабря 1912 г., присутствовал и Малиновский. В резолюции этого совещания было сказано, что партия «должна оказывать всестороннюю поддержку массовым стачкам и всякого рода революционным

выступлениям» и устраивать митинги и демонстрации. Меньшевики считали, что вооруженные восстания, к которым призывал Ленин, могли лишь привести к дезорганизации рабочих масс, нуждавшихся в подготовительной работе. Меньшевистские депутаты Государственной Думы (семь человек) — не были намерены следовать путчистской тактике большевиков. При усердном содействии Малиновского, Ленину удалось расколоть в октябре 1913 г. думскую социал-демократическую фракцию. Однако Малиновский просчитался в своей опасной игре. Речи, которые он произносил с трибуны Государственной Думы, составлял для него Ленин. Перед своими выступлениями эти речи Малиновский представлял на просмотр в Департамент Полиции. 7 мая 1914 г. он читал протест против исключения его из 15 заседаний Думы. Председатель лишил его слова, и Малиновский был вынужден уйти с трибуны. Подобные «ультра-революционные» его выступления вице-министр Внутренних Дел генерал Джунковский признал слишком опасными, и сведения о секретном сотрудничестве Малиновского с Департаментом Полиции были переданы председателю Государственной Думы М. В. Родзянко. Малиновскому приказали сложить мандат члена Думы и уехать за границу, что он в дальнейшем и сделал. Перед этим Малиновский был у Ленина и обо всем ему рассказал. Ленин, однако, не только не отрекся от секретного сотрудника Департамента Полиции, но выступил даже в его защиту. Меньшевистская «Новая Рабочая Газета» требовала расследования этого дела. Ленин и Зиновьев заявили в ответ, что они ручаются за политическую честность Малиновского, и что Мартов и Дан, требовавшие расследования дела, — «сознательно бесчестные клеветники». Малиновскому даже дана была возможность выступить на страницах легальной большевистской газеты «Правда» с обвинениями против представителей меньшевиков. Секретный сотрудник Департамента Полиции возражал против партийного суда над собой, но требовал публичного рассмотрения дела в суде Швейцарии. Ленин сделал возможным это выступление провокатора Малиновского с тем расчетом, что противники большевистской фракции не смогут выступить с обвинениями против Малиновского перед государственным судом свободной страны, так как в этом случае пришлось бы привлечь в качестве свидетелей многих лиц из числа нелегальных участников революционного движения в России (J. Martow—Th. Dan, op. cit., S. 266—267). Этот маневр Ленину удался: дело провокатора Малиновского, члена ЦК партии большевиков и депутата Государственной Думы, вождь большевизма временно замаял. Можно догадываться, что Ленин и раньше знал о службе Малиновского в Департаменте Полиции, но думал, что последний служит более революционному движению, чем царскому режиму. Повидимому, в «верности» революционному движению Малиновский еще более убедил Ленина после своего вынужденного ухода из Государственной Думы в 1914 г., так как Ленин не прерывал с ним связей до самой революции 1917 г. По указаниям Центрального Комитета большевистской партии Малиновский, будучи в Германии во время первой мировой войны, вел пораженческую пропаганду в лагерях русских военнопленных.

В феврале 1917 г., накануне падения царского режима в России, было опубликовано, наконец, решение особой комиссии по делу Малиновского в большевистской газете «Социал-Демократ» (Швейцария). Комиссия была назначена Центральным Комитетом РСДРП. В нее входили Ленин, Зиновьев и Ганецкий-Фюрстенберг. Комиссия признала Малиновского совер-

шенно реабилитированным. Однако в непродолжительном времени, после свержения царского правительства, были опубликованы материалы из архивов Департамента Полиции о провокаторской деятельности Малиновского. У Ленина хватило все же смелости после этого обвинять б. председателя Государственной Думы Родзянко, якобы «утаившего дело Малиновского и не давшего возможности расследовать деятельность агента-провокатора» (В. И. Ленин, Соч., 3 изд., т. 12). Имя Малиновского упоминается в Истории КПСС один раз, на стр. 162, как избранного в Государственную Думу в 1912 г. О его роли в расколе фракции РСДРП в Государственной Думе директор Департамента Полиции Белецкий сообщил следственной комиссии Временного Правительства в 1917 г. следующее: «Малиновский получил поручение стараться изо всех сил, чтобы углубить раскол социал-демократической партии... Я признаю, что вся задача моего поручения может быть очерчена словами: сделать невозможным объединение партии» (В. Wolfe, Der Monat, Berlin, Heft 67). В этом же направлении действовал и Ленин (см. Paul Ohlberg, Neue Zürcher Zeitung, 10. 10. 1959).

Превознося большевистскую газету «Правда», выходившую в Петербурге с весны 1912 г., авторы Истории КПСС замалчивают имя ее редактора Мирона Черномазова (Фирина), который также был разоблачен после революции 1917 г. как секретный сотрудник Департамента Полиции.

Авторы Истории КПСС приписывают большевикам заслугу в подготовке падения самодержавия, хотя их партия была целиком под контролем Департамента Полиции. В действительности, революционные настроения возрастали в России на протяжении долгих десятилетий и подготовлялись целыми поколениями. Ликвидация самодержавия произошла поэтому легко и почти безболезненно, с минимальными жертвами; революция вполне «созрела», и у старого режима не было сил для защиты своих позиций.

Восхваление авторами Истории КПСС решающей роли, которая якобы принадлежала большевикам в подготовке революции 1917 г., является искажением действительного положения в России накануне падения самодержавия. Чтобы пропагандистски оттенить мнимое преобладание большевизма в революционном движении в России перед первой мировой войной, авторы Истории КПСС называют меньшевиков «столыпинской рабочей партией» (стр. 164). Такого выражения нет даже в «Кратком курсе» Истории ВКП(б).

20. Ленин и национальный вопрос

В последнем разделе V главы Истории КПСС излагаются основные взгляды Ленина на национальный вопрос. Признавая в теории полное равноправие наций и право народов на самоопределение, большевистская программа требует «теснейшего единства рабочих всех наций, слияния их в единых пролетарских организациях». Ленин и его сторонники всячески стремились к созданию единой централизованной социал-демократической партии России, с участием всех национальностей. История КПСС утверждает, что «большевики добились единства рабочих всех народов России сплотили их вокруг русских рабочих как основного ядра и руководящей силы рабочего движения. Партия вобрала в себя лучших сынов всех национальностей» (стр. 165—166).

Из этого изложения вполне очевидно, что от воли «руководящей силы рабочего движения» зависит, при централизованном характере партийных организаций, вопрос о возможности самоопределения нерусских народов. Этого действительного самоопределения народов (отделения угнетенных наций от России и создания независимых государств) Ленин не желал и этим тенденциям всячески противодействовал. Создание социалистических партий народов России, независимых от РСДРП, Ленин считал весьма опасным для единства Российской империи, и против этого его партия вела непримиримую борьбу.

21. Отношение большевиков к первой мировой войне

Глава VI Истории КПСС касается событий первой мировой войны 1914—1918 гг. Авторы пытаются убедить читателя в исключительной враждебности большевиков к войне. В действительности Ленин и его последователи, хотя и называли империалистические войны преступлением, были, однако, не прочь воспользоваться этими войнами для революционных целей, для свержения царского режима и установления своей партийной диктатуры. Свое убеждение, что война между великими державами неминуемо приведет к революции, в первую очередь в России, Ленин вполне определенно выразил в письме Максиму Горькому в 1912 г. Ленин хотел, чтобы в Балканскую войну вмешались Австро-Венгрия и Россия, но считал вместе с тем, что «Франц и Николашка не сделают нам сего удовольствия» (В. И. Ленин, Сочинения, изд. 3, т. 12, стр. 130).

Авторы Истории КПСС приводят, как аксиому, мысль Ленина о неизбежности войн: «В. И. Ленин, указывал, что создание могучих монополистических союзов капиталистов и борьба этих союзов за экономический передел территориально уже поделенного мира неизбежно порождают в эпоху империализма войны». Признавая такую неизбежность, как непреложный закон исторического развития, революционная партия не имеет иного выхода, как только использовать всякий международный конфликт для достижения своих целей. Поскольку "*Salus revolutionis suprema lex*", как выразился Плеханов на II съезде РСДРП в 1909 г. (в протоколах II съезда РСДРП напечатано "*Salus revolutiae...*"). Неизвестно, была ли это ошибка самого Плеханова, или же лиц, корректировавших издание протоколов. См. Второй очередной съезд РСДРП, Женева, стр. 169), и войны могут привести к революционной развязке, логика и чувства убеждали Ленина и его единомышленников в желательности и полезности международных военных конфликтов для успеха революционного движения.

Причину возникновения первой мировой войны авторы Истории КПСС ищут не только в капиталистическом развитии великих держав, но также и в надежде правительств этих государств, «что война отвлечет внимание народных масс от революционной борьбы. Империалисты надеялись путем натравливания друг на друга рабочих разных стран расколоть единство международного пролетариата, отравить его ядом шовинизма, перебить значительную часть передовых рабочих и тем самым подавить или по крайней мере ослабить революционный натиск народных масс» (стр. 171).

Для объективного освещения событий, предшествовавших первой мировой войне, следует указать на то, что революционная ситуация существова-

ла в то время только в России. Ни в Австро-Венгрии, ни в Германии и тем более во Франции или же в Англии революционного напряжения тогда не существовало. Однако, как свидетельствуют документы относящиеся к истории возникновения первой мировой войны, правительство царской России хотело избежать войны и в этом смысле давало указания русскому посланнику в Белграде Гартвигу, советуя сербскому правительству идти на уступки требованиям Австро-Венгрии. По схеме же, принятой авторами Истории КПСС, правительство Николая II должно было бы в первую очередь стремиться вызвать мировую войну, чтобы «перебить значительную часть передовых рабочих...».

Оборонческую позицию социалистических партий стран, участвовавших в первой мировой войне, авторы Истории КПСС пытаются объяснить методом «экономического материализма»: «Рабочая аристократия, чиновники легальных профсоюзов, — социал-демократические парламентарии и аппарат, их обслуживавший» — все эти элементы создали «течение мелкобуржуазных оппортунистов во II Интернационале» (стр. 172).

Составителям этой упрощенной схемы чуждо понимание глубокого трагизма, в котором очутились во время первой мировой войны массовые социалистические партии цивилизованных стран. Ни одна из этих партий не могла взять на себя ответственность за поражение своей страны призывом к своим членам разрушить фронты своей армии, не имея уверенности, что то же самое сделают социалисты других стран. Влияние партии Ленина на массы в России во время первой мировой войны было совсем незначительным, и призыв большевиков к пораженьчеству в рядах русской армии в войне с центральными державами не повлиял на ход войны. Иное положение было, например, в Германии или во Франции, где существовали массовые социалистические партии и могущественные профессиональные союзы. Этой разницы авторы Истории КПСС не учитывают, и им легко поэтому утверждать, что «во всем II Интернационале только одна партия разработала последовательную революционно-марксистскую платформу по вопросам войны и мира», — партия большевиков. Но можно ли было с точки зрения «поражения своего буржуазного отечества» доказать рабочим оккупированной германскими войсками Бельгии, чтобы они «исполнили свой долг интернационалистов», не желая продолжения войны против Германии, что было бы равнозначущим отказу от возобновления своей национальной независимости? На этот и другие вопросы, связанные с рекомендованной большевиками тактикой «поражения своего отечества», авторы Истории КПСС не в состоянии дать удовлетворительный ответ.

22. «Ленинская теория социалистической революции»

Сравнительно с «Кратким курсом», в Истории КПСС является новостью раздел третий VI главы под названием «Ленинская теория социалистической революции». В этом разделе дано обоснование ленинской «ревизии» марксовой теории социалистической революции. Понятно, почему эта глава отсутствует в «Кратком курсе». До второй мировой войны, когда диктатура коммунистов существовала только в одной, хотя и очень большой стране, сторонники традиционного взгляда Маркса на предпосылки победы социализма могли считать положение в СССР недолговечным исключением

из общего правила, единичным экспериментом без всеобщего значения. Ведь Маркс предполагал, что социалистическая революция может победить только в странах высокоразвитой промышленности, где существуют организованные, сознательные массы рабочих. Отсталые в экономическом отношении страны могут, — по мнению Маркса и Энгельса, — учиться у более развитых народов, но ни в коем случае не способны указывать индустриальным странам путь к победе социализма. На противоположной точке зрения, как известно, стояли русские народники Бакунин, Ткачев и другие. Они утверждали, что в России есть крестьянская община, как зародыш социалистической организации труда, и что Россия, вследствие своей отсталости, ближе стоит к созданию социалистического строя, чем индустриальные страны Запада.

Взгляд Ленина на социалистическую революцию авторы Истории КПСС излагают такими словами: «Революция будет состоять из ряда битв всех угнетенных и недовольных классов, групп, элементов населения, прежде всего пролетариата и его союзника — крестьянства, против господствующих классов, из движения полупролетарских масс против помещичьего, буржуазного, национального и других форм гнета, — из восстания колониальных народов и других видов массовой борьбы. Задачей пролетариата является руководство всеми этими сражениями, чтобы направить их к единой цели — к свержению империализма и осуществлению социалистической революции» (стр. 186). Из этого следует, что «пролетариат» (фактически — коммунистическая партия) должен в эпоху империализма всюду, во всех странах стараться стать во главе самых разнообразных революционных движений, используя их для своей основной цели — создания партийной диктатуры коммунистов. А уже захватив власть в свои руки, коммунистическая партия, независимо от состояния производительных сил в своей стране, может приступить к «строительству социализма».

Эта ревизия теории Маркса, которую произвел Ленин, открывает новую эру в мировой истории. Объективные условия (состояние производительных сил в каждой стране) становятся фактором второстепенным в создании социалистического строя. Главное — решение «пролетариата» (коммунистической партии) возглавить революционное движение и организовать свою партийную диктатуру, не взирая на состояние производительных сил и культуры населения данной страны. Это — самая радикальная ревизия марксова учения, которое считает развитие производительных сил капитализма предпосылкой успеха социалистического переустройства. По Ленину, не бытие определяет сознание, а, наоборот, сознание (организованная воля пролетариата — т. е. коммунистической партии) определяет «бытие», т. е. производительные силы и социальные отношения в стране.

Раньше Ленин мечтал об организации профессиональных революционеров для устройства переворота в царской России. После 1917 г. большевизм перешел к созданию организаций профессиональных революционеров для стран всего мира. Авторы Истории КПСС заканчивают изложение ленинской теории социалистической революции следующими словами: «Сила ленинской теории социалистической революции состоит в том, что она развивает инициативу рабочих в борьбе со своей национальной буржуазией, указывает рабочему классу каждой страны путь спасения от неисчислимых бедствий, порождаемых империализмом» (стр. 189). Таким образом, ленинская теория есть «путь спасения» для всех стран и народов, при условии.

что там найдется коммунистическая партия, способная создать свою диктатуру.

23. Причины возникновения Февральской революции

В четвертом разделе VI главы Истории КПСС излагаются причины возникновения Февральской революции 1917 г. Поражение России в войне с Германией «Краткий курс» ставил в вину императрице Александре Федоровне, царским министрам и генералам, которые якобы «втихомолку содействовали успехам немецкой армии: вместе с царицей, связанной с немцами, они выдавали немцам военные тайны» (стр. 167). Это ничем не доказанное обвинение в Истории КПСС опущено. Здесь только утверждается, что «царское правительство начало тайные переговоры с Германией о прекращении войны путем сепаратного мира» (стр. 190). Это является тоже измышлением.

События, приведшие к Февральской революции, представлены в этом разделе так, будто бы везде и всюду ими руководили большевики. Например, о забастовке в Петрограде 24 февраля 1917 г. написано: «В столице бастовало около 200 тысяч человек. Большевики решили продолжать забастовку, превратить ее во всеобщую стачку и перевести в восстание» (стр. 191). Об участии иных революционных партий и оппозиционных групп в подготовке Февральского переворота 1917 г. авторы Истории КПСС не упоминают. Наоборот, утверждается, будто «большевики были единственной партией, которая обратилась к народу с революционной платформой и призвала массы к окончательному разгрому царизма. Под ударом народных масс, вдохновляемых большевиками, рухнула монархия Романовых» (стр. 191).

Если бы это было так, то непонятно, почему в первые дни революции власть перешла не к большевикам, «вдохновителям революции», а к Комитету Государственной Думы, создавшему Временное Правительство. И в Петроградском Совете Рабочих Депутатов, созванном в конце февраля 1917 года, большевики были в незначительном меньшинстве: огромное большинство в Совете составляли социал-демократы меньшевики и социалисты-революционеры. Если бы в революционном движении преобладали в то время большевики, то это обязательно нашло бы свое отражение на составе Совета Рабочих Депутатов.

История КПСС объясняет создание Временного Правительства без участия социалистов тем, что меньшевики и социалисты-революционеры через участие в этом правительстве боялись потерять доверие масс (стр. 193). Этот вопрос заслуживает более глубокого анализа. Отказ меньшевиков и социалистов-революционеров от участия во Временном Правительстве имел причину в теоретическом подходе этих партий к проблемам русской революции. Признавая, согласно взгляду, утвердившемуся под влиянием Плеханова, что русская революция будет буржуазно-демократической, умеренные социалисты считали, что буржуазную революцию должны возглавлять либерально-демократические буржуазные партии. В этом отношении социалисты-революционеры, имевшие родоначальниками народников, перешли на точку зрения социал-демократов — меньшевиков.

До приезда Ленина в Россию в 1917 г. также и большевики в Петрограде и в других городах вместе с Сталиным разделяли традиционную точку зрения, что в России произошла буржуазная революция и что революционные завоевания масс должно «закрепить» буржуазное Временное Правительство.

Формула Петроградского Совета — оказывать доверие и поддержку Временному Правительству постольку, поскольку оно осуществляло демократические задачи буржуазной революции — выражала традиционный взгляд русских социалистов на задачи революции. Объяснять тактику большинства советов преобладанием в них мелкобуржуазных партий, как это делают авторы Истории КПСС, является недопустимым искажением действительности: «В то время как большевики во главе масс сражались против царизма, эсеры и меньшевики торопились воспользоваться народной победой и на гребне революционной волны подняться к руководству» (стр. 194). В том то и дело, что никаких чрезвычайных сражений с царизмом в феврале 1917 г. не было. Абсолютизм был свергнут без особых усилий, и представители умеренных социалистов совсем не рвались к власти. С точки зрения успеха демократической революции эта тактика была ошибкой, так как правительство социалистов могло бы успешнее бороться против большевистской демагогии. Но непозволительно приписывать умеренным социалистам те стремления, которых у них в 1917 году не было.

Совершенным искажением действительности является утверждение авторов Истории КПСС, будто бы после Февральской революции 1917 года создалось «переплетение двух диктатур: диктатуры буржуазии и революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства» (стр. 193). Ни власть Временного Правительства, ни влияние советов не были диктатурами. Эта фраза является повторением мысли, высказанной в «Кратком курсе» на стр. 171. Она нужна коммунистам для обоснования и оправдания Октябрьского переворота, устроенного большевиками с целью захвата власти. Этим утверждением мотивируется необходимость «защиты революции» перед «диктатурой буржуазии», и эта защита с логической необходимостью приводит к «диктатуре пролетариата», то есть к однопартийной диктатуре коммунистов.

24. «Краткие выводы» из шестой главы

В «Кратких выводах», заключающих VI главу, излагаются основные мысли, подготовляющие читателя к большевистскому объяснению и пониманию Октябрьского переворота 1917 г. Здесь повторяется утверждение, что «партия развила марксизм, обогатив его учением В. И. Ленина об империализме, учением о возможности победы социализма в одной, отдельно взятой стране». Следует заметить, что у Ленина все время боролись два взгляда на путь России к социализму. Первый был усвоен из учения Маркса о необходимости капиталистического развития, подготовляющего экономические основы для перехода к социалистическому хозяйству. Об этом Ленин писал в 1905 г. в брошюре «Две тактики социал-демократии в демократической революции»: «Марксизм бесповоротно порвал с бреднями народников, анархистов, будто можно, например, России миновать капиталистическое развитие, выскочить из капитализма или перескочить через не-

го каким-нибудь путем, кроме пути классовой борьбы на почве и в пределах этого самого капитализма... А из этого положения следует, что реакционная мысль искать спасения рабочему классу в чем бы то ни было, кроме дальнейшего развития капитализма... Рабочему классу безусловно выгодно устранение всех остатков старины, мешающих широкому, свободному и быстрому развитию капитализма. Буржуазная революция есть именно такой переворот, который всего решительнее сметает остатки старины... Поэтому, буржуазная революция в высшей степени выгодна пролетариату. Буржуазная революция безусловно необходима в интересах пролетариата... Только людям, не знающим азбуки научного социализма, этот вывод может казаться новым или странным, парадоксальным. А из этого вывода между прочим, следует и то положение, что в известном смысле буржуазная революция более выгодна пролетариату, чем буржуазии» (В. И. Ленин, Сочинения, изд. 3, т. 8, стр. 57).

Но в годы первой мировой войны во взглядах Ленина победило его прежнее увлечение идеями Чернышевского. В журнале «Современник» в 1858 г., в статье «Критика философских предубеждений против общинного владения» Чернышевский доказывал, что в случае победы революции в России «передовой народ» (т. е. революционная интеллигенция) сможет повлиять на хозяйство отсталой России и повести «с первой или второй ступени развития на пятую или шестую», обойдя фазу капиталистического развития. На этот путь «перескакивания» на высшую ступень развития повели Россию большевики путем террора, насилия и неисчислимых жертв. Следует отметить, однако, что авторы Истории КПСС тщательно обходят «марксистские» положения в сочинениях Ленина касательно путей России к социализму, так как они противоречат тому направлению, по которому Ленин и его партия принудили идти народные массы с октября 1917 г. Ленин, наперекор своему восхищению «научным социализмом» Маркса, решил в 1917 году двинуться путем «опыта революции» (выражение из его книги «Государство и революция» 1917 г.), даже не веря в успех, чтобы показать пример всему миру и создать «революционную легенду».

Решившись провести «опыт социалистической революции» в России, Ленин главную надежду возлагал на победу пролетарской революции в передовых странах Западной Европы. Советская пресса 1917—1920 гг. полна сообщений о начавшейся социалистической революции в Германии, Англии, Франции, Голландии и т. д. Этим коммунистическое руководство хотело подбодрить своих единомышленников в борьбе с противниками большевистской диктатуры.

В «Кратких выводах» более откровенно, чем в предыдущих главах, высказывается мысль о том, что империалистические войны в конечном счете полезны для дела «социализма». Война «ускорила развитие капитализма и перерастание монополистического капитализма в государственно-монополистический. Тем самым она усилила объективные предпосылки революции. В. И. Ленин писал, что война явилась всесильным «режиссером революции» (стр. 195). Это подтверждает, что в идеологии большевизма война является одним из звеньев в цепи «прогресса к социализму», о чем уже указывалось в предыдущем нашем изложении взглядов Ленина на войну.

В «Кратких выводах» повторяется мысль, будто Временное Правительство было органом «диктатуры буржуазии», хотя общеизвестно, что Временное Правительство почти не обладало действительной властью, будучи

парализовано вмешательством советов при решении важнейших политических вопросов. Тем менее Временное Правительство могло стать «диктатурой буржуазии» после создания коалиции между умеренными социалистами и либерально-буржуазными группами, под председательством Керенского. Однако эти факты не смущают авторов Истории КПСС, они повторяют свои утверждения о «буржуазной диктатуре» Временного Правительства для оправдания коммунистической тирании, наступившей после Октябрьского переворота.

II. ОКТЯБРЬСКИЙ ПЕРЕВОРОТ 1917 ГОДА

1. В преддверии победы большевиков

В VII главе Истории КПСС излагаются события после Февральской революции, связанные с дальнейшей победой большевиков в Октябрьском перевороте 1917 года.

Основной проблемой революции 1917 г. в России была война. Падение самодержавия вызвало в массах населения и в армии большое воодушевление и патриотизм. Если при царском режиме пропаганда поражения России вызывала у масс сочувствие, то после революции эти массы поняли, что при поражении России в войне завоевания революции могут быть потеряны. Это чувствовали и большевистские вожди, освобожденные из тюрем и ссылок и вышедшие из подполья после ликвидации самодержавного режима. Поэтому у большевиков после Февральской революции преобладали оборонческие настроения. Они после падения царизма не считали нужным свержение Временного Правительства и стали по существу на позиции меньшевиков и социалистов-революционеров — доверия этому правительству постольку, поскольку оно будет осуществлять требования демократической революции. И. В. Сталин, редактируя большевистскую газету «Правда» в Петрограде, требовал после падения самодержавия, чтобы Временное Правительство немедленно начало переговоры о заключении мира. Это значило, что Сталин доверял Временному Правительству, надеясь, что оно захочет и сможет приступить к мирным переговорам. Теперь, в связи с посмертным развенчанием Сталина, авторы Истории КПСС сочли нужным привести слова Сталина, в которых он в свое время признал свою позицию в этом вопросе «глубоко ошибочной»: «Эту ошибочную позицию я разделял тогда с другими товарищами по партии и отказался от нее полностью лишь в середине апреля, присоединившись к тезисам Ленина» (стр. 201). Очевидно для «равновесия», в связи с указанием на тактическую ошибку Сталина в начале Февральской революции, в Истории КПСС приведен пример «антиленинских» взглядов большевика Каменева из того же периода революции, причем сделано замечание: «Позиция Каменева была продолжением его прежней оппортунистической линии» (стр. 201).

2. Помощь большевикам со стороны Германии

Следует отметить, что в обоих учебниках истории большевистской партии не упоминается совсем о переезде Ленина из Швейцарии в Россию через Германию. Это умолчание очень красноречиво. Большевистские историки обходят этот факт не ввиду его незначительности. Переезд Ленина че-

рез Германию (хотя с ним приехали также некоторые меньшевики, которые стоят вне всяких подозрений в отношении связи с немецким правительством) советские историки до сих пор не решаются комментировать, потому что с переездом сопряжены разные обстоятельства, невыгодные для Ленина и его ближайших сотрудников. Несмотря на упорное отрицание вождями большевистской партии сношений Ленина и его ближайших сотрудников с германской агентурой, этот факт документально подтвержден после второй мировой войны. Германские правительственные инстанции, в распоряжении которых находились документы о германской помощи Ленину и его друзьям при следовании через Германию, помощи, направленной к созданию мощной прессы и сильной партийной организации, не были заинтересованы в опубликовании сведений о связях Ленина с германскими разведочными учреждениями во время первой мировой войны. Телеграмма германского статс-секретаря Кюльмана кайзеру Вильгельму в декабре 1917 года содержит сообщение о помощи, которая была оказана большевистской партии «через разные каналы». В ответе Вильгельма II выражено согласие на такую поддержку. Телеграмма взята из архива германского министерства иностранных дел, находящегося в Лондоне, и опубликована в журнале "International Affairs" в апреле 1956 г. В зашифрованной телеграмме статс-секретаря Кюльмана императору Вильгельму от 3 декабря 1917 г. говорилось: «Разрыв Антанты и вследствие этого создание политической комбинации, благоприятной для нас, составляют самую важную задачу нашей дипломатии. Россия представлялась мне наиболее слабым звеном в неприятельской цепи. Поэтому задачей было постепенно его (звено. — П. Ф.) ослабить и, если возможно, устранить. Это было целью подрывной работы, которую мы помогли провести в России в тылу фронта — в первую очередь энергичной поддержкой сепаратистских тенденций и помощью большевикам. Пока большевики не стали получать от нас постоянной денежной поддержки разными путями и под различными названиями, они не были в состоянии поставить свой главный орган «Правда», вести энергичную пропаганду и заметно расширить первоначально узкий базис своей партии».

Вопрос о том, знал ли Ленин об источнике денег, получаемых на деятельность партии большевиков в 1917 г., легко решить. Правда, Ленин демонстративно отказался встретиться с Гельфандом (Парвусом) в Стокгольме при своем следовании через Германию и Швецию в Россию (Гельфанд — Парвус, бывший член РСДРП, в свое время близкий друг Троцкого, стоял во время первой мировой войны в связи с германскими правительственными кругами, от которых получал средства на пропаганду против России). Однако с его ближайшим сотрудником Фюрстенбергом-Ганецким Ленин поддерживал постоянные сношения. После июльских событий 1917 г. в Петрограде газета «Правда» защищала «революционную честность» Фюрстенберга-Ганецкого.

Нельзя считать Ленина настолько наивным, чтобы он мог поверить, будто бы деньги, полученные им из Германии, исходили от «друзей и товарищей» (немецкой социал-демократической партии). Германская социал-демократическая партия не располагала такими огромными средствами, чтобы жертвовать миллионы на деятельность революционной партии в чужой стране. С другой стороны, Ленин был пораженцем, а социал-демократия Германии в огромном большинстве стояла на оборонческой позиции. Несомненно, Ленин, зная об источнике средств, полученных его партией из Германии, лицемерно принял фикцию, будто бы деньги шли от немец-

ких социал-демократов, хотя ему хорошо были известны связи Парвуса и его сотрудника Фюрстенберга-Ганецкого с германским правительством.

Историк Земан в своем исследовании о связях большевиков с германской агентурой во время первой мировой войны сообщает на основании документов германского министерства иностранных дел, находящихся в Лондоне, что эти связи ограничивались устными докладами, содержание которых не записывалось. Ленин, человек очень осторожный, избегал личного контакта с немецкими представителями и действовал через таких посредников, как Фюрстенберг-Ганецкий и ему подобные (См. А. В. Zeman, *Germany and the Revolution in Russia, 1915—1918*, London 1958).

Ни одна партия в России после Февральской революции 1917 г. не располагала такой многочисленной прессой, как большевики. Уже в мае 1917 г. большевистская партия издавала следующие ежедневные газеты: «Правда», центральный орган партии, и «Солдатская правда» (в Петрограде), «Социал-Демократ» (в Москве), «Голос Правды» (Кронштадт), «Волна» (Гельсинки), «Рабочий» (Казань), «Уральская Правда» (Екатеринбург), «Звезда» (Екатеринослав), «Приволжская Правда» (Самара), «Юрьевская Правда» (Юрьев-Тарту), «Голос» (Киев), «Наша Заря» (Ростов-на-Дону), «Социал-Демократ» (Саратов), «Сибирская Правда» (Красноярск), «Пролетарий» (Харьков), а также другие газеты на нерусских языках. Эта периодическая пресса и огромное количество листовок-прокламаций и брошюр требовали громадных расходов; сюда надо прибавить также средства на содержание многочисленных редакторов и агитаторов — «профессиональных революционеров», которые занимались пропагандой, разъезжая по всей стране. Без средств, полученных большевистскими вождями из германских источников, партия Ленина не была бы в состоянии развернуть даже сотой доли той активности, которая наблюдалась с ее стороны во всех городах и областях России и на фронте в 1917 г. По всей вероятности Л. Троцкий, вступивший в партию большевиков в августе 1917 г., не знал о происхождении средств, из которых финансировалась деятельность большевистской партии. Он мог совершенно искренне возмущаться «чудовищной клеветой», будто бы вымышленной «буржуазией» и меньшевиками совместно с социалистами-революционерами, на Ленина, скрывшегося после июльского восстания 1917 г. После июльского восстания большевиков в Петрограде в 1917 году было опубликовано в прессе сообщение с некоторыми данными о сношениях Ленина и его ближайших сотрудников с германскими властями. В сообщении названы следующие лица: Ленин, Зиновьев, Александра Коллонтай, Мечислав Козловский, Евгения Суменсон, Яков Фюрстенберг-Ганецкий, Гельфанд (Парвус) и другие. Особое внимание в этом сообщении привлекает личность Гельфанда-Парвуса, который в молодости являлся членом РСДРП, но перед первой мировой войной был уже в связи с германскими властями и во время войны вел пропаганду в разных странах за поражение России. Ему удалось убедить представителей Германии в том, что они должны войти в сношения с группой Ленина, которая стояла на позиции поражения России и своей пропагандой могла бы быть полезна германским интересам.

О сношениях Ленина (при помощи Гельфанда-Парвуса и его подручного, члена социал-демократической партии Польши и Литвы Фюрстенберга-Ганецкого) с германскими властями и о получении вождями большевиков во время первой мировой войны значительных сумм от германского правительства на революционную пропаганду писал в свое время немецкий со-

циал-демократ Эдуард Бернштейн. По этому поводу после первой мировой войны социал-демократическими депутатами был сделан в германском Рейхстаге запрос правительству. Министр иностранных дел Симонс дал уклончивый ответ, заявив, что в архивах министерства иностранных дел нет документов о субсидировании большевистской партии. Ответ Симонса не удовлетворил Бернштейна, и в № 4 социал-демократической газеты „Vorwärts“ за 1921 г. он писал: «Заявление министра об отсутствии в министерстве иностранных дел актов о Ленине еще ничего не доказывает, так как я убежден, что и без этих актов министерству иностранных дел хорошо известно, кто и когда субсидировал Ленина миллионами». Хотя Бернштейн и передал свои материалы, свидетельствующие о связях Ленина во время первой мировой войны с германским правительством, в Комиссию по расследованию причин возникновения войны, вопрос этот, однако, так и не был выяснен. С одной стороны, германское правительство не хотело раскрывать своей тайной поддержки большевизма в России, так как это могло вызвать невыгодное для Германии впечатление в разных странах мира; с другой стороны, правительство Германии в то время готовилось к соглашению с советской Россией, которое было оформлено в Рапалло в апреле 1922 г. В тогдашних обстоятельствах германскому правительству было вовсе не выгодно компрометировать своего нового союзника — советское правительство — разглашением сведений о связях Ленина с агентурой правительства Вильгельма II. О финансовых связях Ленина с немецкой агентурой через Парвуса и Фюрстенберга-Ганецкого в начале революции 1917 г. свидетельствует письмо Ленина к Фюрстенбергу от 30 марта 1917 г.: «На сношения Питера с Стокгольмом не жалеете денег!» (В. И. Ленин, Сочинения, т. 35, стр. 253). Фюрстенберг находился в то время в Стокгольме, исполняя поручения Парвуса. Авторам Истории КПСС несомненно известны факты о связях вождя большевизма с Германией. Поэтому, чтобы не вызывать у читателей нежелательных вопросов, они обошли молчанием даже факт переезда Ленина в Россию из Швейцарии через Германию в апреле 1917 г.

Сведения о сношениях Ленина, Зиновьева и др. с германской агентурой были доставлены Временному Правительству. Из сообщения Петроградской Судебной Палаты, напечатанного в газете Плеханова «Единство» (Петроград, 22. 7. 1917), видно, что органы Временного Правительства напали на правильный след в выяснении вопроса о связях большевистских главарей с немецкими агентами. В этом сообщении говорится между прочим: «Из имеющейся в распоряжении судебных властей многочисленной телеграфной корреспонденции усматривается, что между проживающими в Петрограде Суменсон, Ульяновым (Лениным), Коллонтай и Козловским с одной стороны и Фюрстенбергом и Гельфандом (Парвусом) с другой существовала постоянная обширная переписка. Хотя переписка эта имеет указания на коммерческие сделки, тем не менее представляется достаточно оснований заключить, что переписка прикрывает собою сношения шпионского характера... По имеющимся в деле данным, видно, что некоторые русские банки получили от скандинавских банков крупные суммы, выплачиваемые разным лицам, причем в течение только полугода Суменсон со своего текущего счета сняла 750 000 рублей, внесенных на ее счет разными лицами, и на ее счету в настоящее время числится остаток в 180 000 рублей».

Сообщение Петроградской Судебной Палаты было составлено в спешном порядке, и в нем содержатся утверждения, которые Ленину легко было

опровергнуть: например, будто бы «Ленин посещал лагеря, в которых находились пленные украинцы (в Германии. — П. Ф.), где вел пропаганду об отделении Украины от России». Очевидно, составители сообщения Петроградской Судебной Палаты приняли всерьез лозунги Ленина о «самоопределении народов вплоть до отделения» и хотели усугубить вину Ленина, как якобы сторонника «расчленения России». Однако существо обвинения осталось незыблемым, а именно, что Ленин и его ближайшие сотрудники на средства, полученные из Германии, «организовали пропаганду среди населения и войск с призывом к немедленному отказу от военных против неприятеля действий».

Повидимому, эти обвинения, основанные на фактах, принудили Ленина оставаться на нелегальном положении после июльского восстания. Ленин не явился на вызов судебных властей, и большевики мотивировали это решение тем, что их вождю угрожала расправа без судебного разбирательства. Это объяснение не имело оснований: в то время бессудные расправы не имели места в России. Сообщники Ленина, сторонники свержения Временного Правительства, хотя и были арестованы, но остались целы и невредимы. Троцкий даже бравировал своим сочувствием восстанию и в открытом письме Временному Правительству предложил сам, чтобы его арестовали за участие в подготовке июльского выступления большевиков. Ленин имел основания бояться, что на суде докажут его связь с Германией, и не хотел попасть в тюрьму из-за такой «случайности». Поэтому он скрылся и остался на нелегальном положении вплоть до Октябрьского переворота. Конечно, нельзя согласиться с мнением, будто Ленин, вступив в сношения с Парвусом-Гельфандом, стал агентом германского правительства. Фанатик мировой революции, Ленин умел реально оценить соотношение мировых политических сил. Он понимал, что в борьбе за власть в России его партия найдет сочувствие и поддержку со стороны германского правительства, заинтересованного в выгодном для него мире с Россией. Для достижения «диктатуры пролетариата» Ленин, думается, был готов войти в союз с любой «агентурой». Власть в России и мир с Германией нужны были Ленину для осуществления его идеи — социалистической революции в мировом масштабе. Пусть эта революция закончилась бы даже неудачей, однако она, по мнению Ленина, дала бы поучительный пример для будущих поколений. Цели вождя большевизма и цели германского правительства сошлись в одном пункте: в желании вывести Россию из войны. Этим объясняется помощь партии большевиков со стороны Германии. Но в дальнейшем ограниченные задачи германского правительства разошлись с целями Ленина, стремившегося вызвать всеобщую революцию и в первую очередь в самой Германии.

Политическая игра Ленина была чрезвычайно опасна и могла бы закончиться ликвидацией большевистской диктатуры в России германскими силами уже в 1918 г. «Историческое счастье» Ленина состояло в том, что русским партнером Германии Вильгельма II было только правительство большевиков. В 1918 г. не было ни одной партии в России, которая согласилась бы признать условия Брестского мира. Поэтому Германии «до зарезу» было необходимо сотрудничество с правительством Ленина, пока на Западе продолжалась тяжелая война, истощавшая силы немецких армий. На это Ленин рассчитывал. И все же, хотя Ленину эксперимент сотрудничества с агентурой германского правительства удался, авторы Истории КПСС не сочли

подходящим упомянуть даже о переезде вождя большевизма в Россию через Германию в 1917 г.

На стр. 206 Истории КПСС есть утверждение, что «после Февральской революции большевики перестали быть пораженцами, ибо самодержавие было свергнуто, в России созданы советы, представлявшие рабочих и крестьян, не заинтересованных в войне». Эти слова находятся в противоречии с последующей фразой: «Партия не стала и на позиции оборончества, ибо это означало бы поддержку империалистической войны, оборону буржуазно-помещичьей власти». Путем к демократическому миру История КПСС считает «братание солдат на фронте, ибо оно революционизировало солдатские массы воюющих стран». Фактически «братание» на фронте использовало командование центральных держав для разложения русского фронта. Позиция большевиков после Февральской революции — против поражения России в войне, но и против оборончества — вела практически только к одному исходу: сепаратному миру с центральными державами. Поскольку Ленин не верил в способность буржуазных правительств заключить «демократический мир», ему не оставалось ничего иного, как стремиться к захвату власти в России и заключить мир с центральными державами, чтобы иметь свободу действий для «социалистической революции» в России.

На стр. 207 Истории КПСС авторы высказывают свое возмущение по поводу «чудовищной клеветы, будто В. И. Ленин связан с германским генеральным штабом». Из приведенных выше материалов о сношениях Ленина и его ближайших сотрудников с германской агентурой и о финансовой поддержке, полученной большевиками из Германии, явствует, что возмущение авторов Истории КПСС против «чудовищной клеветы» не имеет оснований.

3. Апрельская конференция большевиков

На стр. 209 авторы Истории КПСС касаются темы сепаратного мира, при изложении хода Конференции партии большевиков в апреле 1917 г.: «Конференция протестовала против клеветы, распространяемой капиталистами, будто бы большевики сочувствуют сепаратному миру с Германией». Повидимому большинство членов Апрельской конференции совершенно искренне протестовало против утверждений «капиталистов» о намерении большевиков заключить сепаратный мир с центральными державами. Тайна сношений Ленина с немецкой агентурой через Гельфанда-Парвуса была известна только весьма ограниченному кругу людей, стоявших наиболее близко к вождю большевистской партии.

На Апрельской конференции большевиков обсуждался национальный вопрос. В «Кратком курсе» роль Сталина на этой конференции представлена более выпукло, чем в Истории КПСС. Там сказано, что «Ленин и Сталин еще до революции, накануне империалистической войны, разработали основы политики партии большевиков по национальному вопросу» (стр. 182). В Истории КПСС Сталин уже не стоит на одном уровне с Лениным. О Сталине здесь, соответственно истине, говорится только, что на Апрельской конференции он «изложил национальную политику партии, основанную на ленинских принципах» (стр. 210). В «Кратком курсе» приведена резолюция Апрельской конференции, причем читатель может подумать, что

автором резолюции был Сталин. Авторы Истории КПСС устранили эту неясность: «Конференция приняла резолюцию (по национальному вопросу. — П. Ф.), написанную В. И. Лениным» (стр. 210).

Не преувеличивая роли Сталина на Апрельской конференции, авторы Истории КПСС подвергают его противников, как это было и раньше, в период его возвышения после Ленина, суровому осуждению. Политика Троцкого названа «авантюристической, губительной». Подобными же словами охарактеризована «оппортунистическая линия» Каменева, Пятакова, Зиновьева и других выдающихся участников Апрельской конференции, которые были ликвидированы как «враги народа» в эпоху Сталинских чисток. Однако, в отличие от «Краткого курса», в Истории КПСС имя Бухарина не упоминается в числе оппонентов Ленина на Апрельской конференции.

4. Борьба большевиков за влияние на массы

В пятом разделе главы VII Истории КПСС говорится о борьбе большевиков за влияние на массы в период, включающий также восстание против Временного Правительства в июле 1917 г. Новым в этом разделе, сравнительно с «Кратким курсом», является попытка авторов приписать противникам большевизма намерение вызвать гражданскую войну в России: «21 апреля ЦК большевиков принял резолюцию, в которой решительно опроверг клевету буржуазных и эсеров-меньшевистских газет, будто бы большевики грозят гражданской войной» (стр. 214). Это утверждение решительно противоречит известному тезису Ленина о превращении мировой войны между государствами в войну гражданскую, внутри каждой страны. Повидимому, приводя эту цитату из резолюции ЦК большевистской партии, авторы Истории КПСС рассчитывают на полную неосведомленность или на забывчивость своих читателей касательно теоретических установок и тактики большевиков в 1917 г. Говоря о событиях, предшествовавших июльскому выступлению большевиков против Временного Правительства, авторы Истории КПСС отрицают факт, что инициатива выступления принадлежала большевистской партии. Дело представлено таким образом, будто бы это выступление было спонтанным и «сдержать массы оказалось уже невозможным» (стр. 218). Это объяснение преследует цель большевиков приписать вину за возникновение гражданской войны противникам большевизма.

5. Уход Ленина в подполье после июльского восстания 1917 г.

История КПСС оправдывает решение Ленина, который скрылся из Петрограда после неудачи июльского восстания. Однако по этому поводу в 1917 г. и среди большевиков возникли значительные разногласия. Бегство Ленина после июльских событий 1917 г. удивило и смутило многих его сторонников. Так, например, Н. Суханов, близко стоявший к большевикам, отмечает в своих «Записках о революции»: «Каждый другой смертный потребовал бы следствия и суда, даже в более неблагоприятных условиях. Каждый другой смертный сделал бы лично и явно все возможное для

своей реабилитации. Однако Ленин предполагал, что другие, его противники, должны это сделать, в то время как он искал безопасности в бегстве... Во всем мире только он мог поступать подобным образом». Суханов не разделял убеждения Ленина, будто в 1917 г. нельзя было полагаться на беспристрастное судебное разбирательство дела по обвинению Ленина в сношениях с германскими агентами. Поэтому Суханов искал объяснения бегства в «сверхчеловеческих» качествах характера Ленина. В действительности дело обстояло гораздо проще. Органы Временного Правительства напали на правильный след сношений большевистского руководства с людьми, которые передавали большевикам деньги, субсидированные немецкими властями. Опасаясь, что органы Временного Правительства имеют еще больше улик против него, чем упоминалось в сообщении Петроградской судебной палаты, Ленин, человек очень осторожный, счел за благо уклониться от суда бегством в подполье.

В Истории КПСС говорится, что «партия укрывала своего вождя в подполье» (стр. 219). Фактически, Ленин и Зиновьев скрылись по личному решению. Если могли оставаться в Петрограде другие вожди большевистской партии, некоторые под непродолжительным арестом, другие на свободе, и все остались целы и невредимы, то и Ленину и Зиновьеву не грозила большая опасность. Правда, на VI съезде партии большевиков, который состоялся в Петрограде в августе 1917 г., была принята резолюция о солидарности съезда с решением Ленина и Зиновьева, отказавшихся явиться на суд в связи с возбужденным против них делом. (Шестой съезд РСДРП (большевиков), Протоколы, стр. 270, Москва 1958). До этого в большевистской газете «Пролетарское Дело» от 28 июля 1917 г. (нового стиля) было напечатано письмо Ленина и Зиновьева, обращенное ко всем членам партии: «Товарищи! Мы переменили свое намерение подчиниться указу Временного Правительства о нашем аресте»... (В. И. Ленин, Сочинения, изд. 3, т. 21, стр. 31). Следовательно, Ленин и Зиновьев не обращались к партийным инстанциям ни перед своим бегством в подполье, ни после, но решали вопрос сами. Авторы Истории КПСС утверждают, будто бы «командующий войсками Петроградского военного округа генерал Половцев приказал командиру отряда, специально созданного для поисков В. И. Ленина, расстрелять его на месте» (стр. 219). В «Кратком курсе» об этом нет ни слова. Это утверждение приведено в новой Истории КПСС для дополнительной мотивировки бегства Ленина из Петрограда после июльского восстания.

История КПСС пытается представить власть Временного Правительства после июльского восстания большевиков как «разгул контрреволюции». Остается, однако, непонятным, как при таком «разгуле контрреволюции» Л. Троцкий мог обратиться к Временному Правительству с письмом, в котором просил, чтобы его арестовали, так как он вполне разделяет взгляды Ленина и других большевистских вождей. В своем письме от 10 июля, опубликованном в газете «Новая Жизнь» от 13 июля 1917 г., Троцкий между прочим писал: «... У вас не может быть никаких логических оснований в пользу изъятия меня из-под действия декрета, силою которого подлежат аресту т. т. Ленин, Зиновьев и Каменев. Что же касается политической стороны дела, то у вас не может быть оснований сомневаться в том, что я являюсь столь же непримиримым противником общей политики Временного Правительства, как и названные товарищи. Изъятие в мою пользу только ярче подчеркивает, таким образом, контрреволюционный произвол в отношении Ленина, Зиновьева и Каменева.» (Л. Троцкий, Сочине-

ния, т. III, 1917, Москва 1924, стр. 166). При «разгуле контрреволюции», о котором повествуется в Истории КПСС, трудно себе представить, чтобы кто-либо сам мог призывать власть к своему аресту. Письмо Троцкого опровергает выдумку авторов нового «Курса». Легенда о «разгуле контрреволюции» повлияла на некоторых исследователей, которые поверили в нее и повторяют измышления большевистской пропаганды. Исаак Дойчер (Deutscher), один из исследователей СССР, стал жертвой такого доверия. В своей книге о Троцком "Prophet Armed" («Вооруженный пророк», Лондон 1954 г.) Дойчер повторяет измышление о «разгуле контрреволюции» после июльского восстания большевиков в Петрограде в 1917 г.

6. VI съезд партии большевиков

В четвертом разделе VII главы Истории КПСС говорится о VI съезде большевистской партии, который состоялся между 26 июля и 3 августа 1917 г. Новый учебник истории КПСС устраняет «культ личности» Сталина, который был навязан составителям «Краткого курса». Скрывшийся в подполье Ленин не имел возможности присутствовать на съезде. Поэтому в «Кратком курсе» руководство работой съезда приписано Сталину. В Истории КПСС воздается должное Ленину: «В. И. Ленин не мог присутствовать на съезде, но он руководил его работой» (стр. 220). Сталин упоминается только как докладчик по политическому отчету Центрального Комитета Партии и по вопросу о политическом положении, причем отмечено: «в основу докладов были положены установки В. И. Ленина». Отмена VI съездом лозунга «Вся власть советам» связана также с именем фактического инициатора этого предложения — Ленина. В «Кратком курсе» это предложение приписано Сталину (стр. 188). Для подтверждения действительного положения, приведена соответствующая цитата из 25 тома Сочинений Ленина (стр. 220). Эта цитата характерна для взглядов Ленина на «советскую власть». Вождь большевиков признавал «власть советов» только в том случае, если она подчинялась воле его партии. Советы, в которых большинство принадлежало меньшевикам и эсерам, Ленин считал вредными, «контрреволюционными».

В этом же разделе упоминается о слиянии группы социал-демократов — «межрайонцев», во главе с Троцким, с партией большевиков. Казалось бы, что о вражде, которую Сталин питал к своему наиболее выдающемуся сопернику — Троцкому, нашедшей свое отражение в «Кратком курсе», можно было бы и не упоминать в новом учебнике истории КПСС, — однако здесь, отрицательное отношение нынешнего руководства КПСС к Троцкому сформулировано тоже в стиле «Краткого курса». В Сталинском учебнике истории ВКП(б) Троцкому приписано намерение при вступлении в большевистскую партию в 1917 г. «расшатать ее и взорвать изнутри», а в новой Истории КПСС сказано, что Троцкий «вошел в партию, чтобы, находясь в ней, бороться против ленинизма и навязать ей свою оппортунистическую антисоциалистическую политику» (стр. 222).

7. Подготовка к октябрьскому перевороту 1917 г.

В пятом разделе VII главы Истории КПСС описывается подготовка большевиков к Октябрьскому перевороту 1917 г. и их победа над Временным Правительством.

Попытка государственного переворота, предпринятая генералом Корниловым в августе 1917 г., изложена в Истории КПСС более сжато, чем в «Кратком курсе». Это легкомысленное предприятие дало повод для нового наступления большевистской партии против Временного Правительства. История КПСС отмечает рост влияния большевиков во многих Советах рабочих и солдатских депутатов после Корниловского восстания. При этом упоминается также о победе большевиков в Петроградском Совете. Но об избрании Троцкого председателем Петроградского Совета так же, как и в «Кратком курсе», нет ни слова и в новом учебнике истории КПСС. Авторы новой Истории сообщают только о благоприятной для большевистской партии резолюции Петроградского Совета, которая была принята 31 августа 1917 г. О выборах же нового президиума Совета, состоявшихся 5 сентября, новая История КПСС умалчивает, хотя об этом событии говорилось даже в «Кратком курсе» истории ВКП(б). В отличие от последнего, в новой Истории более подробно излагаются причины успеха большевистского переворота. Из этого изложения обнаруживается с полной ясностью, что решающим элементом в Октябрьском перевороте была армия, не желавшая воевать. «Солдаты на фронтах убедились, что их намереваются заставить четвертую зиму провести в окопах, что правительство буржуазии и помещиков затянет кровавую войну» (стр. 225). И далее: «Недовольство солдат грозило превратиться в восстание. На ближайших к Петрограду и Москве фронтах — северном и западном — большая часть солдат шла за большевиками. А только на этих двух фронтах имелось свыше 1 700 тысяч вооруженных солдат. Все запасные полки, а их было более 100, поддерживали большевиков. Гарнизоны по всей стране в подавляющей части стояли за большевиков... В запасных и тыловых частях насчитывалось без малого 4 миллиона солдат... Моряки Балтийского флота полностью поддерживали партию большевиков» (стр. 226).

На эти массы солдат, утомленных войной, мог рассчитывать Ленин в пропаганде за немедленное прекращение войны. Тем не менее авторы Истории КПСС пытаются изобразить противников большевизма в России как «изменников родины», приписывая им намерение заключить сепаратный мир с Германией: «Русская контрреволюция соглашалась заключить сепаратный мир с Германией, чтобы развязать себе руки внутри страны». Для этого утверждения в Истории КПСС не приводится никаких доказательств, читатель должен принять его на веру. Исходя из этой ложной предпосылки, авторы делают произвольный вывод, будто Октябрьское восстание большевиков против Временного Правительства было необходимо для защиты России от порабощения иностранными государствами: «Истинными патриотами выступали большевики, спасавшие Россию от разгрома ее немецким империализмом, от порабощения иностранными государствами. Сорвать предательский план буржуазии можно было только свержением правительства измены» (стр. 227). Эта патриотическая фраза является новой и новой в сравнении с «Кратким курсом». В ней выражается стремление нынешнего руководства КПСС свалить вину за развал русской армии в 1917 г., вызванный безответственной агитацией большевиков, на Временное Правительство и на те партии, которые прилагали все усилия к тому, чтобы сохранить боевую силу армии и не допустить, чтобы революционная Россия стала жертвой германского милитаризма.

Повидимому, авантюристическая тактика Ленина, стремившегося прийти к власти на волне недовольства солдатских масс войною, обещая им не-

медленный мир с Германией, стала теперь в Кремле «не ко двору». Поэтому вожди КПСС пытаются монополизировать патриотизм для своей партии, обвиняя своих противников в «измене». Авторы новой Истории приписывают «английским и французским империалистам» попытки «сговориться с германскими империалистами о мире для совместной борьбы с революцией». Доказательств для этого обвинения не приводится, да и было бы напрасным трудом их искать. Ситуация того времени была такова, что правительства центральных держав, добившись сепаратного мира с Россией, надеялись выиграть войну на Западе. С другой стороны, вступление Америки в войну с центральными державами в 1917 г. усилило уверенность Антанты в конечной победе над центральными державами. Слова авторов Истории КПСС об угрозе «нараставшего революционного движения» в тылу английских и французских армий, якобы принудившего правительства государств Антанты к сговору с Германией, основаны на измышлении, которое не находит подтверждения в фактах. Известны вспышки недовольства среди солдат французской армии, вызванные утомлением окопной войной, но это не было революционным движением.

8. Захват большевиками власти в Петрограде

Пассивность масс дала возможность сравнительно небольшой кучке матросов и солдат, под предводительством большевистской партии, произвести переворот и захватить власть в Петрограде. Об этом писал Л. Троцкий в своей «Истории русской революции»: «Где восстание? Картины восстания нет. Нет действий больших масс. Нет драматических столкновений с войсками» (Том II, ч. I, стр. 253).

В новой Истории КПСС приведены некоторые выдержки из книги Ленина «Государство и революция» и комментарии к этой работе, написанной во время пребывания Ленина в добровольном «подпольи». Авторы новой Истории опускают из этой работы Ленина все, что касается «отмирания государства», все, что связано с экономическим равенством, которое в этой книге Ленин отстаивал. Авторы Истории КПСС интересуют только «диктатура пролетариата», и они пишут, основываясь на взглядах Ленина, «что в осуществлении и проведении диктатуры пролетариата руководящей и направляющей силой является партия коммунистов» (стр. 229). Вопрос о том, как долго должна коммунистическая партия быть «руководящей и направляющей силой» в обществе, в Истории КПСС вообще не ставится.

В соответствии с курсом нового руководства КПСС на ограничение «культа личности» Сталина, столь ярко проявившегося в «Кратком курсе» истории ВКП(б), авторы Истории КПСС делают поправку к прежнему изложению подготовки большевиков к восстанию против Временного Правительства в октябре 1917 г. В «Кратком курсе» руководство восстанием приписывается Сталину: «16 октября состоялось расширенное заседание ЦК партии. На нем был избран Партийный Центр по руководству восстанием во главе с тов. Сталиным. Этот партийный центр являлся руководящим ядром Военно-революционного Комитета при Петроградском Совете и руководил практически всем восстанием» (стр. 197). В Истории КПСС о роли Сталина не упоминается и говорится не о Партийном Центре, а о «Военно-революционном Центре». Как известно, во главе восстания в ок-

тябре 1917 г. стоял Военно-революционный Комитет при Петроградском Совете. Об этом авторы Истории КПСС пишут: «Органом проведения в столице восстания стал Военно-революционный Комитет (ВРК), созданный по предложению ЦК партии при Петроградском Совете. Военно-революционный Комитет работал под непосредственным руководством ЦК партии» (стр. 233). Исправляя заведомую неправду «Краткого курса» о руководящей роли Сталина в Октябрьском перевороте 1917 г., авторы нового учебника партийной истории «обезглавливают», однако, Военно-революционный комитет, так как не называют имени председателя этого комитета. Им был Троцкий. Еще и теперь, через 20 лет после убийства Троцкого в Мексике, имя его остается в СССР под запретом даже и в тех случаях, когда факты свидетельствуют о его выдающейся роли в революции. Сам Сталин в первую годовщину Октябрьского переворота писал в № 241 «Правды» от 6 ноября 1918 г. следующее о роли Троцкого в подготовке и руководстве восстанием в ноябре 1917 г.: «Вся работа по практической организации восстания происходила под «непосредственным руководством председателя Петроградского Совета Троцкого. Можно с уверенностью сказать, что быстрым переходом гарнизона на сторону Совета и умелой постановкой работы Военно-революционного Комитета партия обязана прежде всего и главным образом т. Троцкому».

Имя Троцкого часто упоминается в Истории КПСС, когда руководству партии желательно бросить обвинение по его адресу (независимо от его обоснованности). Например, как в «Кратком курсе», так и в новой Истории КПСС Троцкому брошен упрек в намерении приурочить восстание против Временного Правительства ко дню созыва Всероссийского съезда Советов. Троцкий, как председатель Петроградского Совета, будучи связан своей деятельностью с массами, был уверен, что большинство участников съезда советов будет на стороне большевиков. Ленин, однако, сомневался в этом и требовал захвата власти перед началом съезда. Его целью было поставить съезд советов перед совершившимся фактом — новым, большевистским правительством. Авторы Истории КПСС приводят очень характерную цитату из письма Ленина членам ЦК партии от 24 октября 1917 г., с требованием «решать дело сегодня непременно вечером или ночью». В этом письме Ленин, последователь Маркса, который считал, что социалистический строй явится исторической необходимостью, всю надежду возлагал, однако, на восстание. «История не простит промедления революционерам, которые могли победить сегодня (и наверняка победят сегодня), рискуя потерять много завтра, рискуя потерять все» (стр. 235). Эта цитата ставит социалистическое переустройство в зависимость от успеха восстания, фактически восстания крестьянских масс, одетых в солдатские шинели, желавших свергнуть Временное Правительство, чтобы избавиться от войны и военной службы.

Авторы Истории КПСС старательно затушевывают решающую роль солдатской массы в Октябрьской «социалистической революции». Поэтому они утверждают, будто бы «в октябре в Красной гвардии насчитывалось примерно 200 тысяч передовых рабочих, готовых отдать жизнь за революцию и способных увлечь за собой массы трудящихся» (стр. 234). В действительности участие рабочих в Октябрьском перевороте было незначительным. Об этом писал, между прочим, один из вождей русских социал-демократов меньшевиков Федор Дан, бывший в Петрограде во время Октябрьского переворота: «Наименьшим было участие рабочей массы в боль-

шевистском перевороте. Только сравнительно маленькие группы рабочих, главным образом из рабочей молодежи, принимали активное участие в создании «красной гвардии» (J. Martow—Th. Dan, op. cit., S. 304).

Троцкий приводит характерную деталь отношений, сложившихся в 1917 году между Лениным и противниками партийной диктатуры в его собственной партии. На заседании Петроградского Комитета большевиков 1(14) ноября 1917 г. Ленин полемизировал с противниками однопартийной диктатуры (Каменевым, Зиновьевым и др.). В протоколе этого заседания, случайно сохранившемся и опубликованном Троцким, Ленин вполне определенно высказался о том, на кого он рассчитывал как на опору своей власти. Он высказал предположение, что большинство в партии большевиков будут иметь сторонники «соглашателей» — Каменева и Зиновьева, и что из-за этого произойдет в партии раскол: «Если будет раскол — пусть. Если будет их большинство — берите власть в Центральном Исполнительном Комитете и действуйте, а мы пойдем к матросам» (Л. Троцкий, Сталинская школа фальсификаций, Берлин 1932 г., стр. 120). Итак, Ленин готов был поднять военный бунт против большинства собственной партии, если оно не было согласно с его политикой.

9. Расширение большевистского восстания и первое «законодательство» новой власти

В новой Истории КПСС еще более старательно, чем в «Кратком курсе» проводится тенденция изобразить Октябрьский переворот как пролетарскую революцию: «Главную боевую силу восстания составляли отряды рабочих Красной гвардии», — утверждают авторы нового учебника (стр. 236). Моряки Балтийского флота и полки Петроградского гарнизона, выступившие по призыву большевиков и левых социалистов-революционеров, упоминаются в новой Истории КПСС только между прочим. «Слава победы» приписана Красной гвардии. Цитируя слова Ленина, высказанные перед Октябрьским переворотом, авторы Истории КПСС избегают упомянуть его замечательное изречение, которое характеризует авантюристический подход вождя большевизма к поставленной задаче — свержения Временного Правительства и захвата власти партией большевиков. Ленин писал, что главное дело — захватить власть: «политическая цель выяснится после захвата» (В. И. Ленин, Сочинения, изд. 3, том 21, стр. 362).

А. Луначарский, член большевистского правительства в 1917 г., почувствовал опасность, которую несет гражданская война. Он предвидел, что партийная диктатура приведет к диктатуре одного человека. В речи на заседании Петроградского Комитета 1(14) ноября 1917 г. Луначарский сказал: «Мы стали очень любить войну, как будто мы не рабочие, а солдаты, военная партия... Мы в партии полемизируем и будем полемизировать, и останется один человек — диктатор». (Протокол названного заседания приведен в упомянутой выше книге Троцкого, Сталинская школа фальсификаций, стр. 123). Слова — пророческие.

В изложении «законодательства» II съезда Советов, которое состояло в утверждении декретов, составленных Лениным, История КПСС дает больше места описанию первых мероприятий большевистского правительства, чем это было в «Кратком курсе». Комментируя декрет о мире, принятый

II съездом Советов, авторы Истории КПСС отмечают, сообразно направлению политики Хрущева, что в декрете о мире «провозглашена ленинская идея о возможности сосуществования двух систем с различным общественным устройством» (стр. 237). В отличие от «Краткого курса», в новом учебнике истории КПСС изложены мотивы, которые привели большевиков к изданию декрета о земле, составленного согласно программе социалистов-революционеров, с уравнительным землепользованием. Для этого приведены слова Ленина о том, что советская власть — «демократическое правительство» — не может «обойти постановление народных низов», хотя бы правительство с этим мнением масс и не было согласно (стр. 238). Конечно, Ленин лицемерил, когда ссылаясь на «демократизм» своего правительства, заставивший его идти навстречу желаниям большинства населения. Дело обстояло гораздо проще: в 1917 г. большевистская власть была еще очень слаба и должна была считаться с настроениями крестьянских масс и требованиями левых социалистов-революционеров, участвовавших в советском правительстве. Как только большевики создали свой аппарат принуждения, они «забыли» о «постановлении народных низов» и начали диктовать свою волю и рабочим, и крестьянам, хотя называли себя «рабоче-крестьянским правительством».

10. Причины успеха большевистского переворота

В шестом разделе VII главы Истории КПСС сделана попытка дать объяснение причинам успеха большевистского переворота. При этом авторы нового учебника истории КПСС совершенно искажают действительность, предшествовавшую Октябрьскому перевороту. Они утверждают, что «пролетариат России был главной движущей силой всего социально-политического развития страны». Как было указано выше, Октябрьский переворот не был пролетарской революцией. Это было по существу восстание солдат, которым большевики обещали немедленный мир. Об этой основной причине победы большевиков над Временным Правительством в октябре 1917 г. авторы Истории КПСС умалчивают. Они, повидимому сами того не замечая, ставят знак равенства между партией большевиков и пролетариатом. Например, в новом учебнике сказано: «На собственном жизненном опыте и в результате большой работы, проведенной партией большевиков, широкие массы крестьянства поняли, что добьются земли, мира, хлеба, свободы только под руководством пролетариата. Завоевав на сторону пролетариата большинство трудящихся крестьян, большевики отвоевали крестьянские резервы у буржуазии» (стр. 239).

Авторы Истории КПСС пишут о «союзе рабочих и крестьян под руководством рабочих». Фактически диктаторское «руководство» над трудящимися города и деревни захватила с самого начала «советской власти» партия большевиков. Эта диктаторская власть сравнительно небольшой группы людей не могла иначе править Россией, как только методами террора. Красноречивым документом, характеризующим положение, создавшееся после захвата власти большевиками, является письмо коммуниста Лозовского в большевистскую фракцию Центрального Исполнительного Комитета, напечатанное в меньшевистской «Рабочей Газете» 18 ноября 1917 г. Протестуя против партийного террора, Лозовский писал: «Я не могу во имя

партийной дисциплины молчать перед лицом уничтожения инакомыслящей прессы, обысков, произвольных арестов, гонений и преследований, которые пробуждают глухой ропот во всем населении и вызывают представление, что режим штыка и сабли и есть та самая диктатура пролетариата, о которой социалисты проповедывали в течение долгих десятилетий... Я не могу... молчать и нести моральную или политическую ответственность, когда ответственный руководитель фракции делает заявления о том, что за одного нашего мы убьем пять противников, — заявления, имеющие тот недостаток, что они уже делались Гинденбургом, обещавшим сжигать три русских деревни за одну прусскую. Я не могу во имя партийной дисциплины затушевывать глухое недовольство рабочих масс, боровшихся за советскую власть, которая по недоступной их пониманию комбинации оказалась властью чисто большевистской. Я не могу во имя партийной дисциплины молчать, когда Военно-революционный Комитет распоряжается бесконтрольно судьбами страны, когда он издает фантастические декреты об исключительных судах, когда он, помимо военных операций, вторгается в область управления страной».

Лозовский, в согласии с десятью выдающимися коммунистами, ушедшими из правительства Ленина в знак протеста против террора, начавшегося с первых дней «советской власти», предлагал «соглашение со всеми социалистическими партиями и немедленное прекращение войны внутри революционной демократии» (Цит. у Л. Троцкого, «1917», том II, стр. 358). В заявлении о выходе из правительства Ленина в ноябре 1917 г. содержится требование создания «социалистического правительства из всех социалистических партий». «Мы полагаем, — писали 10 членов первого правительства Ленина, — что вне этого есть только один путь, сохранение чисто большевистского правительства средствами политического террора. На этот путь вступил Совет Народных Комиссаров. Мы на него не можем вступить. Мы видим, что это ведет к отстранению массовых пролетарских организаций от руководства политической жизнью, к установлению безответственного режима и к разгрому революции и страны» (Цит. у Л. Троцкого, там же, т. II, стр. 355—356). Это заявление подписали А. Рыков, В. Милютин, А. Шляпников, Д. Рязанов, Н. Дербышев, И. Арбузов, Юренев, Федоров, Ю. Ларин. Из содержания письма видно, что даже эти члены большевистского правительства не понимали существа теории диктатуры Ленина, как власти неограниченной никакими законами (т. е. деспотической), власти однопартийной, опирающейся на физическое насилие, то есть предполагающей применение террора. Коммунисты, поколебавшиеся ввиду начавшегося беззакония и террора своей партии, через некоторое время вернулись под руководство Ленина. Их сердца огрубели и совесть примирилась с кровавым кошмаром, нависшим над народами России под партийной диктатурой.

Между прочим, известный американский дипломат Джордж Кеннан в разговоре с редактором берлинского журнала „Der Monat“ (январь 1960 г.) высказал мнение, будто Ленин не сознавал того, что его план ввести в России «социализм» методами политического принуждения неминуемо приведет к террору: «Большевистское движение было принуждено к террору и жестокости необычайной цепью событий, которые их вдруг привели к власти — после революции в стране с незначительной поддержкой в народе и в слабо развитом пролетариате». Однако еще в 1901 г. Ленин писал в «Искре»: «В принципе мы никогда не отрицаем террора и не можем от не-

го отказываться. Это одно из тех военных действий, которые могут быть вполне выгодными и даже существенными в определенный момент боя в известном положении армии и в известных условиях». Об отношении Ленина к террору свидетельствует также его статья, написанная в январе 1918 г., в которой он рекомендовал засадить в тюрьму десяток богачей, дюжину спекулянтов и полдюжины рабочих, уклоняющихся от работы. Кроме того, Ленин требовал расстрела на месте одного из десяти рабочих, уличенных в лености (В. И. Ленин, Сочинения, т. 22, стр. 166). Партии демократического социализма — социал-демократы и социалисты-революционеры — и после Октябрьского переворота имели за собой большинство в стране. На это указывает победа демократических социалистических партий над большевиками на выборах во Всероссийское Учредительное Собрание в конце ноября 1917 г. Этот факт не мешает, однако, авторам Истории КПСС называть социал-демократов и социалистов-революционеров «агентами буржуазии». Шаткость позиции Ленина, стремившегося обеспечить для своей партии власть в России, не взирая на большинство населения, которое не мирилось с диктатурой, привела в первые дни после Октябрьского переворота к расколу в высших партийных и правительственных инстанциях. Этот раскол представлен в Истории КПСС как следствие «капитулянтства» и «предательской линии» Каменева и Зиновьева, так как они и другие выдающиеся большевики хотели создать правительство с участием меньшевиков и социалистов-революционеров, чтобы избежать гражданской войны, к которой вела политика партийной диктатуры Ленина. Авторы Истории КПСС, судя по их изложению событий, не могут понять глубокого морально-политического кризиса, который переживали многие выдающиеся большевики в ноябре 1917 г., и поэтому искажают действительность. Каменев, Зиновьев, Рыков, Милютин и прочие большевики не отрекались от власти Советов, ведя переговоры с меньшевиками и эсерами о создании однородного социалистического правительства. Наоборот, они хотели коалицией с меньшевиками и эсерами укрепить советскую власть, которую понимали как власть демократическую. Вступая в переговоры с большевиками о создании коалиционного социалистического правительства, меньшевики и социалисты-революционеры принимали власть советов как факт. Однако Ленин отверг всякую мысль об участии меньшевиков и правых эсеров в его правительстве. Для него «советская власть» была тождественна диктатуре большевистской партии. В Истории КПСС приведены слова Ленина, сказанные им в ноябре 1917 г.: «В России не должно быть иного правительства кроме советского правительства» (стр. 247). Это, в понимании Ленина, было равнозначно правительству, составленному из членов его партии. Партийную власть небольшой группы диктаторов нельзя было насадить иным способом кроме террора. Призрак гражданской войны пугал значительную часть большевиков, и этим объясняются их колебания в ноябре 1917 г.

Новый учебник истории КПСС упоминает о переговорах, которые велись между большевистской делегацией в конце октября 1917 г. с представителями Всероссийского Исполнительного Комитета железнодорожников (Викжель). Эта профессиональная организация имела во главе меньшевиков и социалистов-революционеров. Каменев, глава большевистской делегации, соглашался принять требования Викжеля об устранении Ленина с поста председателя советского правительства в случае достижения согласия

между обеими сторонами об организации нового правительства, составленного из представителей большевиков и демократических социалистов (стр. 246). Эти переговоры свидетельствуют о чрезвычайной слабости большевистского правительства в первые дни после Октябрьского переворота и о нежелании многих большевиков разжигать гражданскую войну. После срыва переговоров с меньшевиками и эсерами произошел кризис в советском правительстве, о котором было упомянуто выше.

В Истории КПСС говорится о роспуске большевистским правительством демократических городских дум и земских управ, которые были избраны на основе демократического закона летом 1917 г., и приводится причина роспуска: будто бы думы и земские управы представляли «интересы буржуазии и помещиков» (стр. 248). Это измышление опровергается тем фактом, что огромное большинство членов органов демократического самоуправления в 1917 г. принадлежало к социалистическим партиям. Обвинение в «буржуазности» городских дум, избранных в 1917 г. на основе демократического закона, опровергается, между прочим, и речью А. Луначарского на заседании Петроградского Комитета партии большевиков 1(14) ноября 1917 г.: «Значит ли, что мы отказываемся от городских дум? Да ведь в них наши сидят» (Л. Троцкий, Сталинская школа фальсификаций, Берлин 1932, стр. 121).

11. Разгон Учредительного Собрания

Следует отметить, что влияние буржуазных партий в 1917 г. на массы населения России было незначительным. Авторы Истории КПСС, желая оправдать гражданскую войну среди рабочих и крестьян и террор большевистской партии по отношению к социалистам, принуждены прибегать к явной фальсификации. Борьбу за упрочение партийной диктатуры большевиков авторы Истории КПСС пытаются изобразить как борьбу за утверждение демократии против «происков контрреволюции». Эта тенденция проявляется в рассказе о разгоне большевиками Учредительного Собрания в январе 1918 г. «Краткий курс» лаконично отмечал, что правительству Ленина «нужно было... распустить буржуазное Учредительное Собрание» (стр. 204, издание 1952 г.). Составители нового учебника истории КПСС захотели более пространно оправдать разгон Учредительного Собрания вооруженной силой большевистского правительства. Они пытаются убедить читателя, будто бы волю народа выражали большевики, захватившие власть посредством восстания 7 ноября (нового стиля) 1917 г., а не Учредительное Собрание, избранное совершенно свободно в конце ноября 1917 г. (Большевики тогда еще не создали своего террористического аппарата). Победу демократических социалистов в выборах в Учредительное Собрание авторы Истории КПСС объясняют тем, что «значительная часть народа не успела еще осмыслить значения социалистической революции» (стр. 252). Учредительное Собрание здесь названо «контрреволюционными силами», которые противопоставили себя «советской власти и воле большинства народа». Каким образом могла быть высказана эта «воля большинства народа» в пользу правительства Ленина, авторы Истории КПСС не сообщают. Они только упоминают, что Учредительное Собрание 6 января 1918 г. было распущено декретом ВЦИК и что «народ одобрил роспуск буржуазного Учреди-

тельного Собрания». Когда и каким образом этот декрет ВЦИК был «одобрен народом», авторы Истории КПСС тоже не указывают и не приводят никаких доказательств того, что Учредительное Собрание по составу своему было «буржуазным». Как известно, огромное большинство в Учредительном Собрании составляли социалисты-революционеры. Аргумент большевиков, что Учредительное Собрание, как «буржуазное», необходимо было распустить, так как оно будто бы не выражало воли народа, был пущен в ход в декабре 1917 г.

Известная деятельница польской и германской социал-демократии Роза Люксембург в своей брошюре «Русская революция», написанной в 1918 г., отвергла этот софизм. Она считала, что большевистское правительство, распустив Учредительное Собрание, должно было устроить новые выборы. Она предсказала, что власть иначе сосредоточится в руках дюжины революционеров, которые будут действовать совершенно бесконтрольно (Die Russische Revolution, Berlin 1922). Несмотря на то, что Р. Люксембург, после насильственной смерти в Берлине в январе 1919 г., была причислена большевиками к своему синклиту, ее замечательная критика системы партийной диктатуры, созданной Лениным, до сих пор не была в России опубликована.

Пока в России существовало Временное Правительство, партия большевиков вела в 1917 г. демагогическую пропаганду, будто бы это правительство стремилось «сорвать» созыв Учредительного Собрания. Когда, однако, Временное Правительство назначило выборы в Учредительное Собрание, на 12 ноября (старого стиля) 1917 г., Центральный Комитет большевистской партии обратился с воззванием к народу, заявляя, что «Учредительное Собрание может быть созвано только вопреки нынешнему коалиционному правительству, которое делает и сделает все, чтобы сорвать его». В том же духе была составлена декларация фракции большевиков во Временном Совете Республики (Предпарламент), которую огласил Л. Троцкий на заседании 7(20) октября 1917 г., покидая Предпарламент: «Буржуазные классы, направляющие политику Временного Правительства, поставили себе целью сорвать Учредительное Собрание» (Архив революции 1917 года. Факты и документы. Петербург 1918, стр. 148).

В воззвании большевистской партии, составленном Лениным перед захватом власти, необходимость переворота доказывалась тем, что советская власть «обеспечит своевременный созыв Учредительного Собрания» (В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4, т. 26, стр. 215).

26 октября 1917 г., после свержения Временного Правительства, газета большевиков «Правда» писала: «Товарищи! Вы своей кровью обеспечили созыв в срок хозяина земли русской — Всероссийского Учредительного Собрания». Ленин в своей речи на II съезде Советов 26 октября 1917 г., кроме того, заявил: «Как демократическое правительство, мы не можем обойти постановление народных низов, хотя бы с ними были несогласны... И если даже крестьяне пойдут и дальше за социалистами-революционерами, и если они даже этой партии дадут в Учредительном Собрании большинство, то и тут мы скажем, — пусть так!» (В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4, т. 26, стр. 226).

В постановлении II съезда Советов о создании советского правительства оно названо «Временным рабочим и крестьянским правительством» и при этом сказано, что оно образовано «для управления страной впредь до со-

зыка Учредительного Собрания». Это постановление составил Ленин (там же, стр. 230). Лицемерие Ленина в отношении Учредительного Собрания раскрылось в полной мере только после его смерти. В 1929 г. были опубликованы «Протоколы Центрального Комитета РСДРП (большевиков)», охватывающие период с августа 1917 г. до февраля 1918 г. В протоколе от 10 октября 1917 г. записаны следующие слова Ленина: «Ждать до Учредительного Собрания, которе явно будет не с нами, бессмысленно, ибо это значит усложнять нашу задачу». Это подтвердил и Л. Троцкий в «Правде» от 20 апреля 1924 г.: «В первые же дни, если не часы, после переворота, Ленин поставил вопрос об Учредительном Собрании. Надо отсрочить, предложил он, отсрочить выборы... Ему возражали: неудобно отсрочивать. Это будет понято как ликвидация Учредительного Собрания, тем более, что мы сами обвиняли Временное Правительство в оттягивании Учредительного Собрания. Ленин со своей позицией оказался одиноким. Он недовольтно поматывал головой и повторял: ошибка, явная ошибка, которая может нам дорого обойтись. Как бы эта ошибка не стсила революции головы... Выяснилось тем временем, что мы будем в меньшинстве даже с левыми эсерами... «Надо, конечно, разогнать Учредительное Собрание», говорил Ленин...»

Насильственный роспуск Учредительного Собрания правительством Ленина в январе 1918 г. имел свои кровавые последствия, о которых авторы Истории КПСС предпочли умолчать. Свидетелем упомянутых последствий явился М. Горький, находившийся в то время в оппозиции к политике Ленина. После расстрела мирной демонстрации сторонников Учредительного Собрания в Петрограде 5 января 1918 г. большевистской полицией М. Горький писал в своей газете «Новая жизнь» (9 января 1918 г.): «5-го января 1917 года безоружная петербургская демократия — рабочие, служащие — мирно манифестировали в честь Учредительного Собрания... «Правда» лжет, когда она пишет, что манифестация 5 января была организована буржуями, банкирами и т. д., и что к Таврическому дворцу шли именно «буржуи» и «калединцы». «Правда» лжет, — она прекрасно знает, что «буржуям» нечему радоваться по поводу открытия Учредительного Собрания, им нечего делать в среде 246 социалистов одной партии и 140 — большевиков. «Правда» знает, что в манифестации принимали участие рабочие Обуховского, Патронного и других заводов, что под красными знаменами российской социал-демократической партии к Таврическому дворцу шли рабочие Василеостровского, Выборгского и других районов. Именно этих рабочих и расстреливали, и сколько бы ни лгала «Правда», она не скроет позорного факта... Итак, 5 января расстреливали рабочих Петрограда безоружных. Расстреливали без предупреждения о том, что будут стрелять, расстреливали из засад, сквозь щели заборов, трусливо, как настоящие убийцы».

12. Объявление России Советской республикой и сепаратный мир с Германией

На стр. 253 Истории КПСС упоминается декларация 2 Всероссийского съезда Советов об объявлении России Советской республикой «на основе добровольного союза свободных наций, как федерации советских национальных республик». Эту «добровольную федерацию» большевистское пра-

вительство учреждало, не спрашивая, желают ли национальные республики, созданные в разных провинциях бывшей Российской империи, подчиниться правительству Ленина. Против строптивых народов Ленин послал из России свою «красную гвардию», чтобы силой оружия принудить национальные республики (например, Украину) к «добровольной федерации». Входить в подробности завоевательной политики советского правительства по отношению к национальным республикам авторы Истории КПСС не сочли нужным.

Во втором разделе VIII главы Истории КПСС излагаются события, приведшие правительство Ленина к сепаратному миру с Германией в Бресте в 1918 г., и комментируется дискуссия на VII съезде Российской Коммунистической партии. В условиях того времени, когда армия окончательно разложилась и тыл был совершенно расстроен, сепаратный мир был необходимостью. В понимании этого положения Ленин превосходил своих противников из других партий, а также и в своей собственной партии. Авторы Истории КПСС обвиняют партии, выступавшие против заключения сепаратного мира с Германией, в том, что их позиция объяснялась будто бы желанием поражения России, «чтобы задушить революцию». Это обвинение нелепо. Противники большевиков могли бы сохранить власть в своих руках после революции 1917 г., если бы решились заключить сепаратный мир. Временное Правительство от этого шага отказалось в силу патриотических чувств и верности союзу с государствами Антанты.

В отличие от «Краткого курса», новый учебник истории КПСС менее пристрастно осуждает позицию Троцкого, Бухарина и других во время переговоров о мире с Германией в Бресте. Правда, авторы называют «предательским» заявление Троцкого, главы советской делегации в Бресте, 10 февраля 1918 г., что Советское правительство не принимает условий мира, поставленных Германией, демобилизует армию и прекращает войну. Однако в Истории КПСС выпущено обвинение по адресу противников подписания мира с Германией — Троцкого, Бухарина и др., которые якобы хотели сорвать Брестский мир, арестовать Ленина и Сталина, «убить их и сформировать новое правительство из бухаринцев, троцкистов и левых эсеров» (стр. 203). Сталинский «Краткий курс» ссылается на показания обвиняемых в судебном процессе «право-троцкистского блока» в 1938 г. После тайной речи Хрущева на XX съезде КПСС в 1956 г., в которой он изобличил методы расправы Сталина с его противниками, упоминание о процессе «право-троцкистского блока» и о мнимых «заговорах» против Ленина в 1918 г. авторы новой Истории КПСС не сочли возможным повторять. Это один из примеров «десталинизации» в новом учебнике.

13. План строительства социалистической экономики

Излагая «план строительства основ социалистической экономики» в третьем разделе VIII главы, авторы новой Истории КПСС трактуют систему хозяйства государственного капитализма, наступившего в России после ликвидации частных капиталистических предприятий. Прежде всего авторы замечают: «При переходе к социализму В. И. Ленин придавал важное значение государственному капитализму» (стр. 265). Более пространно, чем в «Кратком курсе», авторы Истории КПСС объясня-

ют причины введения государственного капитализма в России в 1918 г. и приводят его характерные черты. Они пишут, в частности, что «интересы социализма требуют беспрекословного повиновения масс единой воле руководителей трудового процесса» (стр. 266). Под ярлыком «социализма» приводятся дальше средства, рекомендованные Лениным для повышения продуктивности труда рабочих: трудовая дисциплина под руководством назначенных правительством директоров государственных предприятий, привилегии для «буржуазных специалистов», работающих на предприятиях, «внедрение сдельной оплаты труда, ликвидация уравниловки, организация соревнования, общественное воздействие на лодырей и рвачей» (стр. 267). В «Кратком курсе» «общественное воздействие» очерчено более определенно, там говорится «о методах принуждения» (стр. 211, издание 1945 г.). Против казарменной дисциплины, давшей возможность правительству Ленина ввести усиленную эксплуатацию рабочих на государственных предприятиях, протестовал Н. Бухарин со своими единомышленниками. Взгляды этих «левых коммунистов» изложены в новой Истории КПСС в еще более карикатурном виде, чем это было в «Кратком курсе». Авторы нового учебника истории КПСС утверждают, что Бухарин и его сторонники будто бы «оказались защитниками мелкобуржуазной стихии и анархической разнузданности, поощряли кулаков, спекулянтов и лодырей» (стр. 267).

В новой Истории КПСС неоднократно повторяются слова о «диктатуре пролетариата». Как выглядела эта «диктатура пролетариата» в России с самого начала Октябрьской революции в 1918 г., авторы говорят достаточно откровенно. «В систему диктатуры пролетариата входила партия, советы, профсоюзы и другие массовые организации трудящихся... Партия вырабатывала такие формы взаимоотношений, которые давали полный простор самостоятельности Советов, как органов государственной власти, и в то же время обеспечивали ведущую роль партии в системе диктатуры пролетариата. Партия выступала как руководящая и направляющая сила советского государства. Она определяла всю политику, объединяла усилия всех общественных организаций трудящихся в их борьбе за учреждение советского строя и переустройство общества на социалистических началах. Через коммунистические фракции партия оказывала политическое воздействие на советы и профсоюзы и проводила в жизнь свои директивы». Эти слова достаточно ясно характеризуют тоталитарную систему партийной диктатуры, завуалированную формулой «диктатура пролетариата», которую коммунисты создали в России под водительством Ленина уже в 1918 г. В «Кратком курсе» эта мысль высказана в более смягченном виде, в главе XII, где излагаются основы Сталинской Конституции 1937 года (стр. 330, издание 1945 года). Итак, как сообщается в Истории КПСС, отношение рабочего класса к диктаторской партии было построено уже в 1918 г. на основе беспрекословного повиновения.

Авторы нового учебника истории КПСС сочли также нужным представить на свой манер и политику диктаторской партии в отношении крестьянства. Хозяйственная разруха, обострившаяся после провозглашения диктатуры большевиков, привела к недостатку продовольствия во многих городах России. Ленин в связи с этим рекомендовал организацию походов «продовольственных отрядов» из городов в деревни. Эти «походы» велись под лозунгом «борьба с кулачеством». Фактически это была война против

всего сельского населения, не желавшего отдавать продукты своего труда государству бесплатно. Авторы Истории КПСС пишут, что «они («кулаки». — П. Ф.) «решили дать бой государству рабочих... на фронте борьбы за хлеб» (стр. 269). В этих словах совершенно растворилась формула большевиков — «рабоче-крестьянская власть». Что же касается борьбы с «кулачеством», то из всего сказанного по этому поводу в Истории КПСС, становится совершенно ясно, что это был организованный «массовый поход в деревню» городского населения для реквизиции хлеба у крестьян вообще. Попытка создать «комитеты бедноты» в деревнях России для борьбы против «деревенской буржуазии» не была удачной, хотя авторы Истории КПСС утверждают противоположное. Уже к концу 1918 г. комитеты крестьянской бедноты были в России ликвидированы. Правительство Ленина отступило перед угрозой крестьянских восстаний. Зато в областях, захваченных советской Красной армией в 1919 и 1920 гг. (Украина и др.), «комитеты бедноты» были сразу же организованы и существовали там до 1930 г.

Выражением недовольства русского крестьянства политикой «похода в деревню», которую организовал Ленин, было также восстание против правительства большевиков партии левых эсеров. В новой Истории КПСС утверждается, что левых эсеров, поднявших восстание в Москве в 1918 г., «поддерживали иностранные дипломатические миссии». Это новое историческое «открытие» не подтверждено никакими доказательствами. В «Кратком курсе» объяснение восстания левых эсеров дается на основании процесса «право-троцкистского блока» в 1938 г.: будто бы «мятеж левых эсеров был поднят с ведома и согласия Бухарина и Троцкого и являлся частью общего плана контрреволюционного заговора бухаринцев, троцкистов и левых эсеров против советской власти» (стр. 213). Даже левый эсер Блюмкин, убивший германского посланника в Москве графа Мирбаха, назван в «Кратком курсе» «агентом Троцкого». По указанным выше причинам, в новом учебнике истории КПСС процессы против «троцкистов», «бухаринцев» и др., организованные Сталиным для уничтожения элиты «старых большевиков», не упоминаются. Вину за восстание левых эсеров авторы Истории КПСС сваливают на «иностранные дипломатические миссии».

14. Трактовка существа Конституции РСФСР

В Истории КПСС излагается существо Конституции Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, принятой на V съезде Советов в июле 1918 г. В «Кратком курсе» она упоминается только в двух строках (на стр. 213). Авторы нового учебника истории КПСС сочли, в частности, необходимым выступить в защиту лишения избирательных прав «эксплуататоров», так как Конституция РСФСР подверглась критике в среде социалистов свободных стран, в частности со стороны теоретика германской социал-демократии Карла Каутского, который вскрыл ленинскую софистику касательно «диктатуры пролетариата». Поэтому в Истории КПСС приводятся демагогические слова из полемической брошюры Ленина «Пролетарская революция и ренегат Каутский». Ленин утверждал, что якобы партийная диктатура большевиков представляет собой «высший тип демократии пролетарской, советской» (стр. 272). Внимательный анализ того, что понимают авторы Истории КПСС под словами «диктатура проле-

тариата», опровергает притязания большевиков на право называть свою партийную диктатуру демократией. Поскольку в новом учебнике истории КПСС этому вопросу посвящено почти две страницы, можно заключить, что таким образом делается попытка ответить на запросы читателей в СССР, особенно молодежи. Удастся ли авторам Истории КПСС убедить читателей СССР в том, что защита демократических свобод Каутским была «пустой и лживой фразой буржуазного либерала, защищающего буржуазную демократию и одурачивающего рабочих» (стр. 272), остается под вопросом.

15. Начало гражданской войны и попытка иностранной интервенции

В IX главе Истории КПСС излагаются события, связанные с началом гражданской войны в России и попытками интервенции со стороны государств Антанты, в 1918 г. В частности говорится, что в 1918 г. «с запада и юга — от Балтийского моря и до Кавказа — советской стране угрожал германский империализм» (стр. 278). Это утверждение нуждается в существенной поправке: несмотря на отрицательное отношение правительства Вильгельма II к коммунистическому режиму в России, оно не решалось ликвидировать диктатуру коммунистов в Москве, хотя правительство Ленина и опиралось на совсем незначительные военные силы.

Упоминая о японской интервенции на Дальнем Востоке, авторы Истории КПСС утверждают, будто бы «американские войска вместе с японскими интервентами участвовали в боевых операциях против партизан, подвергали преследованиям и казням мирное население» (стр. 279) Как известно, американское правительство относилось отрицательно ко всякого рода интервенциям в России и особенно к японской. В конце концов, по настоянию США, японское правительство увело свои войска с Дальнего Востока в 1922 г.

Авторы Истории КПСС пускают в ход легенду о «заговоре» в Москве, который будто бы «был создан летом 1918 года английским дипломатическим представителем Локкартом при участии французского посла Нуланса и американского посла Френсиса... Заговорщики намеревались арестовать Совнарком и убить В. И. Ленина» (стр. 279). Этих обвинений по адресу названных дипломатов в «Кратком курсе» нет, а намерение убить Ленина приписывается Бухарину и Троцкому, вместе с левыми эсерами, но без участия иностранцев (стр. 203). Можно представить себе изумление гражданина СССР, усердно изучавшего «Краткий курс» и верившего, что злоумышленниками, покушавшимися на жизнь Ленина в 1918 г. были Бухарин и Троцкий, и вдруг открывшего теперь на стр. 279 Истории КПСС, что убийство Ленина готовили дипломаты Англии, Франции и Америки.

16. Организация Красной армии

Конец первого раздела IX главы Истории КПСС посвящен организации Красной армии. Среди ее организаторов и вождей упоминаются имена некоторых лиц, ликвидированных по приказу Сталина, в частности Блюхер,

Лазо и умерший после принудительной операции Фрунзе. Имя Троцкого, однако, не упоминается, несмотря на то, что ему, как наркому военных дел и председателю Реввоенсовета, принадлежала руководящая роль и в организации Красной армии, и в боевых операциях 1918—1920 гг. В «Кратком курсе» он упоминается как руководитель армии с отрицательной стороны, на стр. 224. В новой Истории КПСС имя Троцкого встречается только один раз как председателя Реввоенсовета республики (стр. 298—300). При этом ему приписываются несуразные предложения и распоряжения. Но все же, при всей необъективности нового учебника истории КПСС, в нем отсутствует обвинение, брошенное Троцкому в «Кратком курсе», в намерении «расстрелять целый ряд неугодных ему ответственных военных коммунистов-фронтовиков» (стр. 224). Ответ на это обвинение, инспирированное Сталиным, Троцкий дал в своей книге «Сталинская школа фальсификаций» (стр. 59—60). Игнорируя роль Троцкого в создании Красной армии и в руководстве ею, авторы Истории КПСС, следуя традиции «Краткого курса», превозносят Сталина и Ворошилова, особенно в связи с обороной Царицына (ныне Сталинграда) в 1919 г. (стр. 282).

Во втором разделе IX главы Истории КПСС излагаются события после поражения Германии в войне с державами Антанты, а также характеризуется положение в областях, оккупированных немцами после Брестского мира. В связи с немецкой оккупацией, в частности, сказано: «Немецким оккупантам помогали буржуазные националисты в лице всякого рода националистических партий и так называемых «национальных правительств», создаваемых с помощью интервентов». В данном случае тенденциозно комментируется то, что происходило на территориях, попавших в 1918 г. в орбиту влияния Германии. Национальные правительства, во главе с демократическими социалистами, были созданы до Брестского мира в Белоруссии, на Украине и в Закавказьи (Азербайджан, Армения, Грузия). Вмешательство германских военных властей во внутренние дела Украинской Республики привело к государственному перевороту: вместо демократического правительства, состоявшего из социалистов, власть перешла к генералу Скоропадскому, который образовал новое правительство из представителей русских помещиков и капиталистов, враждебных идее независимого украинского государства. Против этого реакционного режима, навязанного Украине германским правительством, в ноябре 1918 г. вспыхнуло восстание. 15 ноября 1918 г., под руководством украинских социалистических партий, была восстановлена Украинская Республика. Когда победа украинских демократических сил над реакционным режимом Скоропадского, которому помогали остатки германской оккупационной армии, была завершена, Москва бросила против Украины свои войска, объявив социалистическое украинское правительство «вне закона». Подобная ситуация создавалась также и в Эстонии, Латвии и Литве, где после поражения Германии были организованы национальные правительства с участием социалистов. Всем этим правительствам авторы Истории КПСС присваивают название «буржуазные националисты».

Против агрессии советских армий в нерусских областях, в защиту национальной независимости, на Украине, в Прибалтике и др., возникло массовое движение. Нерусские народы отвергли «советское правительство», принесенное из Москвы на штыках Красной армии, и упорно отстаивали государственную независимость своих стран и их демократический строй.

О советской агрессии в нерусских областях авторы Истории КПСС пишут в идиллическом тоне: «Начали свою работу советские правительства Украины, Эстонии, Латвии, Литвы и Белоруссии. Совнарком РСФСР признал независимость новых национальных советских республик и оказал им всемерную помощь» (стр. 284). Эта политика советского правительства была прообразом такой же «всемерной помощи», которую Москва оказала после второй мировой войны Болгарии, Румынии, Польше, Чехословакии и Венгрии, «помощью», связанной с созданием коммунистических правительств, зависимых от Кремля.

Советское правительство оказало всемерную помощь своим коммунистическим ставленникам на оккупированных «окраинах» России, имея главной целью решение продовольственной проблемы. Об этом сказано на стр. 286 Истории КПСС: «Наряду с вопросами промышленности и транспорта важнейшей экономической проблемой в гражданской войне стал продовольственный вопрос». Посылая Красную армию на Украину в конце 1918 г. под лозунгом «освобождения украинских рабочих и крестьян от буржуазной власти», правительство Ленина не скрывало действительных целей этой экспедиции. В московской «Правде» от 26 февраля 1919 г. А. Свидерский в статье «Что может дать и что уже дала нам Украина» рисовал в ярких красках продовольственные средства Украины, заметив в заключение, что представители Комиссариата продовольствия РСФСР, посланные на Украину, «начали продовольственную деятельность при помощи экспедиционных отрядов». Свидерскому вторил комиссар продовольствия Шлихтер в речи на заседании Московского совета в феврале 1919 года: «Вы все помните, что когда Украина становилась советской, нам и вам становилось легче на душе с каждым шагом Красной армии вперед. Казалось, что пришел конец всем страданиям. Богатая Украина, плодородная Украина наша... Я уже упомянул, что у нас есть четыре главных продовольственных отряда. На эти отряды возлагаем все надежды. У нас есть много рабочих, которые наводнят все украинские деревни» (А. Шлихтер, Борьба за хлеб на Украине, Літопис Револуції, № 2, Харьков 1928 г.). Тот же Шлихтер сознался, что каждый пуд хлеба, добытый силой у украинских крестьян, «был облит кровью».

Не решаясь полностью грабить сельское население России, чтобы не вызвать опасного для существования диктатуры сопротивления русского крестьянства, правительство Ленина искало решения продовольственного кризиса в военной оккупации Украины и других стран, где имелись продовольственные запасы. Уже в январе 1919 г., как сообщается в Истории КПСС (стр. 286), советским правительством был принят декрет «О разверстке между производящими губерниями зерновых хлебов и фуража, подлежащих отчуждению в распоряжение государства». Декрет имел в виду, в первую очередь, Украину, куда были направлены отряды Красной армии, а также продовольственные отряды под руководством комиссара Шлихтера. Оккупацию Украины Красной армией, с целью снабжения России продовольствием, советское правительство в Москве считало решающей для дальнейшего существования коммунистической диктатуры в России. Красно-речивой иллюстрацией этого является записка Ленина, переданная комиссару Шлихтеру на VIII съезде Коммунистической партии в Москве 19 марта 1919 г.: «1. Получили ли вы на Украине директиву ЦК о 50 миллионах (пудов зерна. — П. Ф.) к 1 июня? ... 3. Что думаете? Сколько доставите? 4. Не

нужны ли здесь (и какие) экстренные меры? 5. Если не подвезете к 1 мая или 1 июня — мы околеем все. Ленин». (Ежемесячник «Дружба Народов», Москва, ноябрь 1957 г.).

В 1919 г., во время движения Красной армии на Украину, в Москве вышла брошюра о решающем значении оккупации Украины для будущего большевизма под заглавием: «Там, где решаются судьбы мировой революции».

Конечно, советское правительство в Москве не умерло бы из-за недостатка продовольствия в 1919 г., но было бы принуждено сделать новый нажим на русское крестьянство, что могло бы, в связи с недовольством городского населения, привести к крушению коммунистической диктатуры.

17. Дискуссия по национальному вопросу

В третьем разделе IX главы Истории КПСС новым, сравнительно с «Кратким курсом», является упоминание о дискуссии по национальному вопросу на VIII съезде РКП(б). Авторы Истории КПСС пишут, что на этом съезде «Бухарин и Пятаков выступили против признания права наций на самоопределение вплоть до отделения» и что Ленин считал необходимым оставить этот лозунг в программе партии, «ибо нет вещи хуже, чем недоверие наций» (стр. 292). Фактически различия в отношении к действительному самоопределению наций между позициями Ленина, с одной стороны, и Бухарина, Пятакова, с другой, не существовало. Разница была в тактике. Бухарин признавал право национального самоопределения только для пролетариата угнетенных народов, а Ленин считал, что, признавая в принципе право народов на независимость, партия в каждом конкретном случае должна решать вопрос о «целесообразности отделения». Бухарин предполагал, что пролетариат в нерусских областях бывшей Российской империи, в значительной части русского происхождения или обрусевший, не захочет отделяться от России, а потому ограничивал право национального самоопределения только рабочим классом. Стремясь к той же цели — сохранению многонационального централизованного государства под главенством Москвы, Ленин на словах признавал «самоопределение вплоть до отделения», но, опираясь на единую, централизованную коммунистическую партию, он мог решать по своему желанию вопрос о «целесообразности отделения».

На стр. 295 Истории КПСС упоминается о съездах местных большевистских организаций «в некоторых национальных районах страны», причем были созданы коммунистические партии со своими центральными комитетами. Авторы пишут, между прочим, будто одновременно с созданными «во второй половине 1918 года и в начале 1919 года» коммунистическими партиями Литвы, Эстонии, Латвии и т. д., возникла также Коммунистическая партия Украины. Это ошибка. Коммунистическая партия (большевиков) Украины была создана в апреле 1918 г. на конференции в Таганроге. На этой конференции (большевистских организаций Украины) была принята следующая резолюция: «Создать самостоятельную коммунистическую партию, имеющую свой Центральный Комитет и свои партийные съезды и связанную с Российской Коммунистической Партией через международную комиссию (III Интернационала)» (Сергий Мазлах и Василь

Шах-Рай, «До хвилі», Саратов 1919). Эта резолюция конференции большевистских организаций Украины, принятая в Таганроге, встревожила руководство Российской Коммунистической Партии. По настоянию Ленина, члены коммунистических организаций Украины, бывшие в Советской России, созвали в начале июля 1918 г. в Москве съезд, на котором было отклонено решение о независимости Коммунистической Партии Украины от Российской Коммунистической Партии. Была также принята резолюция, что Коммунистическая Партия Украины должна бороться «за революционное объединение Украины с Россией на основе пролетарского централизма в границах Российской Социалистической Советской Республики» («Коммунист» 5, Москва 1918). Это вполне совпадает с ленинской линией «решения национального вопроса», которая была принята на VIII съезде РКП(б) весной 1918 г. Об этом сообщает История КПСС, излагая вопрос об отношении национальных коммунистических партий к РКП(б): «Ленинская линия состояла в том, что все эти национальные организации должны входить как составные части в единую Российскую Коммунистическую Партию. VIII съезд категорически высказался против создания федерации самостоятельных коммунистических партий и твердо заявил, что необходимо существование единой централизованной коммунистической партии с единым Центральным Комитетом, руководящим всей работой партии. Центральные Комитеты коммунистических партий национальных советских республик пользуются правами областных комитетов и подчинены ЦК РКП(б)» (стр. 235).

Из этого следует, что коммунистические партии советских национальных республик и правительства этих республик подчинены во всех отношениях Москве. Так выглядит на практике ленинская теория «самоопределения народов». Авторы Истории КПСС называют этот строгий централизм, сосредоточение всей власти над нерусскими народами, ставшими жертвами советской агрессии, осуществлением «ленинского принципа пролетарского интернационализма».

18. Борьба большевиков против «белогвардейских интервентов» и политика в отношении Украины

В разделе четвертом IX главы Истории КПСС сообщается о защите Петрограда Красной армией в июле 1919 г. против «белых» войск ген. Юденича. В отличие от «Краткого курса», авторы Истории КПСС упоминают Зиновьева, как ответственного за недостаточную подготовку Петрограда к обороне, и связывают победу над армией Юденича с командировкой Сталина в Петроград, как «уполномоченного ЦК и ВЦИК» (стр. 298). Неизвестно, чем руководились авторы нового учебника истории КПСС, отдавая таким образом новую дань «культу личности» Сталина после его смерти. О ведущей роли Сталина в защите Петрограда против войск Юденича нет ни слова даже в сталинском «Кратком курсе» (стр. 226). События, относящиеся к защите Петрограда против армии Юденича в ноябре 1919 г., вполне объективно описал оппонент Троцкого, начальник военной секции ЦК РКП(б) Лашевич в своей книге «Борьба за Петроград». Автор отмечает решающую роль Троцкого в организации обороны Петрограда: «Присутствие Троцкого на месте сразу показало себя: надлежащая дисциплина была вос-

становлена, и военные и административные учреждения доросли до исполнения своих задач» (J. Deutscher, *The Prophet Armed*, I, p. 445, London 1954). Было бы излишним приводить цитату из книги Лашевича полностью: она написана почти в духе панегирика военному и организационному таланту Троцкого. Однако о роли Троцкого в организации обороны Петрограда против «белых» из нового учебника истории КПСС читатель ничего не узнает.

В новом учебнике истории КПСС описываются также события, связанные с военными действиями против армии ген. Деникина в 1919 г. Одновременно упоминается о политике советского правительства в отношении Украины (стр. 302). Этот вопрос возник в связи с продвижением Красной армии по территории Украины в конце 1919 г. и был обсужден на VIII Конференции РКП(б). Приведены выдержки из резолюций названной конференции «О советской политике на Украине» и «О советской власти на Украине»: «Неуклонно проводя принцип самоопределения наций, ЦК считает необходимым еще раз подтвердить, что РКП(б) стоит на точке зрения признания самостоятельности УССР».

В разъяснение этой резолюции VIII Конференции (о ней в «Кратком курсе» не упоминается) авторы нового учебника пишут, что для борьбы с империализмом был необходим тесный союз всех советских республик и что «определение форм этого союза будет решено самими украинскими рабочими и трудящимися крестьянами; в данное время отношения между РСФСР и УССР определялись федеративной связью» (стр. 303).

Неосведомленному читателю может показаться странным, почему вдруг на VIII Конференции РКП(б) возник украинский вопрос и почему понадобились специальные резолюции названной конференции о политике большевиков в отношении Украины. Краткое изложение событий в Истории КПСС не вносит ясности в этот вопрос и может только вызвать у пытливого читателя недоумение.

Затронув украинский вопрос, авторы Истории КПСС умышленно обошли молчанием ситуацию, которая создалась на Украине в 1919 г. Три антагонистические силы боролись в то время за Украину: 1. Правительство Украинской Народной Республики, во главе с социалистами и при поддержке армии, защищавшей независимость Украины; 2. Правительство РСФСР, пославшее свою Красную армию для завоевания Украины; 3. «Белое» правительство ген. Деникина, стремившееся свергнуть большевистскую власть и сохранить власть России над Украиной. Весной и летом 1919 г. Украину охватило широкое повстанческое движение против Красной армии, поддержанное армией Украинской Народной Республики, которая вела наступление с запада. 31 августа 1919 г. армия Украинской Народной Республики вступила в Киев. Массовое восстание населения Украины против Красной армии было использовано «белой» армией Деникина, продвинувшейся на территорию Украины с юго-востока. Население Украины не примирилось с новым оккупантом, и восстание вспыхнуло с новой силой и против армии Деникина под лозунгом независимости Украинской Народной Республики. Принимая во внимание широкое национальное движение на Украине против «белой» и «красной» России, Ленин провел на VIII Конференции резолюции, в которых указаны меры для ослабления сопротивления украинских народных масс большевистской диктатуре. Эти меры перечисляются в Истории КПСС; среди них — передача земли безземельным и

малоземельным крестьянам (захватив Украину весной 1919 г., большевики начали создавать крупные государственные хозяйства — совхозы); создание совхозов в строго необходимых размерах, с учетом интересов крестьянства, недопущение какого-либо принуждения при объединении крестьян в коммуны, артели и т. п.

Надо обратить особое внимание и на следующее решение VIII конференции, упоминаемое авторами Истории КПСС: «Шире привлекать бедноту и среднее крестьянство к управлению государством, устранять все препятствия для свободного развития украинского языка и культуры» (стр. 303). Эти слова свидетельствуют о том, что советские оккупанты Украины в 1919 г. не допускали большинство населения Украины к управлению государством и препятствовали свободному развитию украинского языка и культуры.

Чтобы усыпить бдительность украинских народных масс, взявшихся за оружие в защиту своих национальных прав и экономических интересов, вожди РКП(б) добились на VIII Конференции утверждения резолюций, в которых было обещано изменение политики партии на Украине.

Авторы Истории КПСС утверждают, будто «резолюция VIII Конференции о советской власти на Украине оказала большую помощь коммунистам Украины и укрепила дружбу народов». Это образец лицемерной пропаганды, которой изобилует новый учебник истории КПСС: фактически великодержавная политика русской большевистской власти на оккупированной Украине в 1920 г. не изменилась и вызвала новые массовые восстания. Какой характер имело «освобождение Украины» Красной армией в конце 1919 г., можно убедиться из резолюции совещания Коммунистической партии Украины в Гомеле в октябре 1919 г.: «Движение на юг и организация советской власти на Украине будет возможна только с помощью регулярных дисциплинированных военных частей (отнюдь не местного происхождения)» («Літопис Революції» 6, Харьков 1926).

19. Движение Красной армии на Кавказ и война с Польшей

Раздел четвертый IX главы заканчивается упоминанием об «освобождении» Красной армией Азербайджана в апреле 1920 г., Армении в ноябре 1920 г., и Грузии в феврале 1921 г. «По указанию советского правительства на помощь трудящимся Азербайджана пришли войска Красной армии», — лаконически сообщают авторы Истории КПСС. Подобным образом были также «освобождены» от свободно избранных демократических правительств Армения и Грузия. Лицемерно звучит совет Ленина большевистскому комиссару Орджоникидзе, сыгравшему активную роль в оккупации Красной армией Грузии в 1921 г., — «относиться с особым уважением к суверенным органам Грузии и оказывать специальное внимание в обращении с грузинским населением» (В. И. Ленин, Сочинения, т. XXXII, стр. 137). Авторы Истории КПСС утверждают, будто бы «в феврале 1921 года трудящиеся Грузии свергли меньшевиков» (стр. 304). Фактически грузинская армия две недели сдерживала наступление превосходящих сил Красной армии. Население Грузии и после советской оккупации продолжало сопротивле-

ние. Наиболее ярким выступлением против большевистского режима, принесенного в Грузию на штыках Красной армии, было восстание в августе 1924 г. Оно было задушено с необычайной жестокостью. В защиту поработанной Грузии выступили лидеры социалистических партий западноевропейских стран — Макдональд, Гендерсон, Вандервельде и особенно Карл Каутский, написавший книгу о Грузии (*Georgien, eine sozialdemokratische Bauernrepublik*, Berlin 1922). В ответ на протесты западных социалистов Политбюро РКП(б) поручило Троцкому написать брошюру для оправдания нападения Советской России на Грузию (*Between Red and White*, London 1922). Об этих фактах в новой Истории КПСС, как и в прежнем «Кратком курсе», ничего не сообщается советскому читателю: он не должен знать больше того, что предписывает партийное руководство.

В пятом разделе IX главы Истории КПСС изложены политические и военные события 1920 г. Здесь приведена цитата из книги Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», как поучение коммунистам всех стран — подражать «русскому образцу»: «Русский образец показывает всем странам кое-что, и весьма существенное, из их неизбежного и недалекого будущего» (стр. 310). Цитирование этой фразы Ленина в новом учебнике истории КПСС (в «Кратком курсе» этой цитаты нет) указывает на большую самоуверенность его заказчиков. «Русский образец» считается теперь наилучшим примером «построения социализма»; к коммунистам, которые в разных странах ищут своих «путей к социализму», независимо от «русского образца», в Москве относятся подозрительно и даже враждебно (например к Югославии).

Любопытным отклонением от «Краткого курса» является описание в новом учебнике истории КПСС событий, связанных с войной Советской России против Польши в 1920 г. В прежнем, сталинском «Кратком курсе» вина за неудачи Красной армии в этой войне приписана Троцкому, Тухачевскому и их сторонникам в главном штабе Красной армии, которые якобы «сорвали успехи Красной армии» (стр. 231, изд. 1945 г.). В «Кратком курсе» утверждается, будто бы Троцкий, председатель Реввоенсовета, «воспретил взять Львов» конной армии Буденного, где политическим комиссаром был Сталин, приказав перебросить эту армию на северо-восток. «Краткий курс» приписывал Троцкому «вредительство» в войне с Польшей. В новой Истории КПСС об этом ничего не говорится. Неудачи Красной армии в войне против Польши объясняются теперь не «вредительством», а «в значительной мере ошибками советского командования», так как «наступление советских войск шло стремительным темпом» и не был организован подвоз боеприпасов и пополнения. Здесь, на стр. 311, приведены слова Ленина о причине неудачи похода Красной армии на Варшаву в 1920 г.: «Перевес наших сил был переоценен нами». Новая История КПСС указывает также на политическую причину поражения Красной армии под Варшавой: польские народные массы приняли «освободительную борьбу Красной армии за иностранное нашествие» и упорно защищали свою страну. О том, что в лагере Красной армии следовало «советское правительство Польши», во главе с Феликсом Коном, Феликсом Дзержинским и другими, в новой Истории КПСС не упоминается. Эти польские коммунисты должны были принести в родную страну такое же «освобождение», какое принесли грузинские большевики — Сталин и Орджоникидзе — в Грузию в 1921 г.

20. Гражданская и межнациональные войны

Описывая гражданскую и межнациональные войны, авторы Истории КПСС умалчивают о борьбе армии Украинской Народной Республики против Красной армии в 1919—1920 гг. В этой армии действовали как части Восточной Украины, бывшей провинции царской России, так и войска Западной Украины (Галиция и Буковина), находившейся в составе Австрии до ноября 1918 г. Авторы Истории КПСС ложно представляют все повстанческие движения против «белых» на территории бывшей Российской империи в 1919—1920 гг. как «организованные и руководимые коммунистической партией» (стр. 313). В действительности, массы, восстававшие против реакционной политики «белых» генералов, относились с недоверием и враждебно также и к «красным». В частности, партизанское движение масс против «белых» и «красных» в нерусских областях имело целью национальное освобождение. Большевики отличались от своих «белых» противников более гибкой пропагандой среди нерусских народов, которых «белые» лишили всяких национальных прав. Русские большевики провозглашали для всех народов «самоопределение вплоть до отделения», хотя действительной их целью было тоже воссоздание единого централизованного государства под главенством Москвы. Утверждение авторов, будто бы «советская власть — это единственная и прочная гарантия действительной свободы и национальной независимости народов» (стр. 313), не находит подтверждения в действительности.

Следует отметить, что в «Кратком курсе» о свободе и независимости народов России нет упоминания, как нет и слов о советской «политике равноправия больших и малых народов». Соответствующие заявления в новом учебнике истории КПСС, очевидно, вызваны новыми политическими задачами современного руководства КПСС, в частности целями пропаганды среди народов Азии и Африки.

Перечисляя имена наиболее заслуженных деятелей КПСС, проявивших себя в гражданской войне, новый учебник партийной истории присоединяет к списку имен, приведенных в «Кратком курсе», также и некоторых, пострадавших от репрессий во время единодержавия Сталина: А. Бубнова, С. Косиора, П. Постышева. Имя Сталина поставлено рядом с именем М. Фрунзе, которого сам Сталин принудил в свое время к ненужной хирургической операции, чтобы избавиться от популярного в армии военного деятеля.

На стр. 316 новой Истории КПСС говорится о красном терроре, который способствовал победе большевиков над их противниками. Авторы нового учебника утверждают, будто в 1918—1920 гг. «применялись меры насилия только к врагам, к пособникам интервенции и внутренней контрреволюции, к агентам и сторонникам Колчака, Деникина и Врангеля». Факты противостоят этому. Восстания рабочих и крестьян, стремившихся к свободе и в равной степени враждебных и «белой», и «красной» диктатурам, не были «контрреволюцией». Однако они подавлялись с неимоверной жестокостью органами большевистской чрезвычайной комиссии (ЧЕКА). Назначенный Лениным в 1919 г. на пост председателя коммунистического правительства Украины румынский коммунист Христиан Раковский издавал приказы — сносить артиллерийским огнем населенные места, оказавшие сопротивление режиму диктатуры и национального угнетения. (Х. Раковский, Борь-

ба за освобождение деревни, Харьков 1920). От красного террора пострадали главным образом рабочие и крестьяне, которым за выражение свободного мнения легко было приписать «контрреволюцию» и без суда казнить по решению ЧЕКА. Цитата из Ленина, приведенная на стр. 316 Истории КПСС, будто бы «рабочие и крестьяне в большинстве своем узнали, почувствовали и увидели, что они отстаивают свою советскую власть трудящихся», и что это была основная причина победы большевиков в гражданской войне, не является убедительной. Большевики никогда не имели поддержки большинства населения России, а их опора в нерусских областях была совсем незначительной. Фактически самую большую помощь, не признавая этого, большевикам оказало «белое» движение, оттолкнувшее от себя народные массы своей реакционной политикой, чем большевизм воспользовался.

Авторы Истории КПСС без всяких оснований утверждают, будто бы «эсеры и меньшевики, анархисты и буржуазные националисты разоблачили себя не только как пособники, но и как активные участники контрреволюции» (стр. 318). Трагедия демократических элементов народов бывшей Российской империи состояла в том, что они находились между двух огней — диктатурами «красных» и «белых». Режим русских реакционных генералов имел поддержку со стороны правительств Антанты (Англия и Франция). Результатом было усиление позиций большевизма, который выступал с программой социальных реформ и «освобождения народов», требуя за это признания своей партийной диктатуры.

21. Сосуществование с «капиталистическими» странами

IX глава Истории КПСС заканчивается словами о том, что в 1919—1920 годах «советская страна завоевала возможность мирного сосуществования с капиталистическими странами и обеспечила условия для успешного социалистического строительства» (стр. 318). Эта фраза является отражением нынешней политики правительства СССР, продиктованной техническим прогрессом (атомное оружие), который делает войну «нерентабельной». В 1920 г. наступление Красной армии на Польшу настолько окрылило фантазию Ленина, что ему мерещилось немедленное взятие Варшавы и Данцига и продвижение Красной армии в Германию, где предполагалось помочь «коммунистической революции». Ленин намеревался «прощупать Европу штыком Красной армии». Об этом, между прочим, свидетельствуют заметки, найденные в архиве Троцкого и опубликованные И. Дойчером в его книге «The Prophet Armed» (т. I, стр. 466).

О планах Ленина — принести «социалистическую революцию» в другие страны на штыках Красной армии — сообщает также бывший американский коммунист Луи Корей. Он вспоминает о разговоре, который он вел с Лениным во время наступления Красной армии на Варшаву летом 1920 г. Ленин говорил своему американскому собеседнику, что «без насилия не может быть революции против капиталистических эксплуататоров; а если вы применяете насилие против ваших собственных капиталистов, почему же не воспользоваться военной силой пролетарского государства против капиталистов, господствующих в других странах, и сломить их господство?» («Социалистический Вестник» 5, Нью-Йорк 1951).

Идея мирного сосуществования с капиталистическими странами возникла у большевистского руководства после 1920 г. вследствие невозможности победоносно двинуть Красную армию на Запад. Это сосуществование совсем не вытекало из большевистских идеологических предпосылок, отмеченных Лениным в его работах о пролетарской революции.

22. Восстановление народного хозяйства после гражданской войны

Глава X Истории КПСС посвящена восстановлению народного хозяйства в стране советов после окончания гражданской войны. Говоря об огромных потерях народного хозяйства, о разорении промышленности, авторы не хотят признать, что гражданскую войну с ее последствиями вызвали диктатура и террор большевистского правительства. Без этой диктатуры и гражданской войны, как последствия диктатуры, Россия могла бы сохранить свое народное хозяйство нетронутым, и всякая попытка иностранной интервенции была бы исключена. Политика диктатуры вызвала затяжную борьбу коммунистического правительства с крестьянством. На стр. 321 упоминается об опасности, которая грозила большевистской диктатуре со стороны «кулачества». Легенда о «кулачестве» нужна была большевистскому правительству для оправдания экономической эксплуатации крестьян и партийного террора против крестьянства. По существу, все крестьянство, исключая сельские «подонки общества», имевшие выгоду от ограбления трудовых крестьян по указаниям коммунистической власти, по окончании гражданской войны было враждебно настроено по отношению к диктатуре большевиков. Если не было бы этого недовольства и враждебного отношения крестьян к коммунистической власти, трудно было бы объяснить массовые крестьянские восстания, возникшие в «производящих губерниях» России (например в Тамбовской области), во всех областях Украины, на Дону, в Кубанской области и в Сибири в 1920—1921 гг. Авторы Истории КПСС сваливают вину за эти восстания, которые на Украине, в Туркестане и на Кавказе имели ярко выраженную национальную окраску, на «кадетов, эсеров, меньшевиков, анархистов, буржуазных националистов» (стр. 321), которые якобы «использовали» недовольство крестьян.

Также восстание матросов в Кронштадте в марте 1921 г. авторы Истории КПСС приписывают влиянию «эсеров, меньшевиков, анархистов, белогвардейцев». В действительности, лозунгом Кронштадтского восстания было: — «свободные советы», то есть демократия. Авторы утверждают, что свободные выборы в советы привели бы к «диктатуре буржуазии». Однако надо помнить, что и Кронштадтское восстание моряков, и восстания крестьян сопровождались левыми лозунгами. То же самое было в украинских восстаниях против коммунистов, которые шли под лозунгами социализма и даже анархизма (Махно).

Как в «Кратком курсе», так и в новом учебнике истории КПСС заслуга победы над восставшими матросами в Кронштадте приписана Ворошилову, хотя фактически наступлением на Кронштадт руководили Троцкий и Тухачевский.

В отличие от «Краткого курса», где восстания против большевистской диктатуры объяснялись недовольством крестьян системой принудительного обложения (продразверсткой), в новом учебнике истории КПСС указывается также на недовольство рабочих политикой правительства. Для этого

приведены слова Ленина в 1921 г., сказанные после Кронштадтского восстания: «Мы наткнулись на большой — я полагаю, на самый большой — внутренний политический кризис Советской России, который привел к недовольству не только значительной части крестьянства, но и рабочих» (стр. 322). Это недовольство рабочих своим тяжелым положением под партийной диктатурой авторы Истории КПСС пытаются объяснить влиянием «мелкобуржуазной стихии». Они видят «мелкобуржуазность» в том, что в 1921 г. «на некоторых предприятиях дело доходило до забастовок» (стр. 322). Следуя логике авторов Истории КПСС, настоящий «пролетариат», голодавший из-за безрассудной экономической политики коммунистического правительства, должен был оставаться довольным своей судьбой и ни в чем не проявлять своего возмущения. Абсурдность этого заявления становится особенно ясной в связи со следующей фразой в Истории КПСС: «На почве голода . . . рабочие выражали недовольство экономической политикой советской власти» (стр. 322). Связанную с этим опасность для самого существования диктатуры Ленин понял после восстания матросов в Кронштадте и предложил перейти к новой экономической политике (нэп).

23. Дискуссия о профессиональных союзах

Прежде чем перейти к разъяснению этого политико-экономического маневра коммунистической диктатуры, новый учебник истории КПСС рассматривает дискуссию о профессиональных союзах, которая возникла в связи с подготовкой к X съезду РКП(б). Авторы новой Истории КПСС приписывают вину за дискуссию о профсоюзах Троцкому, хотя называют также другие группы, требовавшие свободной дискуссии в партии по этому вопросу. Выступления различных групп внутри РКП(б), стремившихся посредством дискуссии повлиять на политику партии, авторы объясняют «мелкобуржуазными колебаниями» (стр. 324). В разряд «колеблющихся» попал и Троцкий, которому приписываются пораженческие мысли, будто бы высказанные им во время Кронштадтского восстания: «Троцкий, например, в связи с мятежем в Кронштадте заявил, что советской власти наступил конец, что «кукушка уже прокуковала» (стр. 324). К сожалению, авторы нового учебника партийной истории, приводящие точные цитаты из сочинений Ленина и других признанных авторитетов большевизма, не указывают (на стр. 324) источника указанной выше цитаты, приписанной Троцкому. Читатель должен, повидимому, верить на слово авторам нового учебника и не сомневаться в их научной объективности.

Перечисляя группы в рядах РКП(б), имевшие отличные от ленинских взгляды на роль профсоюзов в советском государстве, авторы Истории КПСС произвольно излагают взгляды оппонентов, представляя их в карикатурном виде. Не упоминают составители новой партийной истории и о печальной судьбе членов коммунистической группы рабочей оппозиции во главе с Шляпниковым, Мясниковым и многими другими, пострадавшими в ссылках и тюрьмах.

О жестоких репрессиях против коммунистов-оппозиционеров говорит воззвание «Интернациональной группы коммунистов», изданное в Берлине в 1924 г. и обращенное к «коммунистическому и сочувствующему пролетариату». В воззвании в защиту Рабочей группы РКП(б) сказано, что она со-

стоит «исключительно из коммунистов, работающих не как служащие в советах, профсоюзах и в партии, а непосредственно на заводах и предприятиях». Однако, — сказано дальше в воззвании, — «господствующий слой РКП(б) не хочет допустить легальной деятельности рабочей группы» и преследует ее членов террористическими методами. В воззвании было выставлено требование «свободы слова и печати» для трудящихся и «привлечение рабочего класса к управлению государством и промышленностью» посредством советов трудящихся. Интернациональная группа коммунистов в своем воззвании к рабочим всего мира заявляла: «Революционные рабочие в Советской России преследуются гораздо жестче, чем в Западной Европе, так как теперь в России заключают в тюрьмы не только самих революционно-коммунистических пролетариев, но держат под арестом и их семьи». Как пример репрессии, приводится в воззвании судьба члена рабочей группы Мясникова: «Товарищ Мясников (старый известный большевик) за свою независимую коммунистическую линию вот уже несколько последних лет переносит самые подлые и отвратительные преследования со стороны правящих кругов новой России». В воззвании указывается еще, что в 1920 г. в Пермской тюрьме в арестованного Мясникова большевистские тюремщики три раза стреляли с намерением его убить. Обращаясь к рабочим всего мира, Интернациональная группа коммунистов заявляла: «Мы должны вырвать наших братьев революционеров-рабочих из рук аристократических вождей советской России, ослепленных манией величия» (из архива П. Феденко).

Упомянутый деятель Рабочей оппозиции в КПСС Мясников бежал за границу и издал книгу о терроре в СССР (Очередной обман, Париж 1931). Здесь он между прочим писал: «Не только беспартийным рабочим и крестьянам нельзя критиковать всевластующую бюрократию, т. е. издавать газеты, журналы, книги не бюрократического толка, не казенного направления, выступать на собраниях, организовываться в группы, но и нельзя было выступать с критикой партийных же товарищей, а как только они выступали, да пробовали отстаивать свою точку зрения и бороться в партии за большинство, с ними расправлялись со свирепостью и жестокостью, которой позавидовали бы даже твердолобые фашисты Италии, расправлявшиеся с коммунистами в большинстве через гласный суд. А у нас гласный суд существует для воров, убийц, растлителей, казнокрадов, белобандитов, генералов, капиталистов и их наймитов, а с инакомыслящими пролетариями, крестьянами и интеллигентами расправляются втихомолку в тиши подвалов ГПУ».

Отмечая победу взгляда Ленина и его единомышленников на роль профсоюзов как «школы коммунизма», как подсобной организации в политике диктаторской партии, авторы Истории КПСС приводят путанную цитату из сочинений Ленина, из которой явствует, что ему была чужда мысль о признании профсоюзов организациями, независимыми от коммунистической партии. «Профсоюзы», — пишут авторы Истории КПСС, — имеют задачей борьбу за повышение производительности труда и укрепление трудовой дисциплины, подготовку и выдвижение администраторов из рабочих и трудящихся масс вообще» (стр. 326). Дальнейшая фраза партийного учебника о «широком развертывании рабочей демократии» и о «борьбе с бюрократизмом и администрированием» является только словесным приукрашиванием неприглядной роли профсоюзов, как «приводного ремня от партии к массам».

Осуждая дискуссию внутри партии в 1921 г., авторы Истории КПСС еще решительнее, чем авторы сталинского «Краткого курса», выступают за «монолитность партии» и подкрепляют эту мысль словами Ленина, назвавшего дискуссию «непозволительной роскошью».

Первый раздел X главы Истории КПСС заканчивается фразой, несомненно навеянной перипетиями позднейшей борьбы Хрущева за единовластие в партии. В этой фразе, в ее части напечатанной курсивом, говорится, как о непременном и решающем условии победы партии, о «единстве, монолитности партии, ее идеологической выдержанности, железной дисциплине в ее рядах, нетерпимости к оппортунистическим шатаниям и фракциям». Поэтому необходимо было ликвидировать во что бы то ни стало фракции и группировки в партии. Это сделали в свое время Ленин и Сталин, а Хрущев восстановил «монолитность партии», устранив Маленкова, Молотова, Кагановича и других, с ним несогласных.

III. X СЪЕЗД РКП(б) И ПЕРЕХОД К НЭПУ

Второй раздел X главы Истории КПСС посвящен X съезду партии и переходу к новой экономической политике. Авторы нового учебника с утомительной монотонностью повторяют пропагандные лозунги ленинской тактики по отношению к крестьянству, которое не хотело мириться с его систематическим ограблением большевистским государством. Так как трудящихся крестьян, по выражению Ленина, «нельзя прогнать, их нельзя подавить», как это было сделано с помещиками, то пришлось сделать крестьянству временные уступки в виде допущения свободного рынка и продналога вместо грабительской продразверстки. Авторы Истории КПСС объясняют, как понимал Ленин диктатуру пролетариата: «Высший принцип диктатуры пролетариата — союз рабочего класса с крестьянством» (стр. 328). По существу дела, это формула без содержания, так как рабочие и крестьяне, поскольку они не принадлежат к партии, участия во власти не принимают, будучи объектами политического угнетения и экономической эксплуатации. В новом учебнике с одной стороны приводятся слова Ленина, назвавшего свободную дискуссию в партии «непозволительной роскошью», а с другой стороны цитируется резолюция X съезда РКП(б), в которой членам партии рекомендуются «методы широких обсуждений всех важнейших вопросов, дискуссии по ним с полной свободой внутрипартийной критики» (стр. 334).

Авторы Истории КПСС пишут, что X съезд РКП(б) имел «всемирно-историческое значение», так как наметил пути перехода от капитализма к социализму, причем необходимым звеном в этом процессе должен был явиться нэп. Подобной оценки X съезда в «Кратком курсе» нет. Объясняется это, повидимому, тем, что «Краткий курс» был составлен еще перед второй мировой войной, когда «опыт революции» существовал только в одной стране, в СССР, и своего эксперимента «построения социализма» через нэп вожди партии не решались еще провозгласить образцовым для прочих стран мира. В 1959 г. они могли об этом говорить смелее (стр. 331).

В «Кратком курсе» только мимоходом упомянут III Конгресс Коминтерна, в связи с выступлением на этом Конгрессе Ленина, объяснившего иностран-

ным коммунистам значение нэпа. В новом учебнике истории КПСС излагается содержание решений названного Конгресса (июнь—июль 1921 г.) и отдельно отмечается также отношение коммунистов к социал-демократии: «Социал-демократия, как главная социальная опора буржуазии, помогает сохранению капитализма и господства буржуазии» (стр. 336). В «Кратком курсе», утвержденном в 1938 г., накануне второй мировой войны, руководители КПСС не считали целесообразным приводить содержание резолюций III конгресса Коминтерна 1921 г., направленных против социал-демократов. Перед второй мировой войной ВКП(б) искала соглашения с социал-демократическими партиями западноевропейских стран («народный фронт») и не могла допустить, чтобы в учебнике партийной истории, издаваемом на разных языках, называли социал-демократов «главным врагом» коммунизма и «главной социальной опорой буржуазии». В настоящее время заказчики и авторы Истории КПСС могут позволить себе более пространное «разоблачение» партий демократического социализма, так как вожди коммунистического движения потеряли всякую надежду стовориться с социал-демократами свободных стран.

1. Нэп, XI съезд РКП(б) и создание СССР

В третьем разделе X главы Истории КПСС говорится об успехах новой экономической политики, о XI съезде РКП(б) и о создании Союза Советских Социалистических Республик. На стр. 338 нового учебника упоминается о голоде 1921—22 гг., который постиг области Поволжья и Украины. Здесь указывается, что «партия и правительство приняли чрезвычайные меры по борьбе с голодом. И, хотя с большими трудностями, но справились с этим величайшим бедствием».

Научная объективность требует отметить, что бескорыстную и действенную помощь голодающим оказали страны свободного мира, в особенности Американская Организация Помощи (American Relief Administration) под руководством Герберта Гувера. Кроме того активную помощь голодающим оказывали организации Красного Креста разных стран. Комитет Помощи под председательством Фритьофа Нансена в Женеве также неутомимо действовал в этом отношении. Все организации помощи «буржуазных» государств получили в свое время признание и благодарность со стороны советского правительства. Однако авторы учебника истории КПСС не сочли нужным упомянуть об этой бескорыстной помощи «капиталистических» стран, которая спасла тысячи жизней в советском государстве. Понятно, почему: упоминание о помощи свободных стран голодающим советского государства разрушает коммунистическую легенду о бесчеловечности «капиталистического мира», о его «ненависти к трудящимся» советской страны.

Следует отметить, что помощь, которая была оказана голодающим свободными странами, не была справедливо и во время распределена по областям, подчиненных советскому правительству. Особенной дискриминации со стороны Кремля подверглась Украина. По этому поводу американский историк Г. Г. Фишер в книге "The Famine in Soviet Russia", Нью-Йорк 1927 г., писал: «Политика коммунистической партии по отношению к голоду на Украине представляет много любопытных сторон. Московское правительство не

только не уведомило Американскую Организацию Помощи (ARA) о положении на Украине, как оно сделало о других гораздо более отдаленных областях, но оно активно препятствовало всему, что могло привести американцев в соприкосновение с Украиной... Перед тем как АРА начала свою деятельность (январь 1922 г.), московское и так называемое харьковское правительство не приняли никаких серьезных мер для помощи голодным людям на Украине» (стр. 252). Иностранцы, посетившие Украину во время голода в 1921—1922 гг., не могли понять причин политики правительства большевиков, которое не допускало помощи Украине из свободных стран и даже, наоборот, организовало вывоз продовольствия из голодных областей Украины на север, в Россию. Можем с полной определенностью назвать одну из главных причин: это было желание вождей РКП(б) подорвать вооруженное сопротивление масс режиму, которое не прекращалось на Украине с начала 1919 года. Это движение сопротивления авторы Истории КПСС называют «политическим бандитизмом». Повстанческое движение на Украине шло под знаменем национальной независимости. Кремль воспользовался засухой на юге Украины, где повстанческое движение было особенно сильно, и своими мерами усугубил катастрофу. Умиравшие от голода не были способны сопротивляться насилию, и таким образом «политический бандитизм» был ликвидирован.

Рассказывая о XI съезде РКП(б), который состоялся в апреле 1922 г., авторы Истории КПСС делают, сравнительно с «Кратким курсом», некоторые новые сообщения: о направлении «сменовеховства», проявившегося среди русской эмиграции, которая была готова к сотрудничеству с большевистским правительством, надеясь на его «перерождение» вследствие новой экономической политики. Не отмечена, однако, одна сторона идеологии «сменовеховцев» — их сочувствие завоевательной и централистической политике большевиков, которые сумели распространить свою власть почти на все провинции бывшей царской империи.

Сравнительно с «Кратким курсом», дополнением в новом учебнике истории КПСС является изложение содержания статьи Ленина «О значении воинствующего материализма» (1922 г.). Надо полагать, что авторы Истории КПСС хотели подкрепить этой статьей ленинскую материалистическую ортодоксию в философии, которая подвергается критике со стороны так называемых «ревизионистов» разных стран.

Кроме того, на той же странице (341) находим выпад против демократии, «в особенности Соединенных Штатов Америки». Критика демократии снабжена соответственными цитатами из сочинений Ленина. В 20-х годах предметом большевистской критики был демократический строй западноевропейских стран, особенно Англии. Теперь, согласно «духу времени», главной мишенью критики демократического строя коммунистическая пропаганда сделала Америку. «Анти-американизм» авторов Истории КПСС виден также в обвинении правительства США, отказавшегося от предложения советского правительства установить торговые сношения с Россией в 1921 г. В новом учебнике истории КПСС утверждается, что правительство Соединенных Штатов не захотело установить торговые отношения с Россией, «упорно оставаясь на интервенционистских позициях» (стр. 342). Это голословное заявление ничем не подтверждено. Известно, что правительство США, не признавая коммунистической диктатуры в России, не сочувствовало, однако, планам интервенции против большевистского режима и вы-

ступало против подобных планов. После Версальского мира 1919 г. США оказались в периоде политической изоляции от европейских событий и не вошли даже в Лигу Наций, созданную по идейному замыслу президента Вильсона. Эти факты авторы оставляют без внимания и приписывают правительству США «интервенционистские позиции».

Следует отметить два вопроса, которые рассматривает История КПСС и о которых нет упоминания в «Кратком курсе». Это, во-первых, сообщение о договоре в Рапалло в апреле 1922 г., заключенном во время международной конференции в Генуе. «Партия и советское правительство использовали Генуэзскую конференцию для того, чтобы начать борьбу за разоружение» — утверждают составители Истории КПСС (стр. 344). В действительности Рапалльский договор подготовил вооружение Германии с помощью советской России. Артиллерийские полигоны и прочие технические средства были предоставлены германской армии в России для испытания новых военных изобретений, и это содействовало позже агрессивной политике Гитлера. Поэтому совсем неубедительно звучит фраза, будто бы в 1922 г. «впервые в истории появилось на земле правительство, искренне и последовательно стремящееся к разоружению» (стр. 344).

Относительно второго вопроса — о Турции — новый учебник истории КПСС отмечает, что на международной конференции в Лозанне, в 1922 г., «советское правительство отстаивало суверенитет Турции над проливами». Однако времена изменяются, и политика советского правительства тоже меняется. Выступая в роли «верного друга» независимой Турции в 1922 г., защищая турецкий суверенитет в отношении проливов, советское правительство после второй мировой войны предъявило Турции требования, которые нарушали ее суверенные права над этими проливами. Это противоречие не смущает, однако, составителей Истории КПСС.

Авторы нового учебника касаются более пространно, чем это было в «Кратком курсе», провозглашения Союза Советских Социалистических Республик, которое состоялось в конце 1922 г. В учебнике цитируется постановление октябрьского пленума ЦК РКП(б) от 1922 г.: «Признать необходимым заключение договора между Украиной, Белоруссией, Федерацией Закавказских республик и РСФСР об объединении их в «Союз Советских Социалистических Республик» с оставлением за каждой из них права свободного выхода из состава Союза» (стр. 346). Далее сообщается, что в октябре—декабре 1922 г. пленумы ЦК коммунистических партий Украины, Белоруссии, Азербайджана, Армении и Грузии тоже высказались за создание СССР. Надо помнить, что РКП(б) возникла на основе строгой централизации, при которой коммунистические партии в «национальных» республиках были во всем подчинены Центральному Комитету партии в Москве. Поэтому неудивительно, что эти «национальные коммунистические партии» последовали указаниям октябрьского пленума ЦК РКП(б). Фраза о «праве свободного выхода» из СССР является выражением лицемерной ленинской теории: признавать на словах «право наций на отделение», но в то же время считать, что о «целесообразности отделения» должна решать «пролетарская партия» (фактически Центральный Комитет РКП(б) в Москве). Следует отметить, что в постановлении октябрьского пленума ЦК РКП(б) 1922 г. не упомянут Туркестан. Это объясняется тем, что в то время шло завоевание Туркестана Красной армией и его «советские республики» еще не были организованы. Авторы Истории КПСС правы, утвер-

жда, что «образование СССР явилось триумфом идей ленинизма, ленинской национальной политики коммунистической партии» (стр. 346). Но нет никаких оснований соглашаться с мнением авторов этого учебника, будто бы образованием СССР «всему прогрессивному человечеству был указан путь разрешения национального вопроса, уничтожения неравноправности наций и народов, путь объединения народов в единую братскую семью для построения коммунизма» (стр. 346). Ведь теория национального вопроса у Ленина требует строго государственной централизации народов в едином государстве и в конце концов «слияния наций». Для решения народов свободно располагать своей судьбой ленинская «национальная политика» не оставляет места.

На стр. 342 нового учебника истории КПСС сообщается, что осенью 1921 года советское правительство «объявило о своей готовности на определенных условиях признать довоенные долги царского правительства». Подобное предложение, выдвинутое на XII съезде партии в 1923 г. Красиным и другими, признано в Истории КПСС «ошибочным» (стр. 355—356). В «Кратком курсе» об этих предложениях Красина, поддержанных Троцким, Радеком и др., сказано: «Эти капитулянтские предложения партия заклеила как предательские» (стр. 250).

2. IV конгресс Коминтерна

Третий раздел X главы Истории КПСС заканчивается сообщением о IV конгрессе Коминтерна, который состоялся в Москве в конце 1922 г. Здесь указывается на резолюцию конгресса о «едином рабочем фронте», причем к участию в этом фронте конгресс приглашал всех рабочих, включая и тех, которые шли за социал-демократами, анархистами, синдикалистами и т. п. (стр. 347). Значение «единого рабочего фронта», как его понимают коммунисты, стало ясно всему миру после второй мировой войны. Тогда, под давлением советской армии, были созданы «объединенные рабочие партии» во всех странах, попавших в орбиту СССР: в Польше, в советской зоне Германии, в Чехословакии, в Венгрии, Румынии и Болгарии.

3. Предсмертные идеи Ленина

В то время как «Краткий курс» лишь в нескольких строках излагает содержание предсмертных идей Ленина, высказанных в его статьях, новый учебник истории КПСС уделяет этому весь (четвертый) раздел X главы. Авторы Истории КПСС отмечают, что Ленин в своих статьях выражал уверенность в победе социализма в отсталой России и что он возлагал надежду на распространение коллективного хозяйства в деревне при помощи кооперативов: «Объединение крестьян в кооперативы должно проводиться на добровольных началах и ни в коем случае не административными мерами» (стр. 349). Остается под вопросом, остался ли бы Ленин верен этой мысли организации сельского хозяйства на добровольных началах кооперации, если бы прожил дольше? Во всяком случае, советским гражданам, помнящим волну репрессий, залившую Советский Союз во время принудительной коллекти-

визации, мысль Ленина о добровольном кооперировании сельского хозяйства может представиться осуждением сталинского насилия над земледельцами. Излагая содержание предсмертных статей Ленина, авторы Истории КПСС умалчивают о глубоком разочаровании и огорчении, которые звучат в некоторых из них. При всех своих аморальных качествах Ленин не был человеком лично своекорыстным, и его возмущали явления коррупции, лени, паразитизма, небрежности и преступного отношения к своим обязанностям, которые он наблюдал в советском административном аппарате. Ленин не хотел понять, что созданный диктатурой аппарат без свободы критики, без общественного контроля над ним неминуемо должен привести к нарушению интересов общества в угоду эгоизму отдельных лиц. В этом отношении письма Ленина к членам советского правительства — Цюрупе, Богданову и другим являются политическими документами большого значения: говоря в них о своем отвращении к обычаям, укоренившимся в советском бюрократическом аппарате, Ленин был, однако, бессилён указать реальный путь для выхода из тупика. Например, в письме (от 20 декабря 1921 г.) к тогдашнему комиссару юстиции П. А. Богданову Ленин говорил: «Мы не умеем гласно судить за поганую волокиту: за это нас всех, и наркомюст сугубо, надо вешать на вонючих веревках. И я еще не потерял надежды, что нас за это когданибудь поделом повесят» (В. И. Ленин, К вопросу о задачах Рабкрина, Москва 1923). В том же письме еще сказано: «... А впредь будем сажать за это (за волокиту. — П. Ф.) профсоюзовскую и коммунистическую сволочь в тюрьму беспощадно». Комиссару Цюрупе Ленин писал 24 января 1922 г. по поводу «расхлябанности» советских чиновников: «Но это «расхлябается»..., если не следить, не подгонять, не проверять, не бить в три кнута». Тому же Цюрупе Ленин рекомендовал «пороть всерьез» неисполнительных чиновников (письмо от 26 февраля 1922 г.).

Ленин, как указывают авторы Истории КПСС, и в своих предсмертных статьях и заметках верил в спасительность «диктатуры пролетариата» (т. е. диктатуры своей партии). Он остался непримиримым противником представителей демократического социализма — социал-демократов и социалистов-революционеров — и провозгласил уже в своей первой речи о введении новой экономической политики, что необходимо подавить все прочие партии, а «меньшевиков и социалистов-революционеров бережно держать в тюрьме» (J. Martow—Th. Dan, op. cit., S. 319).

Следует отметить, что авторы Истории КПСС, хотя и приводят название одной из предсмертных статей Ленина, направленных против бюрократизма, который развился в советском государственном и партийном аппарате, но избегают излагать мысли Ленина по этому поводу. Они останавливаются лишь на словах Ленина о необходимости сохранения единства партии, о запрещении в ней всяких фракций и групп, о «мирном сосуществовании двух систем — социализма и капитализма» (стр. 350). Последняя фраза, кстати, отсутствует в «Кратком курсе». Здесь она нужна для обоснования нынешней пропаганды руководства КПСС, связанной с международной политикой. Следует отметить, что идея «мирного сосуществования» коммунистического строя с капиталистическим всерьез и надолго, была чужда Ленину. Он был уверен, что неминуемо должно прийти к вооруженному конфликту, причем неуклонно приписывал «капиталистам» агрессивные намерения. На апрельской конференции партии большевиков в 1917 г. Ленин говорил: «Мы не пацифисты и не можем отказаться от революционной вой-

ны... Мы должны не только теоретически говорить, но и практически показать, что мы тогда поведем войну действительно революционную, когда власть будет иметь пролетариат» (В. И. Ленин, Сочинения, т. 20, стр. 247). Для Ленина, как известно, «власть пролетариата» равнозначна власти коммунистической партии.

Ленин считал, как было отмечено выше, что войны прекратятся только после «экспроприации буржуазии»: «Только после того как мы свергнем, окончательно победим и экспроприруем буржуазию во всем мире, а не только в одной стране, войны будут невозможны» (В. И. Ленин, Сочинения, т. 19, стр. 325).

4. XII съезд ВКП(б)

Пятый раздел X главы содержит изложение дискуссий на XII съезде ВКП, который состоялся в апреле 1923 г. Ленин, по болезни, не мог принять участия в этом съезде, на котором разгорелась борьба групп за руководство партией. Сталину и его единомышленникам удалось изолировать Троцкого, хотя, как свидетельствуют документы того времени, больной Ленин был на стороне Троцкого, боровшегося с большинством съезда. Как известно, Ленин потерял доверие к Сталину и в своем политическом завещании предлагал партии избрать своим заместителем Троцкого. Однако этот факт История КПСС скрывает от читателя и сосредоточивает свою атаку против «троцкизма». Излишне было бы останавливаться на этой фальшивой казуистике. Для установления истинного значения пропаганды против «троцкизма» можно привести письма Карла Радека и Христиана Раковского от 25 и 28 декабря 1927 г., которые Троцкий привел в своей книге «Сталинская школа фальсификаций». Радек писал: «Они (т. е. Каменев и Зиновьев), совместно со Сталиным решили использовать старые разногласия Л. Д. Троцкого с Лениным, чтобы не допустить после смерти Ленина Троцкого к руководству партией». Раковский писал Троцкому: «И тот, и другой (то есть и Зиновьев, и Лашевич) утверждали сами, что аргумент от «троцкизма» и перманентной революции был притянут за волосы исключительно с целью дискредитировать оппозицию 1923 года» (стр. 107).

Конечно, нынешнее руководство КПСС, обязанное за свое возвышение Сталину, не могло рекомендовать авторам Истории КПСС упоминать о том, что Ленин в начале 1923 г. заявил в письме к Сталину, что порывает с ним личные отношения. Одновременно Ленин предлагал партии снять Сталина с должности генерального секретаря ВКП(б).

Излагая дискуссию на XII съезде ВКП(б) по национальному вопросу, авторы Истории КПСС ограничились несколькими фразами, отведя этому вопросу меньше места, чем это сделано в «Кратком курсе». Между тем дискуссия по национальному вопросу взволновала весь XII съезд. В дискуссиях по докладу Сталина, защищавшего строгую централизацию СССР, выступили коммунисты из «национальных республик», которые требовали прав для местных правительств в области финансов и хозяйства. В «Кратком курсе» приведены имена критиков сталинского централизма на XII съезде: Троцкий, Радек, Бухарин, Скрыпник, Раковский. В новом учебнике истории КПСС они обойдены молчанием. Требования противников крайне централистического курса высказали между прочим Раковский и Скрып-

ник. Раковский сказал в своей речи по национальному вопросу: «На Украине нам удалось только с трудом принудить наши организации, ведущие свою работу в условиях национальной борьбы, понять национальный вопрос. Вся наша политика в международных отношениях рассматривается большинством коммунистической партии на Украине (украинцы в партии были тогда в ничтожном меньшинстве. — П. Ф.) и здесь в России даже больше, как род стратегии, дипломатической игры». Раковский утверждал, что после создания Советского Союза Москва увеличила в десять и двадцать раз свою власть над «национальными республиками». Он требовал передачи девяти десятых компетенций, присвоенных Москвой, правительствам национальных республик (Протоколы XII съезда РКП(б)). Однако протесты Раковского, Скрыпника, кавказских коммунистов и других против централизма Москвы остались «гласом вопиющего в пустыне».

Рассказ о смерти и похоронах Ленина в Истории КПСС отличается от «Краткого курса» тем, что в новом учебнике не напечатана надгробная речь Сталина, приведенная в «Кратком курсе». Это можно объяснить желанием заказчиков новой Истории КПСС несколько отмежеваться от Сталина, от культа его личности.

5. XIII съезд ВКП(б)

В то время как в «Кратком курсе» XIII съезду партии отведено всего полстраницы (стр. 257), в новом учебнике истории КПСС этой теме посвящен целый (6-й) раздел. Авторы отмечают, что количество членов партии со времени XII съезда выросло почти вдвое. На это обстоятельство указывает также Троцкий в своих сочинениях, причем он объясняет победу группы Сталина над «троцкизмом» приливом новых членов в партию. Неискушенные в коммунистической политграмоте, незнакомые с историей партии и с ролью Троцкого в Октябрьском перевороте, прельстившиеся теплыми местами в государственном аппарате, которые обеспечил Сталин, его аппаратчики беспрекословно следовали за своим «генеральным секретарем». На них не действовали никакие аргументы Троцкого и его сторонников. Авторы Истории КПСС с удовлетворением отмечают, что на XIII съезде, в апреле—мае 1924 г., «не было ни одного оппозиционного выступления». Это и понятно: Сталину и его друзьям, как мы уже заметили, удалось подготовить съезд из «аппаратчиков», послушных дирижерской палочке «генерального секретаря» партии.

В шестом разделе X главы приведены некоторые цитаты из ленинского предсмертного «Письма к съезду», которое называют его политическим завещанием. В «Письме к съезду» больной Ленин дал характеристику выдающимся членам партии, в том числе и Сталину. Составители Истории КПСС утверждают, что это письмо было оглашено «на съезде отдельно в каждой делегации». В этом можно сомневаться. «Завещание» Ленина было напечатано впервые в 1924 г. в заграничном органе русских социал-демократов «Социалистический Вестник». Б. Николаевский сообщает, что текст «Письма к съезду» переслал за границу неизвестный сторонник меньшевизма, работавший в секретариате ЦК ВКП(б) в Москве и погибший в дальнейшем в результате большевистского террора. Во всяком случае, «Завещание» Ленина было скрыто от партийной общественности. Показательно,

что упоминание о ленинском «Письме к съезду» отсутствует в «Кратком курсе».

Известный французский публицист Борис Суварин, автор биографии Сталина, вышедшей в 1930 г., в письме в редакцию журнала «Социалистический Вестник» (Нью-Йорк, апрель 1960 г.) сообщает, что он получил в Париже полный текст завещания Ленина, переданный Н. Крупской. Этот текст был опубликован Максом Истменом.

Из характеристики отдельных выдающихся деятелей партии, которую дал Ленин в своем «Письме к съезду», авторы Истории КПСС цитируют лишь главные места, невыгодные для Каменева, Зиновьева, Сталина, Бухарина и Троцкого. При этом авторы нового учебника попытались сделать из «Завещания» Ленина практические выводы, в которых они явно стремятся оправдать и лично Сталина, и его политику. Иной цели не могла иметь фраза, которую находим на стр. 362: «Только твердость и непримиримость В. И. Ленина, Центрального Комитета партии в борьбе против штрейкбрехерства Зиновьева и Каменева в период Октября, против предательской и гибельной политики Троцкого и Бухарина в период Бреста, против их антипартийной линии и фракционности во время дискуссии о профсоюзах обеспечили проведение правильной линии партии и монолитность ее рядов, что являлось условием победы Октябрьской революции и защиты ее завоеваний». Здесь авторы умышленно смешивают имена и даты, намеренно не говоря о том, что на XIII съезде, после смерти Ленина, Каменев и Зиновьев были вернейшими соратниками Сталина в борьбе против «троцкизма» и, следовательно, защищали, по официальной версии, «правильную линию партии».

Нельзя согласиться с характеристикой тактики Троцкого и Бухарина, как «предательской», в период мирных переговоров с Германией в Бресте в 1918 г. Это общее осуждение разновременных противников Сталина в партии можно рассматривать только как попытку смягчить характеристику личности Сталина в ленинском «Письме к съезду». Ленин писал, что Сталин, как генеральный секретарь партии, «сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью». Ленин, как видно из этого письма, сам был напуган последствиями, логически вытекавшими из его определения диктатуры как власти, не ограниченной никакими законами и в прямом смысле опирающейся на физическое насилие. Ленин не видел противоречия между личной диктатурой и «советской демократией», поскольку это относилось к нему самому. «Советская социалистическая демократия не противоречит никоим образом диктатуре. Воле класса иногда дается диктатором действительное выражение.» (В. И. Ленин, Сочинения, т. 30, стр. 444). Но он не мог мириться с мыслью, что после него иной будет пользоваться «необъятной властью», которая исходила из принципа диктатуры. Ленин хотел видеть на посту генерального секретаря партии человека, который бы был «более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д. Это обстоятельство может показаться ничтожной мелочью», но — «это не мелочь, или это такая мелочь, которая может получить решающее значение» (стр. 363).

Личные качества политического деятеля в демократическом государстве, где никто не имеет «необъятной власти», не могут решающим образом влиять на судьбу народа. Политик, не терпящий иных, кроме своих, убежде-

ний, нелояльный, грубый и капризный, в демократическом обществе не имеет шансов достигнуть власти или, если и достигнет ответственных постов, долго удержаться на них не может. При режиме диктатуры, наоборот, по правильному определению Ленина, такая «мелочь», как личные качества человека, наделенного неограниченной властью, «может получить решающее значение».

Авторы Истории КПСС оправдывают решение XIII съезда, постановившего, вопреки предложению Ленина, оставить Сталина на посту генерального секретаря партии. При этом приводится довольно странная мотивировка: «Освобождение И. В. Сталина с поста генерального секретаря ЦК могло быть использовано троцкистами во вред партии, марксизму-ленинизму, во вред строительству социализма в СССР» (стр. 363). Итак, следуя логике авторов Истории КПСС, успех «строительства социализма в СССР» зависел от того, останется ли на посту генерального секретаря коммунистической партии грубый и нелояльный человек, сосредоточивший в своих руках «необъятную власть».

Конечно, ссылки в новом учебнике на «мелкобуржуазный уклон троцкизма» и на чистоту учения «марксизма-ленинизма», хранителем которого объявлен Сталин, не могут опровергнуть того факта, что идейные «ярлыки», которыми вооружались соперничавшие между собой в ВКП(б) группы, прикрывали их борьбу за власть.

Группа Сталина, победившая оппозицию в партии, имела возможность продиктовать свою волю и V Конгрессу Коммунистического Интернационала в июле 1924 г., который вслед за XIII съездом признал «троцкизм» мелкобуржуазным уклоном.

Торжествуя победу над «троцкизмом» на XIII съезде партии, авторы Истории КПСС обращают одновременно внимание на опасность со стороны крестьянства, которое они именуют «кулачеством». Влиянию «кулаков» учебник новой истории КПСС приписывает также восстание в Грузии в августе 1924 г., во главе с грузинскими социал-демократами. Это движение авторы Истории называют «мятежом против советской власти», хотя грузинские патриоты выступали не только против коммунистической диктатуры, но и за восстановление независимости демократической Грузии. Чтобы опорочить борьбу грузинского народа за свое освобождение, авторы Истории КПСС утверждают, будто «меньшевики получали материальную помощь от иностранной буржуазии» (стр. 364).

Следует отметить, что советское правительство решило послать свои войска для оккупации Грузии в 1921 г. также вследствие уверенности, что Грузию западные государства защищать не будут, и, хотя эта демократическая республика была признана многими западными правительствами, она пала, так как «буржуазные» правительства Запада ее не поддержали. Теперь, через 35 лет после восстания грузинского народа против притеснителей, авторы Истории КПСС открыли, что грузинским борцам за независимость оказывала «материальную помощь иностранная буржуазия».

6. Идеологическая борьба групп Троцкого и Сталина

Изложение дискуссии сталинцев с троцкистами, продолжавшейся с осени 1924 г., в связи с выходом брошюры Троцкого «Уроки Октября», зани-

мает значительную часть шестого раздела X главы. Эта схоластическая дискуссия отражала, как уже было выше сказано, борьбу указанных двух групп за влияние в партии. При этом со стороны противников «троцкизма» делались все усилия чтобы умалить заслуги Троцкого, связанные с победой большевизма в октябре 1917 г. Необходимо также отметить, что авторы Истории КПСС, следуя укоренившейся традиции, замалчивают, что в борьбе с Троцким Сталину усердно помогали тогда Зиновьев и Каменев, казненные в 1936 г. как «враги народа». Насколько неосторожно и неумело составлялась новая История КПСС, видно хотя бы из того, что авторство полемической брошюры «Троцкизм или ленинизм?», написанной в ответ на «Уроки Октября» Троцкого, приписано одному Сталину (стр. 366). В действительности, на обложке этой брошюры, изданной в Москве в 1925 г., указаны два ее автора: Л. Каменев и И. Сталин. Поскольку Каменев позже, увидев опасность в «необъятной власти» Сталина, пошел на соглашение с Троцким, авторы нового учебника не сочли возможным назвать его имя в числе защитников «ленинизма» против «троцкизма» в 1924—1925 гг.

Кроме борьбы за власть, у Троцкого и его сторонников были расхождения со сталинским большинством в партии и во взгляде на судьбу большевистского государства. Троцкий не верил в возможность построения социализма в хозяйственно и культурно отсталой стране, какой был в то время Советский Союз. Следуя марксистской традиции, Троцкий надеялся, что революция в промышленных странах Европы выведет СССР из тяжелого положения. Поэтому он и проповедывал «перманентную революцию». Как было выше указано, Ленин тоже, готовясь к захвату власти в России в 1917 г., главную надежду возлагал на мировую (или хотя бы европейскую) революцию. Реалист по складу ума, Ленин в скором времени увидел, что ожидаемая пролетарская революция «запоздала», и обратил главное внимание на всемерное укрепление в России власти своей партии. Этим путем шел и Сталин и его «аппаратчики», решившие, что «синица в руках» (диктатура партии в России) ценнее проблематического революционно-пролетарского «журавля» в европейских «небесах». Идея «перманентной революции», которую защищал Троцкий, конечно, не была призывом к капитуляции перед капитализмом, как об этом пишут авторы Истории КПСС в седьмом разделе X главы (стр. 367). Эта идея содержала в себе известную долю революционного авантюризма, которому не был чужд и Ленин в 1920 г., во время наступления Красной армии на Варшаву, и весной 1919 г., когда советское правительство готовилось оказать военную помощь коммунистической революции в Венгрии. По словам В. Антонова-Овсеенко, этот план расстроился из-за восстания против Красной армии украинских дивизий весной 1919 г. Этими дивизиями командовали Григорьев и Махно, которые, хотя и признавали принцип «советской власти», однако не могли примириться с хозяйничаньем на Украине коммунистического правительства, присланного Лениным из России (В. Антонов-Овсеенко, Записки о гражданской войне, том IV, Москва 1933).

7. Дискуссия о «путях к социализму»

В седьмом разделе X главы приводятся некоторые данные об успехах сельского хозяйства в результате введения новой экономической политики.

Здесь констатируется рост заработной платы в промышленных предприятиях и рост потребления в среде крестьянства. Когда народное хозяйство СССР стало восстанавливаться после своего разорения в результате гражданской войны, в рядах партии снова разгорелась дискуссия о путях страны к социализму. Излагая события, предшествовавшие XIV съезду партии в конце 1925 г., авторы Истории КПСС останавливаются на дискуссии между группой Сталина и «троцкистами», к которым в то время присоединились старые большевики — Зиновьев и Каменев, а также Карл Радек. В «Кратком курсе» эта дискуссия затронута очень мало. Из объяснений авторов Истории КПСС явствует, что взгляды Троцкого, Зиновьева и других отличались от взглядов Сталина неверием в возможность построения социалистического хозяйства в отсталой крестьянской стране. Из этого вытекала, с их точки зрения, необходимость продвижения пролетарской революции в индустриальные страны Западной Европы, чтобы сделать социалистическую революцию «перманентной». Поэтому нельзя согласиться с толкованием позиции «троцкизма» со стороны авторов нового учебника истории КПСС (стр. 372): «С точки зрения троцкистов, рабочему классу оставалось только одно — идти с повинной на поклон к капиталистам». Таких мыслей не высказывали ни Троцкий, ни ему сочувствующие коммунисты. Известно, что идея ускоренной индустриализации СССР при помощи нажима на крестьянство принадлежит Троцкому. Сталин, изолировав Троцкого в партии и добившись его изгнания из СССР, начал осуществлять этот план индустриализации в «пятилетках».

Троцкий, Зиновьев и другие считали государственную промышленность Советского Союза не социалистической, а государственно-капиталистической. Правящая группа ВКП(б) обвиняла Троцкого и его единомышленников в том, что этим они изменяют «ленинизму». Теоретические дискуссии между обеими группами были идеологическим прикрытием борьбы за власть в партии и в стране. Сталин со своими «аппаратчиками» сумел, опираясь на большинство в партии, устранить от влияния на политику самых выдающихся «старых большевиков», сместив их с разных постов в государственном аппарате. Отстранить от власти Сталина было бы возможно лишь в случае, если бы партийное большинство убедилось, что его политика вредна делу «социализма». В этом и было существо дискуссии.

8. Создание «независимых советских республик»

В седьмом разделе X главы (на стр. 369) упоминается о создании в Средней Азии «независимых советских республик» и что эти республики (Туркменская, Узбекская, Таджикская и др.) «добровольно вступили как равноправные в Советский Союз». В «Кратком курсе» об этом «крупном мероприятии в национальной политике» вообще не сообщается. В новой Истории находим также упоминание о том, что в связи с созданием советских республик в Средней Азии «образовались коммунистические партии Туркменистана, Узбекистана, а затем и Таджикистана». Читатель нового учебника истории КПСС может поинтересоваться, кто решал в странах Средней Азии вопрос о создании советских республик и о их «добровольном» присоединении к Советскому Союзу. Несомненно, и здесь была осуществлена ленинская схема «национальной политики»: в завоеванных Красной

армией странах местные коммунистические организации, по указу из Москвы, признавали «целесообразным» присоединить свою родину к Советскому Союзу. О волеизъявлении местного населения в этом случае не может быть и речи. Как известно, свободу народов в Средней Азии долго отстаивали, в борьбе против Красной армии, партизаны — басмачи. Постепенно они были уничтожены. Население Туркестана принесло в борьбе за свою независимость огромные жертвы.

9. Подготовка к индустриализации и сплошной коллективизации

XI глава новой Истории КПСС посвящена подготовке к индустриализации страны и к сплошной коллективизации сельского хозяйства в 1926—1929 гг. Первый раздел XI главы касается международного положения и внешней политики советского правительства в указанный период. Согласно принятому освещению этого вопроса, в частности в «Кратком курсе», авторы нового учебника утверждают, будто бы «империалисты пытались сорвать и затормозить процесс индустриализации советской страны», угрожая даже «вооруженной интервенцией». История КПСС приписывает главные козни против советского государства «английским империалистам», которые якобы организовали в различных странах «антисоветские провокации». Даже убийство советского полпреда в Варшаве Войкова в 1927 г. в новой Истории КПСС приписывается «английским диверсантам» (стр. 377). Но это «открытие», сделанное авторами нового учебника, не подтверждено никакими доказательствами. Читатель в связи с этим может спросить, почему в «Кратком курсе» сообщается только, что Войков был убит «русским белогвардейцем, состоявшим в польском подданстве» (стр. 269).

Как известно, напряженные отношения между советским правительством и правительством Великобритании возникли в связи с деятельностью Коминтерна, агенты которого выполняли его поручения в разных странах. Не было ни для кого тайной, что подрывную деятельность Коминтерна финансировало советское правительство, хотя на протесты правительств различных государств оно лицемерно заявляло, будто бы Коминтерн — «частная организация», независимая от Москвы.

Внешняя политика правительства СССР в указанный период изложена в новой Истории КПСС, сравнительно с «Кратким курсом», несколько шире. На стр. 378—379 упоминается, в частности, о войне советского правительства за Китайско-восточную железную дорогу, построенную при царском режиме в Маньчжурии. Авторы новой Истории пишут, что в 1929 г. Китайско-восточную железную дорогу захватили «китайские милитаристы», что советская армия нанесла поражение этим «милитаристам», и после этого «на КВЖД было восстановлено прежнее положение». В осторожных выражениях описана, таким образом, колониальная война советского правительства против китайцев, боровшихся за ликвидацию унижительных договоров, которые Китаю продиктовало в свое время правительство царской России. В своей политике в отношении Маньчжурии правительство СССР шло по следам правительства царской империи.

Второй раздел XI главы посвящен началу индустриализации СССР и борьбе Сталина с оппозицией, во главе которой стояли Троцкий и Зиновьев. На стр. 381 приведено весьма интересное в теоретическом отношении обо-

снование необходимости ускоренной индустриализации СССР: «Нужны были высокие темпы развития крупной промышленности, чтобы ликвидировать несоответствие между самой передовой в мире политической властью и ее слабой материально-технической базой». Этим известный тезис Маркса и Энгельса об отношении производительных сил («базис») и политических учреждений, права, социальных отношений и т. д. («надстройка») поставлен «вверх ногами». Из нового учебника истории КПСС вытекает, что «социализм» может быть осуществлен и в самой отсталой стране, при условии создания в ней «самой передовой (то есть «коммунистической». — П. Ф.) власти», которая путем нажима на население сумеет создать для себя соответствующую «материально-техническую базу». Как видим, советские партийные историки весьма своеобразно толкуют взгляды К. Маркса на «отношение» между «бытием» и «сознанием». На такую «теоретическую вольность» не решился даже Сталин в «Кратком курсе».

Надо считать, что цитированная выше фраза помещена в новой Истории КПСС неспроста. В ней коммунисты отсталых стран найдут ободрение для своих надежд на успех «социализма», если им удастся создать у себя дома партийную диктатуру и следовать советскому образцу в построении «материально-технической базы».

В отношении мотивировки необходимости найти внутри страны средства для ускоренной индустриализации СССР новый учебник почти буквально повторяет сказанное по этому поводу в «Кратком курсе». Снова утверждается, что капитализм вырос путем эксплуатации колоний, военных контрибуций, внешних займов. К этому авторы нового учебника присоединяют слова о «беспощадной эксплуатации трудящихся» капиталистами (стр. 382). В «Кратком курсе» этой фразы нет. Известно, что ускоренную индустриализацию СССР, предпринятую под руководством Сталина, Бухарин назвал феодальной эксплуатацией крестьянства. На пленуме ЦК ВКП(б) в апреле 1929 г. Бухарин заявил, что коммунистическое правительство взывает дань с крестьян подобно татарам в древние времена, что это феодальная эксплуатация крестьянства. Сталин, смущенный этой критикой, ответил: «Не дань, а нечто вроде дани» (И. В. Сталин, Сочинения, т. 12, стр. 50).

Как и в предыдущих главах, следуя сказанному в «Кратком курсе», новый учебник истории КПСС изображает оппозицию, действовавшую в рядах партии в 1926—1927 гг. во главе с Троцким и Зиновьевым как отражение «интересов остатков капиталистических классов в нашей стране» (стр. 383). Следует, однако, отметить, что в те годы (расцвета нэпа) Троцкий и его единомышленники требовали «левого» курса как в международной, так и во внутренней политике советского государства. Троцкий в своей книге «Моя жизнь» указывает на выступление оппозиции в ноябре 1927 г., в десятую годовщину Октябрьского переворота. Процессия оппозиционеров несли плакаты с надписями: «Повернем огонь направо — против кулака, нэпмана и бюрократа» и другими подобными этой (т. II, стр. 280, Берлин 1930 г.).

В обвинениях против оппозиции «троцкистов и зиновьевцев» авторы Истории КПСС опередили «Краткий курс». Они утверждают, будто бы группа, руководимая Троцким и Зиновьевым, «скатилась к отрицанию необходимости защиты СССР от империалистической интервенции. Ослепленные ненавистью к партийному руководству и советскому правительству, они дошли до того, что были готовы нанести удар в спину советской стране в

моменты нападения на нее империалистов» (стр. 385). Обвиняя троцкистов в «капитулянстве перед капитализмом», авторы Истории КПСС, при всем старании, не могут, однако, скрыть того, что оппозиция Троцкого и Зиновьева в 1927 г. стояла на «левых» позициях, критикуя тогдашний курс политики Сталина на развитие крепкого крестьянского хозяйства, которое оппозиционеры называли «кулацким».

Рассматривая документы «троцкистов», приходится сделать вывод, что Троцкий, если бы ему удалось получить власть в свои руки, действовал бы в направлении ускоренной индустриализации СССР и коллективизации крестьянского хозяйства методами, подобными сталинским. Конечно, могли быть некоторые оттенки политики в результате различия личных качеств обоих соперников в борьбе за власть в СССР. Но направление политике, которую проводил с 1929 г. Сталин, первый дал Троцкий. Все измышления авторов Истории КПСС, пытающихся приписать Троцкому «антисоветскую» политику, являются наследием сталинизма. Это вполне естественно: нынешнее руководство КПСС обязано своим возвышением Сталину, который в свое время физически уничтожил почти всех наиболее выдающихся соратников Ленина — старых большевиков — и таким образом открыл путь к власти более молодой смене коммунистических карьеристов.

IV. ГОДЫ «ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО НАКОПЛЕНИЯ» И ПРИНУДИТЕЛЬНОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

В 3, 4 и 5 разделах XI главы новой Истории КПСС изложены события, связанные с периодом наиболее жестокой политики коммунистической диктатуры. Это годы «первоначального накопления» в государственном хозяйстве СССР, которое преподносится в новом учебнике как «социалистическая система хозяйства». Приводя цифры, иллюстрирующие быстрый рост промышленности, авторы Истории КПСС оставляют в стороне вопрос, путем каких лишений (изнурительный труд, голод среди трудящихся масс и пр.) было это достигнуто.

XV съезд ВКП(б), состоявшийся в декабре 1927 г., обсуждал подготовку к насильственной коллективизации сельского хозяйства. О сопротивлении широких крестьянских масс коллективизации авторы Истории КПСС, согласно с «Кратким курсом» не упоминают, — оно для них не существовало. Сопротивление приписывается «кулакам»: «Партия и советская власть, опираясь на поддержку масс, сломили сопротивление кулаков» (стр. 400).

Книга С. Трапезникова, изданная в Москве в 1959 г., «Исторический опыт КПСС в социалистическом преобразовании сельского хозяйства», защищает партийное руководство от обвинения, «будто бы ликвидация кулачества — не что иное, как физическое истребление этого класса» (стр. 162). Но так действительно и было, и меры по отношению к так называемому «кулачеству» (то есть к крестьянству, своим трудом создавшему себе сносное существование), описанные в цитированной книге, красноречиво это обвинение подтверждают: ссылка на северные окраины России и в Сибирь, депортация в специальные поселки, причем у ссылаемых и депортируемых и их семей отбирали все их имущество. Фактически разницы в отношении административных мер, применявшимся к «кулакам» и «серед-

някам», не было. Это признают и авторы нового учебника истории КПСС: «Некоторые советские и партийные организации допустили перегибы, выразившиеся в применении направленных против кулачества чрезвычайных мер к части середняков» (стр. 400).

С. Трапезников не указывает, какая часть «середняков» стала жертвой партийного произвола и террора во время так называемой «ликвидации кулачества, как класса». Это признание «перегибов» в политике насильственной коллективизации крестьянства отсутствует в «Кратком курсе» истории ВКП(б).

Следующая фраза, будто бы «ЦК резко осудил это искривление партийной линии и исправил положение», имеет целью изобразить партийное руководство как добродетельного правителя, тронутого слезами невинно пострадавших от «произвола местных властей».

Пытаясь изобразить сплошную коллективизацию сельского хозяйства как «добровольное массовое движение» крестьян, «понявших» выгоды крупного производства, авторы нового учебника истории КПСС, может быть по недосмотру, раскрывают размеры сопротивления земледельцев наступлению диктаторской власти на их трудовое индивидуальное хозяйство. На стр. 423 сообщается, что, боясь насильственной коллективизации, «многие крестьяне резали коров, свиней, овец, домашнюю птицу». Вследствие такого «поведения земледельцев» в первом 1929/1930 хозяйственном году первой пятилетки количество крупного рогатого скота в СССР сократилось на 14,6 миллионов голов, свиней — на одну треть, овец и коз — более чем на одну четверть. Истребление крестьянами своего скота перед вступлением в колхозы отнюдь не свидетельствует о симпатиях массы земледельцев к этой системе хозяйства. Эти действия крестьян авторы Истории КПСС приписывают влиянию «кулацкой провокации» (стр. 423).

Следует отметить, что огромные потери сельского хозяйства, вследствие сопротивления крестьянства принудительной коллективизации, совсем не отмечены в «Кратком курсе». В лицемерном изображении периода принудительной коллективизации новый учебник истории КПСС мало отличается от «Краткого курса». Снова подчеркивается «ленинский принцип добровольности в колхозном строительстве» (стр. 422), хотя общеизвестно, что осуществление принципа добровольности привело бы колхозное строительство к ликвидации.

Жестокое истребление миллионов людей в результате насильственной коллективизации сельского хозяйства вызвало протесты также в рядах коммунистической партии. «Трудности социалистической реконструкции и неизбежное обострение классовой борьбы в стране в результате наступления социализма вызвали колебания в мелкобуржуазных слоях населения. Это отразилось и в партии: образовалась группа правых капитулянтов», — пишут авторы Истории КПСС на 402 странице. Обвинение в «правом капитулянстве» приписывается Бухарину, Рыкову, Томскому и другим «старым большевикам».

В этих обвинениях есть нелогичность: почему-то и «правая», и «левая» оппозиции должны непременно вести к «капитуляции перед капитализмом». Если признать, что «правые» сочувствовали крестьянам, страдавшим от террора сталинского аппарата, и тем якобы выражали свою готовность капитулировать перед «капитализмом», то «левые», наоборот, выступали против Сталина в период нэпа, обвиняя его в измене «делу социализма».

Из обвинений против оппозиционеров, которые авторы Истории КПСС повторяют вслед за «Кратким курсом», вытекает заключение, что эти обвинения имеют целью оправдать Сталина в устранении им элиты «старых большевиков», якобы «изменивших делу социализма». Хрущевское руководство КПСС может не соглашаться с жестокостью Сталина вообще, но в его глазах Троцкий, Зиновьев, Бухарин и прочие противники Сталина были тоже «врагами народа».

«Крестьянство повернуло на социалистический путь развития, на путь колхозов», — пишут авторы Истории КПСС, утверждая, что «сплошная коллективизация сельского хозяйства была подготовлена партией и советским государством рядом экономических и политических мероприятий.» (стр. 410). Составители Истории КПСС называют принудительно введенные колхозы в СССР «высшей формой кооперирования крестьянских хозяйств». С этим нельзя согласиться. Кооперация предполагает добровольное объединение ее участников для достижения хозяйственных целей в своих интересах. Цель введения советских колхозов была иная: создать крупные хозяйства для наиболее удобного получения сельскохозяйственных продуктов из деревни. Эти продукты (зерно, лен и т. д.) были необходимы правительству для экспорта и для закупки за границей всего, что могло служить созданию крупной промышленности в СССР.

1. Период «наступления социализма по всему фронту»

В главе XII Истории КПСС более пространно, чем в «Кратком курсе», говорится о периоде «наступления социализма по всему фронту» (1929—1932 гг.) С большим удовлетворением авторы описывают здесь мировой экономический кризис, наступивший в 1929 г. Этот кризис до некоторой степени помог индустриализации в СССР. В советскую страну направились много иностранных инженеров и квалифицированных рабочих. Советские заказы на промышленные товары привлекали внимание многих фирм Запада.

Авторы Истории КПСС отрицают демпинг, который развивало советское правительство, продавая на рынках Запада свои продукты по бросовым ценам. Однако это был факт.

Авторы Истории КПСС отрицают также существование принудительного труда в СССР («Лживая легенда о применении в СССР принудительного труда», стр. 414). Верность правде никогда не была отличительной чертой советских партийных историков. Отрицание ими в новом учебнике истории КПСС существования концентрационных лагерей в СССР с принудительным трудом не может убедить в этом советских читателей и не найдет доверия в свободном мире. О методе «построения социализма» при помощи принудительного труда собрано достаточно материала, уличающего советское правительство как крупнейшего рабовладельца в мировой истории. Фактически авторы новой Истории КПСС все же подтверждают «легенду» о принудительном труде в советском государстве. На стр. 441 приводится число крестьян, выселенных в 1930—1932 гг. из районов сплошной коллективизации (в первую очередь Украины, Северного Кавказа, Нижнего Поволжья). Авторы партийного учебника говорят о 240 757 «кулацких семьях», выселенных из родных мест: «Основная масса кулаков-выселен-

цев была занята в лесной, строительной и горнорудной промышленности, а также в совхозах Западной Сибири и Казахстана». Количество выселенных крестьян явно преуменьшено. Доказательством преуменьшения является сообщение газеты «Комуніст», Харьков, 21 декабря 1934 г., о ликвидации не менее 200 тысяч крестьянских хозяйств на Украине во время коллективизации. Владельцы хозяйств были вместе с семьями вывезены с Украины. Если принять средний размер крестьянских семей в то время в 6 человек, то количество пострадавших от насильственной коллективизации только на Украине, даже по исчислениям официальной коммунистической прессы, превосходило 1 200 000 чел. Фактически, конечно, число жертв насильственной коллективизации было значительно больше. Утверждение авторов Истории КПСС, будто бы советская власть для выселенных крестьян «создала нормальные условия жизни» в отдаленных необжитых лесных и степных областях Северной России и Сибири, является одним из примеров лицемерия коммунистической пропаганды.

2. XVI съезд ВКП(б)

Во втором разделе XII главы Истории КПСС четыре страницы посвящены XVI съезду ВКП(б), который состоялся в конце июня и в начале июля 1930 г. Об этом съезде в «Кратком курсе» сказано гораздо меньше. Там даже не отмечено осуждение XVI съездом троцкистов, которые «окончательно скатились на позиции меньшевизма, превратились в антисоветскую контрреволюционную группу» (напечатано курсивом на стр. 425). Одновременно авторы сообщают, что XVI съезд «объявил взгляды правой оппозиции несовместимыми с принадлежностью к ВКП(б)» (тоже курсив). Несмотря на победу Сталина на XVI съезде, его имя в отчете об этом съезде в новом учебнике упоминается только один раз, а также исключена цитата из его книги «Вопросы ленинизма», приведенная в «Кратком курсе» на 297 стр.

О резолюции XVI съезда по национальному вопросу в «Кратком курсе» вовсе не упоминается. Новая История КПСС отмечает эту резолюцию — «против великодержавного шовинизма, как главной опасности, и местного национализма» (стр. 428).

В третьем разделе той же главы — «Организаторская и политическая работа партии в условиях развернутого наступления социализма по всему фронту» — авторы новой Истории КПСС сочли нужным сообщить о «контрреволюционных организациях», которые будто бы были раскрыты в 1930—1931 гг. Здесь названы: «Промышленная партия», «Трудовая крестьянская партия» и «Союзное бюро РСДРП». В новом учебнике утверждается, что якобы члены этих организаций, «получая помощь от буржуазных государств, ... занимались вредительством и шпионажем, добивались свержения советской власти и восстановления капитализма в СССР» (стр. 435).

Авторы Истории КПСС и ее заказчик — Центральный Комитет КПСС — не в состоянии привести хотя бы одно доказательство о «преступлениях» членов указанных организаций. Между прочим, недостаточно опытная прокуратура, создавшая судебный процесс против так называемого «Союзного бюро РСДРП» в 1931 г., неосторожно включила в число обвиняемых известного социал-демократа, эмигранта Р. Абрамовича, которому приписан тайный проезд в Россию для связи с «Союзным бюро». В действитель-

сти Абрамович как-раз в это самое время, когда он, по замыслу прокуратуры, должен был нелегально посетить Москву, присутствовал на одном международном социалистическом собрании, что было запечатлено и на фотографическом снимке («Социалистический Вестник», Берлин 1931). Можно задать вопрос: зачем заказчикам новой Истории КПСС понадобилось упоминать об этих дутых судебных процессах против мнимых «врагов народа» и «вредителей»? Ведь об этих позорных для диктатуры процессах нет ни слова даже в «Кратком курсе» истории ВКП(б), составленном под непосредственным наблюдением Сталина. Ответ может быть только один: поскольку из поля зрения авторов нового учебника совершенно «выпали» судебные процессы против Зиновьева—Каменева, Бухарина—Рыкова и др., представилось необходимым упомянуть о других инспирированных органами ГПУ процессах, где не коммунисты, а люди других направлений фигурировали в качестве обвиняемых. Этого требовало «статистическое равновесие»: так как в новом учебнике очень много говорится о «кулацких вредителях» и о вредителях вообще, то нужно было признать необходимыми сталинские судебные процессы, на которых, по предварительному заказу, коммунистическая «добродетель» должна была торжествовать, а «капиталистические пороки» получили бы заслуженное наказание.

Для более полного освещения судебных процессов против «вредителей» авторы Истории КПСС могли бы привести дело «Союза освобождения Украины», которое разбиралось в Харькове весной 1930 г., причем на скамье подсудимых оказались члены Украинской Академии наук, профессора, писатели, бывшие министры Украинской Народной Республики, врачи, студенты. Обвиняемым приписывали планы ликвидации коммунистической диктатуры и создание независимого Украинского государства под властью «помещиков и капиталистов».

Чем ближе изложение истории КПСС подходит к нашей современности, тем яснее становится слияние функций государственного аппарата и диктаторской партии в СССР, которая охватывает и контролирует все области политики, хозяйства, культуры. История КПСС превращается в перечень «достижений» (действительных и мнимых): где и когда построен тот или другой завод, и какую продукцию дает то или иное государственное предприятие, неизменно именуемое с обязательным эпитетом — «социалистическое».

Глава XII заканчивается «краткими выводами» с указанием на достижения в хозяйственной области во время первой пятилетки. Этот период, названный В. Г. Чемберлином «железным веком», в новой Истории КПСС описывается в идиллическом тоне: «Не стало безработицы в городе и нищеты в деревне. В стране осуществлялась подлинная культурная революция». При этом обойден молчанием голод в некоторых областях СССР и особенно на Украине и на Северном Кавказе в 1932—1933 гг. Этот голод был вызван политикой советской власти: запасы продовольствия были конфискованы у крестьян, и земледельцы были предоставлены голодной смерти. Об этом преступлении писал В. Г. Чемберлин (W. H. Chamberlin) в книгах «Исповедь индивидуалиста» и «Украина — потонувшая нация», где он назвал голод 1933 г. на Украине «политическим голодом» (political famine). (The Ukraine a Submerged Nation, New York 1944).

3. Проблемы внешней и внутренней политики в 1933—1937 гг.

В главе XIII освещаются проблемы внешней и внутренней политики советского правительства в 1933—1937 гг. Авторы усиленно пытаются доказать читателю, будто бы советское правительство стремилось к сохранению мира в Европе и в других частях света, не упоминая при этом о попытках вождей ВКП(б) создать в свободных странах «народный фронт» коммунистов и социалистов для борьбы с «опасностью фашизма». В этом изложении авторы Истории КПСС совершенно отходят от традиционной политики большевиков, объявивших еще под руководством Ленина, что для коммунистов «социал-демократия — главный враг». В немецком издании органа Коминтерна („Kommunistische Internationale“, Nr. 2, 1919) председателем этой организации Г. Зиновьевым была высказана следующая мысль: «Чем сильнее в какой-либо стране социал-демократия, тем хуже обстоит дело с положением пролетариата... Старая официальная социал-демократия превратилась в орудие буржуазной реакции. Это не полемическая фраза, не преувеличение, а объективная, можно сказать — научная истина». Открыв эту «научную истину», вожди Коминтерна приступили к соответственным действиям для разрушения социал-демократических партий в странах свободного мира. После победы фашизма в Италии в 1922 г. коммунистическая пропаганда при всяком случае выступала против социалистов, называя их «социал-фашистами». Не доверяя коммунистам, зная их враждебное отношение к демократическому строю, социалистические партии свободных стран, за исключением Франции и Испании, сочли невозможным «защищать демократию» в едином «народном фронте» с коммунистами. Авторы Истории КПСС сетуют на это, так как «раскол рабочего движения значительно ослабил силы противников фашизма и войны» (стр. 453). Странное превращение: «социал-фашисты», как еще совсем недавно презрительно называла коммунистическая пропаганда социалистов, неожиданно оказались в учебнике истории КПСС «противниками фашизма». Подобные противоречия не смущают, однако, авторов новой Истории, и они пишут все, что им угодно и выгодно в данный момент, не оглядываясь на прошлое.

Нечто подобное случилось и с Лигой Наций: из орудия «англо-французского господства в Европе и Азии», как о ней говорят авторы новой Истории КПСС, эта организация в 1933 г. стала в глазах советского правительства пригодным оружием «для борьбы против агрессии» (стр. 454). Этим мотивируется в новом учебнике вступление СССР в Лигу Наций в 1934 г. Тем не менее авторы попрежнему обвиняют тогдашнее правительство Англии в помощи агрессивным планам Гитлера и утверждают, будто бы в то время «политика США потворствовала фашистским агрессиям» (стр. 454—455). Действительность была совсем иной. Политика советского правительства, имевшая целью вызывать конфликты между «империалистами», проявилась особенно ярко во время гражданской войны в Испании 1936—1938 гг. Авторы Истории КПСС говорят об этой войне очень мало. Между тем на гражданскую войну в Испании сильно влияло советское правительство, и поэтому испанские события в некоторой степени тоже являются частью истории КПСС. Советское правительство постаралось использовать гражданскую войну в Испании также и для того, чтобы испытать новые типы оружия Красной армии, которое поставлялось испанским

республиканским войскам, для борьбы с итальянскими и немецкими «добровольцами», посланными в Испанию Гитлером и Муссолини. Скупое снабжая оружием республиканскую армию Испании, советское правительство хотело поставить испанское правительство в полную зависимость от СССР. Это вмешательство Москвы во внутренние дела Испании привело к чрезвычайному напряжению и борьбе в рядах республиканского фронта. Демократы не хотели мириться с террором коммунистов, и поэтому в республиканском лагере доходило до кровавых конфликтов. Когда в Москве увидели, что Гитлер путем новых агрессий готовится к переделу Европы и что ему в этом намерении мешает гражданская война в Испании, было решено прекратить посылать оружие испанским республиканцам. Это и решило исход кампании в Испании в пользу Франко, и развязало руки Гитлеру.

Политика Сталина, часто скрытая даже от его ближайшего окружения, имела целью разрушить демократический строй в государствах Центральной и Западной Европы. Сталин понимал, что диктаторские правительства легко могут вызвать войну, а война может принести успех коммунистическому движению. Известный немецкий политик А. Рехберг (Rechberg) писал в 1946 г. в меморандуме, поданном Международному трибуналу в Нюрнберге, о своем разговоре в 1930 г. с генералом фон Шлейхером, выдающимся деятелем немецкого рейхсвера, а позднее — премьером в предпоследнем правительстве Веймарской республики. Рехбергу Шлейхер сообщил, что он получил от Сталина совет — действовать в согласии с Гитлером, которого Сталин ценил высоко как хорошего оратора. Ораторское искусство Гитлера, как известно, было направлено к разрушению демократического строя в Германии. Но Сталину было все равно. Он верил Шлейхеру, что тому удастся держать Гитлера в руках, то есть что Гитлер не начнет войны против СССР, с которым генералы рейхсвера были в тесном сотрудничестве (Протоколы Международного трибунала в Нюрнберге).

К разрушению демократического строя в Германии Сталин шел последовательно и настойчиво, пользуясь, как своим орудием, германской коммунистической партией. Так, по указаниям из Москвы, немецкие коммунисты совместно с нацистами устраивали, начиная с 1929 г., общие демонстрации, в частности с целью свержения социал-демократического правительства в Пруссии. По предложению коммуниста В. Пика, члена прусского Ландтага, 56 депутатов-коммунистов и 162 нациста, выразили недоверие социал-демократическому правительству Брауна. Это произошло 3 июня 1932 г. Вследствие этого германское правительство фон Папена назначило для управления Пруссией «рейхскомиссара». То же самое случилось и в парламенте Германии: действуя в Рейхстаге единым фронтом, коммунисты и фашисты лишили парламент большинства. Это побудило президента Гинденбурга издать указ о назначении Гитлера председателем германского правительства. Таков был результат политики Сталина, считавшего, по заветам Ленина, социал-демократию «главным врагом».

В связи с этой политикой «дальнего прицела», которую преследовал Сталин, стоит и его тактика в отношении гражданской войны в Испании: способствовать победе диктаторских режимов, взять Францию в тиски фашистских стран — Германии, Италии и Испании, — вызвать конфликт между «капиталистическими государствами», но оставить СССР в стороне от большой войны и сохранить силы Красной армии для позднейшей рас-

правы над обеими воюющими сторонами. Об этой тайной политике советского правительства читатель ничего не узнает из нового учебника истории КПСС. По уверению его авторов, советское правительство действовало только для сохранения международного мира.

Свидетелем и обвинителем политики советского правительства во время гражданской войны в Испании является Хесус Эрнандэс (Jesus Hernandez), один из наиболее влиятельных вождей испанских коммунистов в 1936—1939 гг. В своей книге «Великое предательство» (*La grande trahison*), изданной в Париже в 1954 г., Эрнандэс, член политбюро испанской коммунистической партии и министр в коалиционном правительстве Испанской республики, сообщает важные подробности, характеризующие отношение советского правительства к событиям в Испании. Эрнандэс приводит факты, доказывающие, что советское правительство хотело, чтобы гражданская война в Испании продолжалась возможно дольше. Поэтому Москва в начале гражданской войны в Испании не предоставила ее республиканской армии достаточно оружия для победы над сторонниками генерала Франко. Весной 1937 г. перевес оказался на стороне Франко, и в Москве почувствовали, что война в Испании может скоро закончиться победой фашизма. Чтобы не допустить преждевременного окончания войны, советское правительство начало щедро снабжать оружием республиканскую армию, но одновременно предъявило республиканскому правительству Испании новое политическое требование: свержение правительства социалиста Каваллеро (Caballero) и учреждение нового правительства с участием коммунистов. Таким образом испанское республиканское правительство очутилось целиком под влиянием Москвы. В дальнейшем советское правительство увидело, что победа республиканцев в Испании могла бы преградить путь для соглашения с Германией Адольфа Гитлера. Сталин понимал, что такое соглашение развязало бы руки германскому диктатору для агрессивных действий в международной политике. Поэтому Сталин решил закончить гражданскую войну в Испании так, как это было выгодно Гитлеру: победой генерала Франко. «Чтобы облегчить с Берлином переговоры, Сталин вынес на рынок кожу испанской республики» — пишет Эрнандэс.

В связи с планами соглашения с Гитлером, которые лелеял Сталин с самого начала диктатуры в Германии, стоят и казни выдающихся советских маршалов в июне 1937 года. Эрнандэс приводит по этому поводу слова одного старого большевика: «Наиболее кровавая чистка, которую когда-либо испытала армия, имела причину не в каком-либо «заговоре», а в подготовке чудовищного советско-немецкого пакта». Как известно, расстрелянные маршалы во главе с Тухачевским, были противниками союза СССР с гитлеровской Германией.

Во втором разделе XIII главы говорится о мероприятиях советского правительства для развития народного хозяйства. Сравнительно с «Кратким курсом», здесь уделено значительно больше места описанию роли политотделов при машинно-тракторных станциях и совхозах, которые были созданы зимой 1933 г. Рядом с пропагандным пустословием, обычным для авторов Истории КПСС, здесь приведено ценное определение действительных задач политотделов: «Колхозы были очищены от пробравшихся в них кулаков и других враждебных элементов» (стр. 458). Неимоверно живучий, неистребимый «кулак»! На это фантастическое существо коммунистическая власть сваливает вину за свою бездарность и некомпетентность при

организации сельского хозяйства в СССР на принудительных коллективных началах. Фактически политотделы были помощью государственному аппарату для устрашения сельского населения, чтобы заставить земледельцев оставаться в колхозах и совхозах и работать за полуголодное вознаграждение. О «воспитательной» роли членов коммунистических политотделов в жизни сельского населения, как утверждают авторы Истории КПСС на 459 стр., говорить не приходится. Политотделы в 1934 г. были ликвидированы, — их присоединили к районным комитетам партии. Трудно себе представить, чтобы 25 тысяч партийцев — членов политотделов, смогли на протяжении одного года выполнить ту «воспитательно-организационную работу» среди сельского населения, которую им приписывает новый учебник истории КПСС.

4. XVII съезд ВКП(б)

Состоявшийся в конце января и в начале февраля 1934 г. XVII съезд ВКП(б) представлен в Истории КПСС несколько иначе, чем в «Кратком курсе», хотя общая тенденция обоих учебников направлена к тому, чтобы скрыть поражение Сталина на этом съезде. Большинство съезда шло за Кировым, который отстаивал линию примирения с крестьянством и политику некоторой «либерализации» режима. С другой стороны, не была одобрена политика Сталина, направленная на поддержку фашистских движений в Германии и Франции с целью разрушения там демократии и провоцирования войны между «капиталистическими государствами». Это поражение Сталина на XVII съезде партии было ознаменовано назначением Кирова секретарем ЦК партии, рядом со Сталиным, который был лишен титула «генерального секретаря». Бухарин был, против воли Сталина, назначен главным редактором «Известий». Тем не менее, поражение Сталина на XVII съезде в «Кратком курсе» скрыто, и его имя упоминается (на 305—308 стр.) 13 раз. В новой Истории КПСС имя Сталина, в связи с XVII съездом, встречается только один раз, как докладчика о работе ЦК партии. Авторы торжествующе сообщают: «Партия пришла к своему съезду сплоченной и монолитной. Никаких оппозиционных групп на съезде не было. Идеино разбитые партией бывшие оппозиционеры Зиновьев, Каменев, Бухарин, Рыков, Томский и другие выступили с покаянными речами и прославлением успехов партии» (стр. 462).

В новой Истории КПСС нет упоминания о дискуссии по национальному вопросу, состоявшейся на упомянутом съезде и отмеченной в «Кратком курсе» (стр. 307). В период, предшествовавший первой пятилетке, партийное руководство стремилось к соглашению с крестьянством. Поскольку крестьянство и национальная интеллигенция в нерусских областях СССР были главным образом носителями национального сознания, руководство ВКП(б) предоставляло в период нэпа некоторую возможность для развития культур этих народов, «национальных по форме, социалистических по содержанию». Давление партии на крестьянские массы в период принудительной коллективизации в 1929 г. вызвало в нерусских республиках Советского Союза сопротивление не только по линии социальной, но и национальной. В «Кратком курсе» это было названо уклоном «к местному национализму». Против этого «национализма», как «главной опасности»,

XVII съезд призывал всех членов партии бороться. Борьба должна была выражаться в ограничении развития культуры нерусских народов даже под фирмой коммунизма. По неизвестным соображениям новая История КПСС о проблеме «местного национализма», выдвинутой в докладе Сталина на XVII съезде ВКП(б), совершенно не упоминает. Следует отметить, что борьба с «местным национализмом», которую руководство ВКП(б) начало систематически проводить с 1933 г., вызвала многочисленные жертвы не только среди беспартийной интеллигенции Украины, Белоруссии, Кавказских республик, Туркестана и т. д., но и среди коммунистов этих республик.

5. Убийство С. Кирова

На стр. 463 Истории КПСС упоминается об убийстве С. Кирова 1 декабря 1934 г. в Ленинграде. В «Кратком курсе» подготовка покушения на Кирова приписана «зиновьевской оппозиции», которая будто бы была «объединенной троцкистско-бухаринской бандой наемников фашизма». Эта версия, пущенная в ход по указанию Сталина, чтобы опорочить его противников в партии, авторами нового учебника не повторяется. Об убийце Кирова, Николаеве, сказано только, что он «общался с некоторыми бывшими участниками зиновьевской антипартийной группы» (стр. 463). Следует отметить, что даже после обличительной речи Хрущева на XX съезде партии в 1956 г., в которой он раскрыл некоторые преступления Сталина, авторы нового учебника уклонились от сообщения правды — об участии Сталина в подготовке убийства Кирова.

Киров был очень опасным конкурентом для Сталина, и он был устранен при помощи агентов «Особого секретно-политического отдела органов государственной безопасности», организованного Сталиным в 1933 г. и подчиненного только ему лично. На участие Сталина в организации убийства Кирова Хрущев намекнул в своей речи на XX съезде КПСС: «Есть причина подозревать, что убийце Кирова, Николаеву, помогал кое-кто из людей, в обязанности которых входила охрана личности Кирова. За полтора месяца до убийства Николаев был арестован из-за его подозрительного поведения, но был выпущен и даже не обыскан. Необычайно подозрительно и то обстоятельство, что, когда чекиста, входившего в состав личной охраны Кирова, везли на допрос 2 декабря 1934 года, то он погиб во время автомобильной «катастрофы», во время которой не пострадал ни один из других пассажиров машины. После убийства Кирова руководящим работникам ленинградского НКВД были вынесены очень легкие приговоры, но в 1937 году их расстреляли. Можно предполагать, что они были расстреляны для того, чтобы скрыть следы истинных организаторов убийства Кирова».

Смысл этих слов Хрущева ясен, — они намекают на участие Сталина в подготовке убийства Кирова. Авторы нового учебника истории КПСС об этом, однако, «забыли». Указывая на мнимое общение убийцы Кирова «с некоторыми бывшими участниками зиновьевской антипартийной группы», авторы пытаются этим снять со Сталина обвинения в организации убийства Кирова. Единственным объяснением подобной трусости со стороны заказчиков нового учебника истории КПСС может быть их сознание, что

они, несмотря на свое отрицательное отношение к преступлениям Сталина, являются наследниками и продолжателями его режима. Поэтому лучше не делать глубоких исследований преступлений Сталина и неясным намеком бросить тень подозрения на «бывших участников зиновьевской антипартийной группы».

Несмотря на несомненное стремление авторов Истории КПСС всячески опорочить и унизить вождей оппозиции в партии, они все же не решились повторить рассказ «Краткого курса», как бухаринцы и троцкисты, «подонки человеческого рода... состояли в заговоре против Ленина, против партии, против Советского государства уже с первых дней Октябрьской социалистической революции» (стр. 301).

6. «Сталинская конституция» и некоторые события 1937—1941 гг.

XIII глава Истории КПСС заканчивается прославлением «Сталинской конституции» 1937 г., которая названа по традиции «самой демократической из всех конституций, которые когда-либо существовали в мире» (стр. 474). Это утверждение трудно примирить со словами на стр. 473 учебника: «Дальнейшая демократизация общественного и государственного строя расширила и упрочила социальную базу диктатуры рабочего класса». Таким образом, диктатура неизменно признается неотъемлемой частью советского «демократизма».

В главе XIV описываются события 1937—1941 гг., предшествовавшие нападению Германии на Советский Союз. До 1939 г. на внешнюю политику СССР имел влияние комиссар по иностранным делам Литвинов, который стремился поставить преграду агрессии Гитлера системой коллективной безопасности, в согласии с Францией, Англией и США. Эти попытки не имели успеха ввиду страха соседних с СССР государств, Польши и Румынии, перед вторжением Красной армии на их территорию. Правительство Чехословакии искало помощи против германской угрозы в союзе с СССР и у великих держав Запада. Однако Мюнхенское соглашение представителей Англии и Франции с Гитлером и Муссолини по вопросу о Чехословакии оставило эту республику на произвол судьбы. В связи с огромным перевесом сил на стороне Германии правительство Чехословакии не могло решиться на военное сопротивление агрессии Гитлера. Авторы Истории КПСС обвиняют, однако, «буржуазное правительство Чехословакии» в капитуляции перед Германией Гитлера. Чехословацкое правительство имело якобы возможность защитить независимость своей страны, «в чем ему была бы оказана поддержка Советским Союзом» (стр. 478). Эта воинственная фраза не имеет основания. Отделенный от Чехословакии территорией Польши и Румынии, СССР мог бы оказать помощь Чехословакии в 1938 г. только авиацией и то нарушая нейтралитет названных стран; или армии СССР должны были бы начать наступление на Румынию и Польшу с целью пробиться на Запад для защиты Чехословакии. Нереальность этого плана самоочевидна, однако авторы Истории КПСС пользуются фикцией для пропаганды, чтобы представить в благоприятном свете и «миролюбие» советского правительства, и готовность его к защите «малых народов».

Второй раздел XIV главы касается работы партии «в условиях социализма» и XVIII съезда ВКП(б). Здесь находим утверждение, что перед второй мировой войной в советской стране уже был создан «социализм» и что СССР приступил к построению коммунистического общества, где производительные силы дадут возможность осуществить принцип труда и распределения: «От каждого по способностям, каждому по потребностям». Авторы учебника с гордостью говорят о победе «блока коммунистов и беспартийных» на выборах в верховные законодательные органы СССР в декабре 1937 г.: за этот блок голосовало 98,6% избирателей (стр. 483). Результаты этих выборов авторы называют «показателем подлинного единства советского общества, силы и жизненности социалистического демократизма, воплощенного в конституции СССР» (стр. 483).

7. Роль Сталина «в осуществлении внутрипартийной и советской демократии»

Контрастом для оптимистического утверждения на стр. 483, в корне противоречащего действительному положению в СССР, является описание гибельной роли Сталина в осуществлении «внутрипартийной и советской демократии». Авторы бросают упрек Сталину, что в его деятельности «появился разрыв между словом и делом, между теорией и практикой» (стр. 483). Этот разрыв состоял, во-первых, в том, что в теории Сталин признавал народ «творцом истории» и стоял за коллективное руководство в партии, но на практике многие важнейшие государственные вопросы решал сам и этим «содействовал распространению культа собственной личности». Единственно правильными авторы находят единоличные решения Сталина «в отношении отдельных элементов из разбитых оппозиционных групп троцкистов, зиновьевцев, правых, националистов», «поэтому государственные органы должны были принять в отношении их необходимые меры» (стр. 483—484). Следовательно, судебные процессы против «старых большевиков», организованные по приказу Сталина в 30-х годах, признаются вполне оправданными. С другой стороны, на стр. 484 Сталин обвиняется за его «ошибочный тезис» о неизбежности обострения классовой борьбы в СССР по мере продвижения к социализму. Этот «тезис» дал возможность Сталину объявить всех его противников в партии «классовыми врагами» и физически их уничтожить или наложить на них тяжелые наказания. Авторы Истории КПСС высказывают убеждение, что «ошибочный тезис» Сталина «послужил обоснованием массовых репрессий против политически разгромленных идейных противников партии. Репрессиям подверглись многие честные коммунисты и беспартийные, которые ни в чем не были виновны».

Эти двусмысленные признания вины Сталина в истреблении большого количества «честных коммунистов и беспартийных» не выясняют основного вопроса: признают ли заказчики новой Истории КПСС Зиновьева, Каменева, Бухарина, Рыкова, Пятакова, Крестинского, Розенгольца, Чубаря и многих других выдающихся деятелей коммунистической партии «идейными противниками партии», или же они остаются для наследников Сталина «извергами из бухаринско-троцкистской банды» («Краткий курс», стр. 331), которыми должны были заняться «государственные орга-

ны», с известным результатом — смертной казнью, после жестоких истязаний и последующего унижения во время так называемых судебных процессов. К сожалению, пифический ответ авторов новой Истории КПСС оставляет читателю самому догадываться, кого из людей, уничтоженных сталинской юстицией, надо считать «честными коммунистами» и «идейными противниками партии», и кого — «контрреволюционными элементами», в отношении которых «необходимые меры» государственных органов безопасности имели полное оправдание.

Злодеяния Сталина в новом учебнике истории КПСС сваливаются на его помощников — Берия и Ежова. При этом сообщается, что «за свою преступную деятельность Ежов и Берия понесли должное наказание». Сведения о расправе над Берия привезла из Москвы делегация французской социалистической партии, посетившая СССР весной 1956 г., во главе с сенатором Комменом (теперь уже покойным). Французским делегатам Хрущев сказал, что президиум ЦК КПСС, имея подозрения против Берия, пригласил его на специальное заседание и члены президиума подвергли его перекрестному допросу. Из допроса стало ясно, что Берия замыслил захватить власть в свои руки, и поэтому члены президиума, оставив Берия одного, вынесли постановление казнить его немедленно. Приговор привел в исполнение Микоян в помещении президиума ЦК КПСС. Заявление президиума ЦК КПСС об аресте Берия и предании его суду было издано уже после казни Берия («Социалистический Вестник» 7—8, 1956 г.).

Что же касается Ежова, то он исчез незаметно и наказан был не за свои злодеяния, а только потому, что сделался неудобен Сталину: «Мавр сделал свое дело» и должен был уйти. Благодарность и лояльность к товарищам за сделанные услуги не были свойственны характеру Сталина. Уничтожив руками Ежова своих противников, он свалил затем на Ежова вину за «перегибы», оживив таким образом старую легенду о «добром царе и лихих боярах».

В новом учебнике говорится, что «подвергшиеся необоснованным репрессиям люди были в 1954—1955 годах полностью реабилитированы». Так как в списках реабилитированных нет имен Бухарина, Зиновьева, Крестинского, Рыкова, Чубаря, Гринько, Каменева и других выдающихся коммунистов, казненных по приказу Сталина за различные «уклоны», — этим косвенно подтверждается, что наследники Сталина не признают казненных оппозиционеров идейными противниками, а считают их «контрреволюционными элементами», которые подлежали расправе со стороны «государственных органов». Разница отношения к казненным оппозиционерам в новой Истории КПСС и в «Кратком курсе» состоит в том, что в прежнем учебнике, при перечислении имен действительных или мнимых противников Сталина, уничтоженных в период «ежовщины», им произвольно приписаны самые нелепые преступления. В отличие от этого, заказчики нового учебника прячутся за общие неясные фразы. Однако даже при поверхностном анализе сказанного ими становится ясно, что они стремятся оправдать репрессии Сталина в отношении «старых большевиков» и им сочувствовавших. Известно, что месть Сталина была особенно жестокой по отношению членов XVII съезда ВКП(б) и членов Центрального Комитета, избранного на этом съезде. Хрущев сообщил в речи на XX съезде КПСС, что 70% членов и кандидатов Центрального Комитета, избранных на XVII съезде, по приказу Сталина были арестованы и расстреляны. Хрущев ска-

зал также в той же речи, что из 1956 делегатов XVII съезда большинство (1108 чел.) «были арестованы по обвинению в контрреволюционных преступлениях».

Заказчики и авторы нового учебника истории КПСС находятся в чрезвычайно затруднительном положении, оценивая деятельность Сталина: с одной стороны они не могут скрыть его преступления, которые приписывают его мании величия («культ личности»); но с другой стороны, отрицая всего Сталина, они политически должны были бы «повиснуть в воздухе», отказаться от «социализма», созданного в эпоху диктатуры Сталина методами террора, принудительного труда, ценой голода и страданий миллионов граждан СССР. Авторы новой Истории КПСС находят, как им кажется, удовлетворительный выход из положения. Они оставляют в стороне манию величия и манию преследования Сталина, которые считают единственной причиной его преступлений, и сосредоточивают внимание на его «достижениях». Этим достижениям, по их мнению, не препятствовала жестокость Сталина: «Вся деятельность самого И. В. Сталина была связана с осуществлением великих социалистических преобразований в советской стране. Советский народ полностью доверял партии (а значит и Сталину, как вождю партии. — П. Ф.), руководствовался ее указаниями и двигал вперед великое дело социализма» (стр. 484). Этими словами Сталин полностью реабилитируется. Его преступления, по уверению авторов нового учебника истории КПСС, не остановили развития советского общества и, главное, «не могли изменить социалистическую природу советского строя». Это откровенное сочетание идеи социализма с деспотизмом человека, признанного самими же нынешними вождями КПСС свирепым маньяком, свидетельствует, что люди, ныне стоящие у власти в СССР, в политическом и этическом отношении являются достойными преемниками Сталина.

8. Международная политика Сталина перед второй мировой войной

В марте 1939 г. состоялся XVIII съезд ВКП(б). Это было в канун второй мировой войны, на которую Сталин возлагал втайне большие надежды, как в свое время, в 1912 г., Ленин ждал победы революции в результате столкновения великих держав. Авторы Истории КПСС скрывают это направление политики советского правительства, руководившегося Сталиным. Между тем Сталин в докладе ЦК ВКП(б) на XVIII съезде подчеркнул, что советское правительство согласно вступить в соглашение с правительством Германии, возглавляемым Гитлером, якобы для защиты мира. Этот намек поняли в Берлине, и с того времени началась подготовка к советско-германскому «договору о ненападении и консультации», который был заключен в Москве 23 августа 1939 г. Этим советское правительство развязало руки Гитлеру для агрессивных действий против Польши, что и стало поводом к второй мировой войне.

Излагая события, предшествовавшие второй мировой войне, авторы Истории КПСС бросают ничем не обоснованное обвинение по адресу правительств великих держав Запада, которые хотели привлечь СССР к общему фронту борьбы против Гитлера. На стр. 491 утверждается, будто бы, «ведя переговоры с Советским Союзом, английское правительство в то же вре-

мя завязало тайные переговоры с германским правительством, предлагая Гитлеру заключить пакт о ненападении и соглашение о разделе сфер влияния в мировом масштабе». Авторы Истории КПСС пишут, что английское правительство якобы предлагало Гитлеру «включить в число подлежащих разделу стран Китай и Советский Союз». Доказательства этих обвинений авторы Истории КПСС представить не в состоянии и ограничиваются поэтому голословными утверждениями. Следует отметить, что правительство Гитлера в тайных предложениях и в публичных заявлениях неоднократно обращалось к правительству Великобритании с планами совместного раздела различных стран на основе специального соглашения, причем Гитлер обещал с своей стороны «гарантии неприкосновенности» Британской империи. Эти предложения были отвергнуты английским правительством. С другой стороны, пакт Молотова—Риббентропа от 23 августа 1939 г. открыл целую серию договоров и стоворов между советским и германским правительствами на предмет раздела разных стран между СССР и Германией. Пакт от 23 августа 1939 г. был широко использован Москвой, в частности при разделе Польши, захвате Балтийских государств и т. д. Планы советского правительства шли еще дальше: приобрести с согласия Гитлера влияние в Турции (проливы) и в Индии. Этому дружественному сотрудничеству двух тираний положила конец «измена» Гитлера, который начал 22 июня 1941 г. агрессию против своего восточного союзника.

Объективно оценивая международное положение перед второй мировой войной в 1939 г., нужно признать, что отказ советского правительства от дружбы с Германией Гитлера и решительное заявление правительства СССР, что оно выступит против германской агрессии вместе с западными великими державами, могли бы сдержать Германию от нападения на Польшу; ведь Гитлер, и особенно вожди немецкой армии, боялись вести войну на два фронта. Дружественный нейтралитет СССР дал Германии возможность разбить польскую армию и одержать большие победы в Западной Европе в 1939—1941 гг. Сохранение мира в Европе совсем не стояло в плане политики советского правительства. В Москве надеялись, что в войне между «капиталистами» СССР останется нейтральным, сохранит свои военные силы нетронутыми и появится на мировой арене решающим фактором, когда воюющие державы истекнут кровью. Эти планы разрушил Гитлер, начав войну против СССР. Вожди советского правительства уже в начале диктатуры Гитлера в Германии искали союза с фашистской Германией. Об этом свидетельствуют различные документы, в подлинности которых сомневаться не приходится. Так, советник посольства СССР в Германии Астахов в разговоре с заместителем Риббентропа в германском министерстве иностранных дел Вайцзекером 30 мая 1939 г. заявил, что еще перед заключением немецко-польского договора, подписанного в январе 1934 года, Москва предложила Берлину германо-советский союз, но это предложение было Гитлером отвергнуто (*Das nationalsozialistische Deutschland und die Sowjetunion (1939—1941)*, Washington 1948, p. 17. Материалы из архива Министерства иностранных дел Германии).

О стремлении советского правительства к союзу с правительством Гитлера говорил Молотов в Москве в ночь с 23 на 24 августа 1939 г., когда Сталин праздновал союзный договор с министром Гитлера Риббентропом. После тоста за здоровье Гитлера, который провозгласил Сталин, Молотов предложил выпить за здоровье Сталина и припомнил, что сдвиг к улуч-

шению отношений между Германией и СССР наступил после речи Сталина на XVIII съезде ВКП(б) 10 марта 1939 г., которую «правильно поняли в Германии» (Das nationalsozialistische Deutschland . . . , стр. 84).

В упомянутой Молотовым речи Сталин говорил о Германии, «серьезно пострадавшей в результате первой империалистической войны и Версальского мира», и этим объяснял присоединение Гитлера к союзу с Италией и Японией. Это звучало как оправдание для стремления Гитлера расширить «жизненное пространство» (Lebensraum) Германии в Европе и вернуть колонии, потерянные во время первой мировой войны. Кроме того, в упомянутой речи на XVIII съезде ВКП(б) Сталин обвинял правительства западных держав в стремлении побудить Германию и ее союзников к войне против СССР, чтобы позже «выступить со свежими силами . . . и продиктовать ослабевшим участникам войны свои условия» (Протоколы XVIII съезда ВКП(б)). То, о чем мечтали вожди советского правительства, проводя свою политику разжигания второй мировой войны, Сталин приписывал правительствам западных держав.

Между прочим, авторы Истории КПСС умалчивают о том важном обстоятельстве, что по договору с Германией в Москве в 1939 г. советское правительство обязалось, после германской агрессии, направленной против Польши, принять участие в этой войне. Нападение со стороны СССР окончательно сломило сопротивление польской армии. Эту агрессию советского правительства авторы Истории КПСС пытаются оправдать тем, будто бы «Советский Союз не мог оставаться равнодушным к судьбам братского населения Западной Украины и Западной Белоруссии, не мог его отдать под фашистское иго» (стр. 494). Странный «интернационализм» коммунистического правительства! В нем выразились «братские чувства» только к украинцам и белоруссам, а польский народ, по соглашению с Гитлером, остался под фашистским игом. Упоминая о начале войны Германии против Польши 1 сентября 1939 г., авторы Истории КПСС лицемерно сожалеют о том, что «польский народ стал жертвой фашистской агрессии». При этом вину за поражение Польши в войне с Германией авторы Истории КПСС сваливают на польское правительство, которое, по их словам, «совершив акт национального предательства, отвергло помощь Советского Союза», а потому — «Польша не могла противостоять сильнейшему натиску гитлеровской Германии» (стр. 493). О том, что агрессия против Польши была подготовлена соглашением Сталина с Гитлером, читатель Истории КПСС, конечно, не должен знать.

9. «Освобождение» балтийских и других народов

Пока на Западе разгоралась война Англии, Франции и их союзников против Германии, советское правительство, с согласия Гитлера, занималось «освобождением» балтийских народов (Эстония, Латвия, Литва) и присоединением к СССР Бессарабии и Буковины, которые 20 лет находились в составе Румынии. Об этом рассказывается на стр. 495 Истории КПСС. И здесь тоже делается попытка представить, будто бы правительства Англии и Франции «стремились вовлечь в войну против Советского Союза» указанные прибалтийские государства, а потому «трудящиеся массы прибалтийских республик выступили с требованием немедленного восстановления

в их странах советской власти, свергнутой Антантой в 1919 году, и воссоединения с Советской страной... В августе 1940 года Верховный Совет СССР принял в состав СССР Литовскую, Латвийскую и Эстонскую Советские социалистические республики». Таким образом, и здесь правительство огромной Советской империи «защищалось» от «угроз» маленьких государств и достигло мира поглощением своих слабых соседей. Каким образом подготавливалось «освобождение» балтийских народов советским правительством при содействии Гитлера, красноречиво свидетельствует «Тайный добавочный протокол» к договору о ненападении между Германией и СССР, подписанный 23 августа 1939 г. в Москве. В этом Протоколе сказано между прочим следующее: «В случае территориально-политического преобразования в областях, принадлежащих к балтийским государствам (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы является одновременно границей сферы интересов Германии и СССР».

О будущем Польши, против которой правительство Гитлера готовило с согласия советского правительства нападение, в цитированном Протоколе сказано: «Вопрос о том, требуют ли взаимные интересы желательным сохранение независимого польского государства, и в каких границах, может быть выяснен окончательно в течение дальнейшего политического развития» (*Das nationalsozialistische Deutschland...*, S. 86). На языке фашистско-коммунистических партнеров задуманная ими агрессия против Польши названа, как видим, «дальнейшим политическим развитием».

10. Советско-финская война 1939 г.

«Освобождение народов», начатое советским правительством после поражения Польши на востоке Европы, Сталин хотел распространить также на Финляндию. 30 ноября 1939 г. армия СССР начала наступление на финскую территорию. Тем не менее, вину за советско-финскую войну авторы Истории КПСС возлагают на неназванных по имени «империалистов»: «Им (империалистам. — П. Ф.) в конце 1939 года удалось спровоцировать финских реакционеров на войну против Советского Союза» (стр. 496). При этом авторы нового учебника ставят в вину Англии и Франции помощь, оказанную финнам поставками оружия, и подготовку к высадке войск на помощь Финляндии против советской агрессии. Гитлер, как союзник советского правительства во время войны СССР против Финляндии, стоял в стороне от «финских реакционеров», якобы спровоцированных «империалистами» на войну против Советского Союза.

Из этих головоломных рассуждений авторов Истории КПСС вытекает, что «зачинщиками» советско-финской войны 1939 г. были правительства Англии и Франции, будто бы спровоцировавшие «финских реакционеров» начать агрессию против СССР. До таких нелепостей вынуждены доходить авторы нового учебника стремясь, во что бы то ни стало обелить политику советского правительства во время второй мировой войны. Их утверждение, будто бы «финские реакционеры» поддались влиянию «империалистов» — Англии и Франции, — начав войну против СССР в 1939 г., опровергается фактами. В 1935 г. состоялись выборы в финский парламент, на которых победили социал-демократическая и аграрная партии, отрицательно относившиеся к фашистской Германии и желавшие сближения

Финляндии с СССР. Но советское правительство сделало нормальные отношения между Финляндией и СССР невозможными. Москва потребовала от финского правительства территориальных уступок, с чем последнее не могло согласиться, так как видело трагическую судьбу Польши, раздавленной в сентябре 1939 г. Германией и СССР, и боялось, что то же случится и с Финляндией. Не добившись мирными средствами и угрозами исполнения своих требований, Москва стала искать повода к войне против Финляндии. 26 ноября 1939 г. комиссар иностранных дел СССР Молотов послал финскому правительству ноту, протестуя против артиллерийского обстрела советской территории, который, якобы, начали финские военные части. С финской стороны последовало возражение, что в местности, указанной в советской ноте, нет финской артиллерии и что стрельба велась с советской стороны. Советское правительство отклонило финское предложение о расследовании финской «агрессии» специальной смешанной комиссией. Молотов при этом заявил, что вследствие финской «агрессии» советско-финский пакт о ненападении потерял свою силу. Это было мотивом для вторжения армии СССР в пределы Финляндии. По каким соображениям правительства Англии и Франции стремились «спровоцировать» в 1939 г. финских «реакционеров» на войну против СССР, авторы Истории КПСС, при всем старании, объяснить не в состоянии. Этот их тезис недоказуем и он выдвинут только для прикрытия плана советского правительства уничтожить независимую Финляндию. Для этой цели в Москве было создано в декабре 1939 г. «народное правительство Финляндии» во главе с финским коммунистом Куусиненом, бывшим секретарем Коминтерна. 2 декабря 1939 года «правительство» Куусинена подписало в Москве договор о дружбе с СССР и приняло все территориальные требования советского правительства, которые были предъявлены перед тем законному финскому правительству. Таким образом была создана фикция, будто бы СССР находился в дружбе с «финским правительством» Куусинена и что войны между СССР и Финляндией не было. Этот тезис советские дипломаты пробовали защищать даже на форуме Лиги Наций, но безуспешно. Лига Наций предложила воюющим сторонам свое посредничество для ликвидации конфликта. С точки зрения авторов Истории КПСС это посредничество было абсурдом, так как, по их утверждению, «нападение» Финляндии на СССР спровоцировали правительства Англии и Франции, имевшие решающее влияние в Лиге Наций. Поэтому о предложении посредничества со стороны Лиги Наций в Истории КПСС не упоминается.

Правительство Финляндии приняло предложение Лиги Наций о посредничестве для заключения мира с СССР, но советское правительство от всякого посредничества отказалось. Вследствие этого Лига Наций единогласно исключила СССР из своего состава. Документы и факты, относящиеся к советско-финской войне 1939—1940 гг., содержатся в книге, которую написал финский социал-демократический министр Вайно Таннер: Зимняя война. Финляндия против России, 1939—1940 (Vainö Tanner, The Winter War. Finland Against Russia, 1939—1940, Stanford University Press, 1951).

Сообщая о вооруженном конфликте и заключении мира между СССР и Финляндией в марте 1940 г. после кровопролитной войны, в которой маленький финский «Давид» причинил огромные потери советскому «Голиафу», авторы Истории КПСС не упоминают о «народном правительстве»

Финляндии под председательством коммуниста Куусинена. Об этом «правительстве» в Москве просто «забыли», как был забыт старый слуга Фирс в комедии Чехова «Вишневый сад».

В равной степени забыто в Истории КПСС и создание советской «Карело-Финской Республики» после советско-финской войны в 1940 г. В состав этой «республики» были включены территории Карелии и те финские области с городами Выборг, Кексгольм и другими, которые правительство Финляндии принуждено было уступить Советскому Союзу по мирному договору в марте 1940 г. Карело-Финская Советская республика была по постановлению Верховного Совета СССР в 1954 г. ликвидирована. Об этих действиях советского правительства, вовсе не свидетельствующих о его миролюбии и интернационализме, читатель Истории КПСС ничего не узнает.

Поражение Франции в войне с Германией в 1940 г. авторы Истории КПСС считают «плачевным итогом мюнхенской политики». При этом советские историки умалчивают о том, что французские коммунисты, по указанию Москвы, вели во Франции пропаганду, в которой осуждали правительства западных держав за войну против Германии Гитлера. Известно, что французские коммунисты после поражения Франции в 1940 г. обращались к германским оккупационным властям с просьбой иметь свою прессу, причем обещали «разоблачать махинации агентов британского империализма». Вождь французских коммунистов Морис Торез (Thorez) дезертировал из французской армии, не желая защищать «буржуазное отечество» против вторжения германских войск. Французские коммунисты ощутили в своих сердцах патриотические чувства и приняли участие в движении сопротивления германской оккупации только после нападения Гитлера на СССР в 1941 г. Материалы об этом содержатся в книгах А. Росси «Два года германо-советского союза» и др. (А. Rossi, Deux ans d'alliance Germano-Soviétique, Paris 1950; Les Communistes Français pendant la drôle de Guerre, Paris 1951).

Подобным образом вели себя и коммунистические партии других стран: по указаниям из Москвы коммунисты нападали на «поджигателей войны», главным образом на Англию, до тех пор, пока существовал союзный договор Сталина и Гитлера от 23 августа 1939 г., и сделали внезапно поворот в противоположную сторону, когда Гитлер начал поход против СССР. Коммунистические партии разных стран, зависимые во всем от Москвы, не протестовали даже против таких проявлений дружбы между советским и германским правительствами, как, например, поздравительные телеграммы, которые посылал Молотов правительству Гитлера по случаю побед немецких армий во Франции и в других странах в 1940 г.

Авторы Истории КПСС утверждают, что президиум Исполнительного комитета Коммунистического интернационала принял в мае 1943 г. решение о роспуске Коминтерна для того, чтобы «окончательно разоблачить клевету гитлеровцев и их пособников, будто коммунистические партии действуют не в интересах своего народа, а по приказу извне» (стр. 556). В отношении ликвидации Коминтерна отмечено, что «это решение одобрили все коммунистические партии». Могло ли случиться иначе? Объяснение причин роспуска Коминтерна, которое находим на стр. 556 Истории КПСС, рассчитано на политически наивных людей. Объявление о мнимом роспуске Коминтерна было сделано для того, чтобы рассеять подозрения в

правительствах и общественных кругах демократических государств, с которыми советское правительство, совершенно для себя неожиданно, оказалось с лета 1941 г. в союзных отношениях в войне против Германии. Советскому правительству было выгодно внешне избавиться от Коминтерна, как организации, имеющей целью установить коммунистическую диктатуру во всем мире. Чтобы успокоить западных союзников, которые с лета 1941 г. оказывали огромную материальную помощь советской армии в ее борьбе против Германии и от которых в СССР ожидали дальнейшего снабжения и займов, решено было объявить о ликвидации Коминтерна. Фактически Коминтерн продолжал действовать и дальше, нелегально, и был восстановлен после второй мировой войны под новым названием «Коминформ».

11. Союз Сталина с Гитлером

Мотивировка заключения союза между советским правительством и Гитлеровской Германией (23 августа 1939 г.) в Истории КПСС противоречит фактам. На стр. 494 сказано: «Партия и советское правительство учитывали, что, хотя договор с Германией и помог Советскому Союзу отсрочить на некоторое время войну с гитлеровцами, но нельзя было полагаться на то, что они будут долго соблюдать свои обязательства».

В действительности, советское правительство (Сталин и Молотов) было глубоко уверено, что Гитлер будет занят войной на Западе и оставит Советский Союз в покое. Союз с Гитлером Сталин представлял себе «всерьез и надолго». Вот почему советское правительство (Сталин), которому приписывается на стр. 494 дар предвидения, не хотело верить сообщениям Черчилля в 1941 г. о предстоящем нападении Германии на СССР. Об этом предупреждении упомянул также Хрущев в своей речи на XX съезде КПСС в 1956 г. Еще более ясна беззаботность советского правительства по отношению к Германии в свете политики французской коммунистической партии и коммунистов других стран в годы союза Сталина с Гитлером (1939—1941). Если бы советское правительство (Сталин) предвидело приближение войны с Германией, то на протяжении 22 месяцев союза с Гитлером оно постаралось бы как следует вооружить армию и подготовить население к войне. Между тем Хрущев сообщил в своей речи на XX съезде КПСС, что, например, в Киеве не хватало даже винтовок для мобилизованных солдат. Далее: предвидя неминуемую войну с Германией, советское правительство должно было бы дать совсем иные директивы коммунистическим партиям разных стран, как действовать в отношении завоевательной политики Гитлера. Между тем эти партии, по указаниям из Москвы, осуждали демократические правительства Запада за объявление войны Гитлеру и требовали, после захвата Польши немецкими гитлеровскими войсками в 1939 г., немедленного мира с Германией. В декабре 1939 г. во французской коммунистической прокламации говорилось: «Правительство, опираясь на реакционеров и социалистических лидеров, утверждает, что оно ведет войну за свободу против фашизма. Это совершенная ложь». Обращаясь к солдатам французской армии, коммунисты выдвинули лозунг — «Долой войну».

Парижская коммунистическая газета „L'Humanité“ от 15 мая 1940 г. не протестовала против нападения армий Гитлера на Норвегию, Голландию, Бельгию и другие страны. Обе воюющие стороны — правительство гитлеровской Германии и англо-французская коалиция — названы в этой газете «бандитами», стоящими на одном моральном уровне: «Если два гангстера дерутся между собой, честные люди не должны помогать одному из них под предлогом, что один нанес другому «неправильный» удар». Коминтерн, в прокламации по поводу 1 мая 1940 г., не осудил нападения Германии на Данию и Норвегию в апреле 1940 г., а, наоборот, выступил с обвинениями против правительств Англии и Франции: «В ответ на грубое нарушение нейтралитета скандинавских стран Францией и Англией, Германия ввела свои войска в Данию и заняла стратегические пункты в Норвегии. Капиталистические негодяи втягивают народы в новую мировую империалистическую войну». Конечно, слова «капиталистические негодяи» относятся здесь не к немецким фашистам. Такая дружелюбная тактика Коминтерна, французских и других коммунистов по отношению к Германии Гитлера была продиктована Москвой. Она вовсе не свидетельствует о том, будто бы советское правительство ожидало войны с Германией и готовилось к ней. Если бы это было так, то директивы коммунистам разных стран, посылаемые из Москвы, имели бы совершенно иной характер.

Авторы Истории КПСС ни словом не упоминают об экономической помощи, которую советское правительство оказывало Германии в период союза Сталина с Гитлером (1939—1941). Об этой помощи министр Гитлера Риббентроп писал Муссолини в марте 1940 г.: советское правительство щедро доставляет Германии нужное ей сырье и даже готово пожертвовать «часть своего золотого фонда для приобретения (в других странах) сырья, необходимого для Германии» (Письмо цитируется в указанной книге А. Rossi, Deux ans d'alliance Germano-Soviétique, pp. 105, 122).

Это сообщение подтверждается также запиской немецкого специалиста по экономическим делам Шнурре от 26 февраля 1940 г. Он оценивает советские поставки Германии (разные товары, которые были необходимы ей для ведения войны на протяжении одного года) в 800, приблизительно, миллионов марок. При этом Шнурре прибавляет, что Советский Союз изъясил готовность «выступать для нас как покупатель металлов и сырья в других странах... Так как Сталин неоднократно обещал большую помощь в этом направлении, можно ожидать, что с советской стороны будут употреблены все усилия» (Das nationalsozialistische Deutschland..., S. 148—149). Советское правительство своим дружелюбным отношением к гитлеровской Германии весьма содействовало успешному наступлению ее армий на западном фронте весной 1940 г. Немецкий маршал Йодль сообщил на процессе в Нюрнберге в 1945 г., что германское командование, полагаясь на верность советского правительства германо-советскому договору, смогло весной 1940 г. бросить все свои силы против Франции, Бельгии и Голландии, оставив на востоке всего 5 или 6 дивизий (Procès du Nuremberg, t. XV, p. 405; см. также G. L. Weinberg, Germany and the Soviet Union 1939—41, Leyden 1954).

На стр. 512 авторы снова возвращаются к оккупации советскими армиями трех балтийских республик, а также Западной Украины, Западной Белоруссии и Бессарабии в 1939—1940 гг., что способствовало «усилению политической, экономической и оборонной мощи советского государства».

С этим приходится согласиться. Но эти аннексии отнюдь не способствовали повышению международного авторитета советского правительства, — как утверждают те же авторы. Наоборот: агрессивная империалистическая политика советского правительства в первые годы второй мировой войны поставила его вне цивилизованного общества, в ряду с фашистскими правительствами Германии и Италии. Утверждение в Истории КПСС об «улучшении жизни трудящихся» в оккупированных советскими армиями областях в Восточной Европе в 1939—1940 гг. основано на измышлении. Фактически происходило систематическое ограбление населения захваченных стран, а также массовые депортации «кулаков», «капиталистов» и «подозрительных» в отдаленные области СССР, где эти люди в большинстве гибли на принудительных работах, в невыносимых условиях. «Освобождение» этих стран советской армией сопровождалось кровавым террором, вызвавшим многочисленные жертвы.

V. ВОЙНА МЕЖДУ СССР И ГИТЛЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИЕЙ

В XV главе изложены события 1941—1945 гг., связанные с войной СССР против гитлеровской Германии. Авторы Истории КПСС с возмущением пишут о «вероломном нападении фашистской Германии на Советский Союз» (стр. 516), хотя в предыдущей (XIV) главе агрессия советского правительства в отношении Польши, Эстонии, Латвии, Литвы и Финляндии изображается как «освобождение», «защита народов», или же как оборона против «агрессии» маленькой Финляндии. Комически звучит возмущение авторов Истории КПСС по поводу нападения Гитлера на СССР «несмотря на существование советско-германского договора о ненападении» (стр. 516). Здесь слышится отголосок обескураженности Сталина, который совсем не ожидал, что Гитлер, его союзник, допустит такое «вероломство». Поэтому нападение Германии на СССР застало советское правительство врасплох, и армия была недостаточно подготовлена к отпору. Об этой иллюзии Сталина, доверившего Гитлеру, рассказал Хрущев в своей речи на закрытом заседании XX съезда партии в 1956 г.

1. Причины первоначальных военных успехов Гитлера на Востоке

В противоположность названной выше речи Хрущева, в новой Истории КПСС сделана попытка объяснить поражение советских армий другими причинами. Только вскользь и туманно упоминается о том, что Красной армии «не хватало опытных, хорошо подготовленных командных кадров. Значительная часть их была необоснованно отстранена от руководства войсками в 1937—1938 годах» (стр. 518). Выражение «отстранена» — явно эвфемистично. Авторы Истории КПСС избегают называть казни лучших командиров Красной армии — Тухачевского, Блюхера и других — их настоящим именем. Только в конце, между причинами поражения СССР в начале войны с Германией, указан «просчет И. В. Сталина в оценке военно-стратегической обстановки, сложившейся непосредственно к началу войны» (стр. 519). В 50 томе «Большой Советской Энциклопедии», изд. 1957 г.,

об уничтожении по велению Сталина лучшей части кадров Красной армии перед второй мировой войной сказано несколько больше: «Вооруженные силы СССР в середине 30-х гг. располагали хорошо подготовленными и опытными военными специалистами, вышедшими из среды рабочих и крестьян. Однако репрессии, которые противозаконно были применены в 1936—39 гг. к ряду руководящих командных кадров заклятыми врагами партии и народа Ягодой, Ежовым и Берия, втершимися в доверие к Сталину, привели к известному ослаблению Вооруженных Сил». Итак, вина за террор против командиров Красной армии падает не на Сталина, а на его «лукавых советников». Это тоже одна из попыток реабилитировать Сталина после обличительной речи Хрущева на XX съезде КПСС.

Оставлено вне внимания одно чрезвычайной важности обстоятельство, способствовавшее первоначальным успехам Гитлера на Востоке: пораженческое настроение как у населения, так и у значительной части Красной армии в начале войны. Пережив ужасы голода, террора и всяческих лишений при диктатуре коммунистов, народные массы надеялись, что при Гитлере «хуже не будет», и относились к наступлению германских войск пассивно или даже сочувственно. Многие солдаты и офицеры Красной армии добровольно сдавались в плен. В Истории КПСС не упоминается также и Власовское движение. Выдающийся генерал советской армии, член коммунистической партии А. А. Власов попал в германский плен и пытался создать из пленных солдат и офицеров Красной армии боевые части для борьбы за освобождение России от коммунистической диктатуры. Конечно, план «освобождения» России в союзе с Гитлером был совершенно нереален, но этот эпизод весьма примечателен для характеристики настроений среди многих бойцов Красной армии и населения СССР. «Русская освободительная армия» (РОА), которую создал генерал Власов на территории Германии из числа советских пленных, была бы при существовании демократического режима в Германии и при наличии разумной политики в отношении Востока смертельной опасностью для коммунистической диктатуры в СССР.

Пораженческие настроения среди народных масс и в армии СССР в начале германо-советской войны благоприятствовали успехам Гитлера в походе на Восток. Об этом в новой Истории КПСС ни слова не сказано по вполне понятным причинам. О настроениях масс Советского Союза в начале наступления германских войск на СССР упомянул Сталин в речи по радио 3 июля 1941 г. Под впечатлением поражений на фронте и неблагоприятного для коммунистической власти настроения масс в тылу, Сталин убеждал советских граждан: «Нужно, чтобы советские люди... перестали быть беззаботными, чтобы они мобилизовали себя и перестроили свою работу на новый, военный лад, не знающий пощады врагу» (И. В. Сталин, О великой отечественной войне Советского Союза, Москва 1950 г., стр. 23).

Пораженчество и пассивность населения СССР в начале войны с Германией, которые Сталин назвал «беззаботностью», превращены в полную свою противоположность под пером авторов Истории КПСС: «Объявленная Советским правительством мобилизация военнообязанных проходила организовано и дружно. В военные комиссариаты шли наряду с мобилизованными тысячи людей разных возрастов и профессий, желавших добровольно пойти на фронт» (стр. 522). При этом партия названа «вдохновителем и боевым организатором советского народа и его армии в борьбе про-

тив фашистской Германии» (стр. 520). Это — явное преувеличение. По свидетельству Хрущева на XX съезде КПСС в 1956 г., Сталин в начале германского наступления на СССР сказал: «Все, что создал Ленин, мы потеряли навсегда». Если такое отчаяние могло охватить тогда даже вождя партии и председателя советского правительства, то нет ничего удивительного в том, что надежду на спасение режима потеряли и многие рядовые партийцы. Если бы авторы Истории КПСС могли описать события войны 1941—1945 гг. объективно, то они должны были бы признать, что бесчеловечное обращение немцев с советскими пленными и политика правительства Гитлера, имевшая целью порабощение и истребление народов СССР, изменили настроение в Красной армии и у населения Советского Союза и вызвали движение сопротивления германской оккупации. Но и в этом случае многие народные партизанские группы, возникшие в борьбе против немецких оккупантов, не желали возвращения коммунистической диктатуры и боролись как против армии Гитлера, так и против «красных партизан», переброшенных советской авиацией в местности, где шло повстанческое движение. Особенно ярко это проявилось на Украине, в Белоруссии и Прибалтике. Эти партизаны названы на стр. 564 «националистами». О неустойчивых настроениях солдат и офицеров Красной армии в первый период войны с Германией свидетельствует факт введения института военных комиссаров в армии и флоте в июле 1941 г. Об этом говорится на стр. 527, причем введение института военных комиссаров мотивировано следующим образом: «Кадры советских командиров значительно пополнились офицерами запаса, не имевшими опыта партийно-политической работы в армии и потому не вполне соответствовавшими требованиям, предъявляемым к командирам-единоначальникам» (стр. 527). Истинный смысл этой фразы таков: партийное руководство не могло полагаться на офицеров запаса, отражавших «беззаботность» масс населения по отношению к германскому наступлению, и поэтому нужен был надзор партийных комиссаров над командирами Красной армии и флота.

Несмотря на развенчание Сталина как полководца и организатора победы над Германией в речи Хрущева на XX съезде КПСС, в новом учебнике Сталин выступает почти в прежнем своем ореоле. Так, на стр. 526 сказано, что партия отдала на дело обороны СССР «свои лучшие силы. Во главе Вооруженных сил СССР был поставлен И. В. Сталин». Итак, Сталин, виновник тяжелых поражений советской армии, как его рисовал Хрущев в речи на XX съезде, в новой Истории КПСС выступает в роли победоносца.

2. Роль западных держав в поражении Германии

Как известно, коммунистическая теория утверждает, что «капиталистические правительства» всех оттенков только и ждали того случая, чтобы объединенными силами напасть на «страну социализма» — Советский Союз. Но в июне 1941 г. после нападения Германии на СССР правительство Англии, без какой-либо просьбы со стороны советского правительства, заявило о своей готовности помочь Советскому Союзу в войне против Германии. Это поведение «капиталистов» не укладывается в коммунистическую схему, и авторы Истории КПСС целую страницу учебника (528) посвяща-

ют выяснению причин, почему страны Запада не объединились с фашистской Германией для удушения «страны социализма» — Советского Союза, то есть действовали в противоречии с принятой коммунистической схемой. Ответ партийные советские историки находят в том, что СССР был нужен западным державам для ослабления напора Германии, но при этом, будто бы «правлящие круги Англии и США не ставили своей целью полный разгром германского фашизма». Бывшему президенту США Г. Трумэну авторы Истории КПСС даже приписывают слова, будто бы сказанные им на другой день после нападения Германии на СССР в 1941 г.: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше» (стр. 528).

Согласно установившемуся обычаю, авторы не сообщают источников «цитат», если они касаются противников большевизма. Поэтому нет указания в новом учебнике, когда, где и при каких обстоятельствах мог высказать такую нелепую мысль Трумэн.

В рассказе о второй мировой войне авторы пытаются приписать боевые успехи главным образом советской армии и умалчивают о роли западных держав в поражении Германии. Изображая партизанское движение против германской армии в оккупированных областях СССР исключительно как дело коммунистов (стр. 553), они приписывают также коммунистам руководство движением сопротивления германской оккупации и в других странах: во Франции, в Польше, Югославии, Болгарии и т. д. На стр. 555 упоминается, как организация сопротивления в Польше, только коммунистическая «Гвардия Людова», но ни слова не говорится о главной силе сопротивления — «Армии Крайовой». Нет также упоминания о поведении советского правительства, не оказавшего помощи восставшему населению Варшавы в 1944 г., хотя советская армия находилась тогда совсем близко от польской столицы. Советские стратеги дали возможность немцам подавить восстание польских патриотов, так как было известно, что поляки в Варшаве не хотели признавать диктатуру коммунистов. Насколько сильно стремление авторов нового учебника предать забвению эту невыгодную для советского правительства страницу в истории, видно хотя бы из того, что они, перечисляя города и области, занятые советской армией в 1944 г., совсем не упоминают о Варшаве. Зато фигурирует город Люблин, где «народ, руководимый рабочей партией (коммунистов), создал свое народное правительство в лице Польского Комитета Национального освобождения» (стр. 565). Из этого вполне ясно, что в глазах советских правителей освобождение народов от власти Гитлера представлялось приемлемым только под диктатурой коммунистов.

Поскольку новый учебник предназначен для читателей во всем мире и в частности для стран, познавших колониальное угнетение, его авторы сочли нужным упомянуть о «важном решении» пленума ЦК партии в январе 1944 г.: «О преобразовании наркомата обороны и наркомата иностранных дел из общесоюзных в союзно-республиканские и об образовании в союзных республиках наркоматов обороны и иностранных дел» (стр. 560). Это решение было принято в целях международной пропаганды, чтобы показать народам свободного мира, будто бы республики СССР получили какие-то реальные права. Фактически, хотя в союзных республиках формально и существуют «министерства иностранных дел», эти рес-

публики, однако не имеют права на дипломатические сношения с другими государствами, и в столицах союзных республик нет аккредитованных дипломатических представителей иностранных государств. В 1947 г. министр иностранных дел Великобритании Эрнест Бевин предложил учредить посольства Англии в Киеве (Украина) и Минске (Белоруссия), но Москва это предложение отклонила, хотя Советская Белоруссия и Украина введены в состав Объединенных Наций.

Описывая события второй мировой войны, авторы Истории КПСС преувеличивают роль советской армии в разгроме Германии и преуменьшают или вовсе замалчивают вклад западных держав в победу над Гитлером. В книге нет ни слова о разрушении авиацией западных держав военной промышленности Германии, чем было парализовано сопротивление германской армии. Известно, что успехи союзных войск в Северной Африке и в Сицилии принудили Италию капитулировать. В Истории КПСС нет упоминания об огромной материально-технической помощи, которую США и Англия оказали Советскому Союзу во время второй мировой войны. Без этой помощи успехи советской армии в борьбе с германской агрессией были бы невозможны. Тем не менее, на странице 562 мы встречаемся с утверждением, будто бы Советский Союз был «в состоянии один разгромить фашистскую Германию и освободить поработанные ею страны Западной Европы от немецко-фашистского ига». Даже десант англо-американских армий во Франции 6 июня 1944 г. авторы Истории КПСС объясняют страхом правительств США и Великобритании перед победой Советского Союза над Германией и нежеланием «решительной расправы народных масс с реакционными силами». Это утверждение тем более странно, что правительство Сталина во время войны с Германией настоятельно требовало от западных держав открытия нового фронта против Германии в Западной Европе. Если бы советское правительство надеялось своими силами разгромить Германию, то оно не настаивало бы на англо-американском десанте на Западе.

3. Международное положение после второй мировой войны

Свою беспомощность авторы Истории КПСС проявляют особенно, перейдя к описанию международного положения после второй мировой войны. По их словам, после войны создан «реакционный империалистический лагерь», цель которого была «укрепить позиции капитализма и подавить коммунистическое движение, сломить волю народов к национальной независимости, реставрировать капиталистические порядки в Китае, других странах народной демократии и в Советском Союзе» (стр. 585).

Если принять эти намерения «реакционного лагеря» соответствующими действительности, то никак нельзя объяснить, почему этот «империалистический лагерь» не использовал своего огромного военного перевеса по окончании второй мировой войны и не ликвидировал диктатуру коммунистов в СССР и в странах «народной демократии». Повидимому, «капиталистический лагерь» вел себя в отношении «созданного социализма» в Советском Союзе совсем не «по-капиталистически», как это представляет себе коммунистическая теория.

Разделение Германии на западную, свободную часть — Федеративную республику — и восточную, так называемую Германскую демократическую республику, подчиненную Москве, война в Корее, подготовленная правительствами СССР и коммунистического Китая, — все это авторы Истории КПСС ставят в вину агрессивной политике «Соединенных Штатов Америки» (стр. 585). Они пытаются убедить читателей в том, что вторая мировая война была начата Германией, Италией и Японией, но «ответственность за гибель десятков миллионов людей в войне, за безмерные страдания сотен миллионов трудящихся, за их слезы и кровь, за разрушение огромных материальных и культурных ценностей, созданных трудом многих поколений», несет империализм «как общественная система в целом» (стр. 577). При этом забывается, что советское руководство всевозможными средствами подстрекало Гитлера к войне и дало ему возможность начать вторую мировую войну, заключив советско-германский договор от 23 августа 1939 г. Таким образом советское правительство взяло на себя ответственность за войну и за все ее ужасы и страдания, которые с таким притворным негодованием и лицемерным состраданием описывают авторы Истории КПСС. В своем увлечении пропагандой они пишут на 577 стр., будто бы война против СССР была подготовлена «международным империализмом» и только была развязана фашистской Германией. Таким образом, устраняется вина правительства Гитлера за агрессивную политику и подстрекательство к ней Сталина, что и привело ко второй мировой войне. Главную ответственность за вторую мировую войну авторы Истории КПСС возлагают на анонимный и вездесущий «мировой империализм», якобы имевший целью борьбу против «страны социализма». На стр. 578 сказано: «Империалисты рассчитывали, что будет уничтожена страна социализма, в действительности же огромный и непоправимый урон понесла капиталистическая система».

Конечно, под «империалистами» здесь подразумеваются все участники второй мировой войны, как сражавшиеся против СССР, так и те, которые были с советским правительством в союзе. Единственно безупречным в отношении империализма признается правительство СССР, хотя оно захватило в результате второй мировой войны под свою власть и влияние новые страны с миллионами населения в Европе и в Азии.

VI. ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ — ДО СМЕРТИ СТАЛИНА

1. Коренное изменение международного положения

XVI глава Истории КПСС охватывает период времени с конца второй мировой войны до смерти Сталина в 1953 г. С большим удовлетворением авторы констатируют коренное изменение международного положения: «Всего от капиталистической системы после второй мировой войны отпало одиннадцать государств с населением более 700 миллионов человек... Кончился многолетний период существования СССР как единственной в мире социалистической страны» (стр. 581).

Отношения советского правительства со странами «народной демократии» рисуются в розовом свете: «Коммунистическая партия и советское правительство в своих отношениях с народно-демократическими странами

строго придерживались принципа невмешательства в их внутренние дела» (стр. 580). Но следующая фраза опровергает утверждение о «невмешательстве»: «СССР признал народные правительства этих государств, поддерживав их политически». О том, что «народные правительства» Польши, Румынии, Болгарии, Венгрии и советской зоны Германии были созданы с помощью оккупационных советских армий, авторы Истории КПСС умалчивают. Они утверждают, будто бы в странах-сателлитах «народы получили широкие демократические права и свободы». Эти «демократические свободы» (под диктатурой местных коммунистов!) гарантировало «присутствие вооруженных сил СССР в странах народной демократии» (стр. 580). При этом, для оправдания грубого вмешательства советского правительства во внутренние дела стран между Западным Бутом и Эльбой и Балтийским и Черным морями, авторы говорят, что «Советский Союз парализовал попытки иностранных империалистов вмешаться во внутренние дела демократических государств». Интервенцией «иностраных империалистов» авторы называют протесты западных демократий против уничтожения демократических свобод и против введения коммунистических режимов в странах, оккупированных советскими армиями после второй мировой войны.

Положение в странах свободного мира авторы новой Истории КПСС изображают в мрачных красках: «Во всех империалистических странах усилилась реакционность монополистической буржуазии. Она отбросила знамя демократических свобод и стала усиленно добиваться установления своей открытой диктатуры» (стр. 583). В действительности демократический строй после второй мировой войны остался непоколебимым в Англии, США, Швеции, Норвегии, Дании, Голландии, Бельгии и был также восстановлен во Франции, Италии и Западной Германии. Заявление авторов Истории КПСС об усилении фашистских тенденций среди «монополистической буржуазии» в Западной Европе после второй мировой войны ни на чем не основано.

История КПСС приписывает правительству США козни «империалистического лагеря» против «стран социализма». Попытка Москвы и Пекина военной силой установить коммунистическую власть в Южной Корее в 1950 г. представлена как «агрессивная война против корейского народа» со стороны США (стр. 585). Американцам приписывается желание «зажечь пожар третьей мировой войны». НАТО названо «агрессивным военным блоком». Все это — дешевая пропаганда, имеющая целью повлиять на людей, мало или совсем неосведомленных в международном положении после второй мировой войны.

2. Организационная и идеологическая деятельность КПСС после войны

В третьем разделе XVI главы говорится об организационной и идеологической работе партии и приводится, в частности, сообщение о XIX съезде КПСС. Авторы учебника пишут о «восстановлении внутрипартийной демократии», но совсем упускают из виду, что XIX съезд КПСС, состоявшийся в октябре 1952 г., был созван через 13 лет после XVIII съезда. Если

съезды партии так долго не созывались, то о какой демократии в КПСС можно говорить вообще?

В том же разделе иллюстрируется дальнейшее укрепление коммунистического тоталитаризма в СССР после второй мировой войны. Все, несогласное в идейном отношении с предписаниями ЦК КПСС, должно было быть устранено и уничтожено, в частности «преклонение перед реакционной культурой Запада». Партия распространила свою мертвящую систему принудительного единообразия на все проявления духовной жизни. Всякие «отступления от марксизма-ленинизма в науке, литературе и искусстве» подлежали искоренению (стр. 603). Однако историки КПСС принуждены признать, что казенный советский патриотизм и пропаганда отрицания культурных достижений свободных стран повредили в СССР «быстрейшему использованию крупных зарубежных научных и технических открытий» (стр. 604). Это — косвенное осуждение партийного русского шовинизма, который культивировался в СССР особенно в последние годы жизни Сталина. В литературе, изобразительном искусстве, в театральном и кинематографическом творчестве историки КПСС защищают принципы «социалистического реализма». Советской литературе, в частности, ЦК КПСС предписывает определенное политическое направление, связанное с защитой «интересов государства», то есть интересов диктаторской партии (стр. 605). Утверждая необходимость партийного искусства и литературы, авторы Истории КПСС принуждены в то же время признать, что «в некоторых постановлениях ЦК содержались отдельные несправедливые и неоправданно резкие оценки творчества ряда талантливых советских работников искусства» (стр. 605). Это явление авторы объясняют влиянием «культа личности» Сталина. Отрицательное влияние этого культа сказалось также на общественных науках (стр. 606). Тем не менее «решения и мероприятия ЦК по идеологическим вопросам, несмотря на отдельные отрицательные моменты, обусловленные культом личности, имели выдающееся значение в идейной жизни партии и народа, в развитии советской культуры» (стр. 606). Следовательно, все остается по старому: тирания Сталина не повредила «строительству социализма» и его деспотизм не задержал также и развития советской культуры. Решения ЦК КПСС, в которых первое и последнее слово принадлежало Сталину, «дали, — по словам авторов нового учебника, — серьезный толчок развитию творческой мысли в науке» (стр. 607).

3. Вопрос о «культе личности» Сталина

Заказчики новой Истории КПСС вовсе не собираются совершенно устранить культ личности Сталина. Это видно из изложения речи диктатора на заключительном заседании XIX съезда КПСС. Сталин говорил, что принципы равноправия людей и наций, знамя демократических свобод и национальной независимости защищают коммунистические партии (стр. 609). Приводя эти слова, авторы Истории КПСС с глубоким уважением говорят о Сталине по случаю его смерти (стр. 610).

К вопросу о «культе личности» Сталина авторы Истории КПСС возвращаются также на стр. 643—645. Почтение, часто оказываемое Сталину в новой Истории КПСС, убеждают нас в том, что обличительная речь, на-

правленная против Сталина, которую Хрущев произнес на закрытом заседании XX съезда КПСС в ночь с 24 на 25 февраля 1956 г., не была его личным делом и не была предпринята по доброй воле. Следует заметить, что Хрущев, воспитанный в системе самовластия Сталина, стремился после смерти диктатора занять его место в партии и в государстве. Поэтому он постарался устранить от влияния в партии в первую очередь своего наиболее опасного соперника Маленкова и удалить его с поста председателя Совета министров СССР. Однако до XX съезда КПСС Хрущев не отмежевывался от политики Сталина и превозносил умершего вождя КПСС. Например, предлагая кандидатуру Булганина на пост председателя Совета министров вместо отставленного Маленкова, Хрущев на заседании Верховного Совета 8 февраля 1955 г. назвал Булганина достойным учеником великого Ленина и одним «из ближайших соратников продолжателя дела Ленина — И. В. Сталина» («Правда», 9 февраля 1955).

Хрущев, как первый секретарь ЦК КПСС, не собирался упразднить культ личности Сталина: наоборот, он дал возможность переиздать осенью 1955 г. «Краткий курс» истории ВКП(б), в котором особенно ярко проявляется поклонение Сталину. День рождения Сталина — 21 декабря — был отмечен в 1955 г. в советской прессе с глубоким уважением к умершему. Это было почти накануне XX съезда, где Хрущев произнес свою обвинительную речь. Например, в «Известиях» от 21 декабря 1955 г. на первой странице помещена большая фотография Сталина, а на второй странице, в статье «Великий продолжатель ленинского дела», между прочим сказано: «Отмечая 76-ю годовщину со дня рождения И. В. Сталина, советский народ с огромной благодарностью вспоминает заслуги верного ученика и продолжателя дела великого Ленина перед партией, перед Родиной. Сталин честно служил нашему народу и снискал всеобщее уважение трудящихся. Он был неутомимым организатором, крупнейшим теоретиком и пропагандистом марксизма-ленинизма, страстным борцом за счастье трудящихся, за мир и дружбу между народами».

В этой же статье имя Сталина упоминается рядом с именами Маркса, Энгельса, Ленина. Без ведома и согласия Хрущева, в то время уже первого секретаря ЦК КПСС, подобные статьи, прославляющие Сталина, не могли бы появиться в советской прессе. И трудно себе представить, чтобы Хрущев, прославляя Сталина в речах и в советской прессе, в то же время готовил свой предстоящий доклад на XX съезде КПСС, в котором он представил Сталина как жестокого изверга, труса, человека недалекновидного в международной политике, невежественного и безответственного в военном деле и т. д.

Как первый секретарь ЦК КПСС, Хрущев хотел расширить и усилить свою личную власть до сталинских масштабов и, конечно, готовился к этому. В советской прессе по указаниям первого секретаря КПСС перед XX съездом уже создавался «культ личности» Хрущева. Эту угрозу почувствовали члены президиума ЦК КПСС. Они были против претензий Хрущева стать вторым Сталиным и приняли свои меры. Не только товарищи Хрущева в президиуме ЦК КПСС, не только маршалы советской армии, но, без сомнения, также и деятели партийного аппарата, подчиненные непосредственно Хрущеву, были встревожены его возвышением, боясь, что первый секретарь захочет идти по стопам Сталина. Грозные дни самовла-

X
ствия Сталина, когда жизнь советских граждан, не исключая и коммунистов, находилась в постоянной опасности, были свежи в памяти каждого.

Открытие съезде 14. 2. 1956 г. и вступительные слова Хрущева, предложившего почтить память Сталина вставанием, вовсе не предвещали, что через 10 дней Хрущев произнесет свою обличительную речь. В отчетном докладе ЦК КПСС Хрущев посвятил Сталину целый абзац, который свидетельствует о его преданности умершему диктатору и о высокой оценке Хрущевым роли Сталина, как знаменосца «марксизма-ленинизма». Хрущев сказал: «Вскоре после XIX съезда партии смерть вырвала из наших рядов Иосифа Виссарионовича Сталина. Враги социализма рассчитывали на возможность растерянности в рядах партии, раздоров в ее руководстве, колебаний в проведении ее внутренней и внешней политики. Однако эти расчеты провалились. Коммунистическая партия еще теснее сплотилась вокруг своего Центрального Комитета, еще выше подняла всепобеждающее знамя марксизма-ленинизма.» («Правда», 15 февраля 1956). Только в одном месте своего доклада Хрущев сделал намек на «культ личности» Сталина, сказав, что «ЦК решительно выступил против чуждого духу марксизма-ленинизма культа личности». Почувяв, что, в связи с его притязаниями на власть, на съезде создалась неблагоприятная атмосфера, Хрущев выразил в отчетном докладе свою преданность принципу «коллективного руководства».

Решительную атаку на XX съезде против сталинских приемов первым начал Микоян. Он сказал: «В течение примерно 20 лет у нас фактически не было коллективного руководства, процветал культ личности..., и это, конечно, не могло не оказать крайне отрицательного влияния на положение партии и на ее деятельность» («Правда», 18 февраля 1956). За Микояном последовали и другие участники съезда, например, Панкратова, профессор истории, затем известный писатель Шолохов и другие. Повидимому, Хрущев понял «веяние времени» и сам решил присоединиться к критикам Сталина. Его доклад на закрытом заседании не мог быть составлен им самим в короткое время, во время съезда. Следует считать, что этот доклад был составлен задолго перед XX съездом выдающимися членами партии, не желавшими повторения режима, подобного сталинскому. Хрущев, согласившись прочесть на съезде доклад о «культе личности» Сталина, внес в него некоторые изменения, чтобы выгородить себя, избавиться от обвинений за соучастие в преступлениях Сталина. Это касается, например, ликвидации секретаря Коммунистической партии Украины Станислава Косиора, который погиб во время чисток в 1937 г. В комиссии по чистке партии, посланной из Москвы на Украину, состояли Молотов, Ежов и Хрущев. Вот почему Хрущев в докладе на закрытом заседании XX съезда три раза упомянул имя Косиора и говорил о его гибели как о примере незаконных действий Сталина, приписывая одновременно казни невинных людей козням Берия и Ежова. Интересно отметить, что даже в «Истории Украинской Советской Социалистической Республики» (т. II, стр. 432, изд. 1958 г., Киев) между жертвами «преступной своры агента международного империализма Берия» на первом месте стоит имя Косиора. Берия не имел, конечно, отношения к ликвидации Косиора и других: этим делом занималась специальная комиссия по чистке партии, к которой принадлежал Хрущев.

Целью дискуссии о «культе личности» на XX съезде, как объясняют авторы нового учебника истории КПСС, было создание «прочных гарантий

того, чтобы впредь в партии и стране никогда не возникали подобные явления, чтобы руководство партии осуществлялось на основе принципа коллективности, правильной, марксистско-ленинской политики, при активном участии миллионов трудящихся» (стр. 643).

Конечно, партийная диктатура исключает активное участие населения в управлении государством. Поэтому приведенная фраза отражает лицемерие ее заказчиков. Но, повидимому, рядовым членам КПСС, которые тоже не решают вопросов политики, а только слушают доклады и исполняют решения ЦК, хочется быть хотя бы пассивными участниками в политической жизни: чтобы ЦК партии время от времени обращался к ним за одобрением своих планов и постановлений. Каждый знает, что возражать против решений ЦК партии опасно и при секретаре Хрущеве, но все же партийцы могут ощущать своего рода моральное удовлетворение, что к ним обращается ЦК за одобрением своих решений. Сталин, как известно, и этого не делал, действуя единолично, по своему произволу.

Критикуя «культ личности» Сталина, авторы Истории КПСС находятся в очень затруднительном положении. Они приписывают возникновение и развитие этого культа пребыванию советского государства «в определенных конкретно-исторических условиях». Эти условия требовали от партии «железной дисциплины, неустанного повышения бдительности, строжайшей централизации руководства» (стр. 644).

Как известно, Ленин считал, что личная диктатура не противоречит существу советской демократии; поэтому авторы Истории КПСС имеют основания утверждать, что Сталин, находясь на посту генерального секретаря ЦК партии, «активно боролся за претворение в жизнь ленинских заветов» (стр. 644). Так как коммунистическая партия одержала выдающиеся «победы» в разных областях внутренней и внешней политики, создавался авторитет ее вождя — Сталина. Но поскольку у Сталина были «некоторые отрицательные личные качества», то «он уверовал в свою собственную непогрешимость, стал поощрять возвеличивание себя». «Ошибки и недостатки», возникшие вследствие культа личности Сталина, «тормозили развитие советского общества, причиняли ему большой ущерб, мешали развитию творческой инициативы масс» (стр. 645). И все же «ошибки и недостатки» (так мягко авторы Истории КПСС называют жестокую тиранию Сталина, погубившего миллионы невинных людей) «не могли изменить и не изменили глубоко демократического, подлинно народного характера советского строя. Политика, проводимая партией (то есть, самим Сталиным. — П. Ф.), была правильной, она выражала интересы народа». И наконец: «И. В. Сталин сделал много полезного для Советской страны, для КПСС, для всего международного рабочего движения».

Таким образом, вопрос о Сталине решен окончательно: не система диктатуры, «неограниченной никакими законами» (определение Ленина), породила тиранию Сталина, а только его «отрицательные личные качества».

Вдумчивый читатель Истории КПСС может, однако, задать вопрос: почему «отрицательные личные качества» государственных деятелей демократических стран (а такими качествами обладают, несомненно, многие политические вожди) не приводят к террору и физическому истреблению инакомыслящих. Значит, — в демократических государствах существуют г а р а н т и и, не позволяющие «отрицательным личным качествам» поли-

X
тических вождей проявиться и угрожать свободе и самой жизни граждан. Этих гарантий в коммунистическом государстве нет и быть не может.

4. Проблема создания «мировой системы социализма»

В четвертом разделе XVI главы рассматриваются вопросы «укрепления содружества социалистических стран» и «образования мировой системы социализма». Не только правительство Мао Цзэ-дуна заявило, что полуфеодалный Китай, по примеру СССР, делает прыжок «из царства необходимости в царство свободы», но и президент высоко-индустриальной Чехословакии сказал на XIX съезде КПСС: «Мы приходим к вам учиться тому, как строить социализм» (стр. 611). Москва становится, таким образом, «Меккой» для коммунистических партий всего мира.

Авторы Истории КПСС утверждают, будто бы «был создан на основе полного равноправия, взаимной выгоды и товарищеской взаимопомощи новый тип экономического сотрудничества между СССР и народно-демократическими странами» (стр. 612). Фактически, однако, создалась система эксплуатации стран «народной демократии» советским правительством в различных формах «смешанных обществ» (советско-румынских, советско-венгерских и т. д.), причем львиную долю прибылей присваивает себе советское правительство. Авторы также утверждают: «Мировая система социализма представляет собой совокупность национальных социалистических хозяйств независимых и суверенных государств» (стр. 613—614). Однако коммунистическая Югославия, как независимое государство, не согласилась быть объектом советского колониализма, и это, по приказу Москвы, вызвало бешеную травлю руководства коммунистической партии Югославии со стороны всех «народных демократий». «Титоизм» был провозглашен «исчадием фашизма», и коммунистическая партия Югославии, по велению Сталина, была исключена из Коминформа в 1948 г. Руководство Коммунистической Партии Югославии, по словам авторов учебника, «шаг за шагом отходило от принципов пролетарского интернационализма, скатывалось на позиции национализма» (стр. 614). «Национализм» югославских коммунистов состоит только в том, что они отказались подчиняться указаниям Москвы. Не имея своих войск на территории Югославии, советское правительство не было в состоянии, не рискуя большой войной, принудить коммунистическую партию Югославии к послушанию.

После неудачной попытки расширить территорию Советской империи путем присоединения к ней и Югославии, советское правительство после смерти Сталина пробовало все же наладить с Югославией нормальные отношения. Об этом лаконически сказано на стр. 614, причем кампания, начатая по инициативе Сталина против руководителей коммунистической партии Югославии, приписывается «враждебной деятельности Берия». Таким образом Сталин получил в Истории КПСС новое «отпущение грехов».

VII. ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В 1953—1958 гг.

1. Агрессия в Южной Корее

В главе XVII дается обзор политики советского правительства в 1953—1958 гг. Говоря о международном положении в этот период, авторы повторяют вымысел, будто война в Корее была вызвана «американскими империалистами». При этом совершенно умалчивается, что агрессия корейских коммунистов и китайских «добровольцев» в Южной Корее была инспирирована, а затем поддержана советским правительством и дипломатически, и материально. Авторы учебника замалчивают, кроме того, тот особенно показательный факт, что оборона свободной части Кореи против коммунистических агрессоров была организована Объединенными Нациями, привлечшими к этому со всех концов мира войска различных свободных государств.

Так как попытка коммунистов захватить всю Корею не удалась, Москва и Пекин принуждены были согласиться на предложенные им мирные условия. Авторы Истории КПСС приписывают заслугу ликвидации Корейской войны «последовательно миролюбивой политике Советского Союза, Китайской Народной Республики и всего лагеря социалистических государств» (стр. 617).

Советское и китайское коммунистические правительства склонились к миру в Корее не потому, что «захватнические планы американского империализма в этом районе потерпели провал» (стр. 618), а по той причине, что всему миру все яснее становилась агрессивная политика коммунистического блока, а это вредило большевистской пропаганде, особенно в нейтральных странах.

2. Пропаганда «освобождения колониальных народов»

Авторы Истории КПСС пытаются использовать для своей пропаганды освобождение отдельных колониальных народов Азии и Африки от иностранного владычества. При этом, выражая сочувствие народам бывших колоний, создавших независимые государства, авторы нового учебника бросают обвинения по адресу США, например: «Народам, завоевавшим независимость, приходится отстаивать ее не только от старых колонизаторов — Англии и Франции. Все чаще они вынуждены защищаться от колониализма США, выступающих в качестве главной опоры колониальной системы империализма, основного носителя колониального и расового гнета» (стр. 621). Наряду с этими пропагандными заявлениями по адресу США, авторы Истории КПСС изображают политику советского правительства по отношению к народам Азии и Африки, освобождающимся или освободившимся от колониального подчинения, как преисполненную самого бескорыстного альтруизма: «СССР помогает им (новым государствам Азии и Африки. — П. Ф.) на началах полного равноправия, невмешательства в их внутренние дела, без предъявления каких бы то ни было политических или военных условий. Характер этой помощи является полной противоположностью кабальным началам, на которых основана так называемая помощь США и других колонизаторов» (стр. 621).

Политические цели, которые преследует советское правительство, помогая отсталым странам, однако, вполне ясны: возбудить к себе симпатию народов недоразвитых стран, усыпить их бдительность в отношении коммунистической инфильтрации и советского империализма. Политика «рублевого наступления» на недоразвитые страны ведется очень искусно, причем руководству КПСС часто удается благодаря своей помощи народам Азии и Африки скрыть от них национальное угнетение и низкий уровень жизни трудящихся масс в СССР. Политическая внешняя экспансия советского правительства идет по стопам царского режима: «Государство пухло, а народ нищал», — писал об этом в свое время русский историк В. О. Ключевский.

3. Подавление Венгерского восстания

Изображая в привлекательном свете политику советского правительства в отношении народов Азии и Африки, авторы Истории КПСС не могли обойти молчанием восстание венгерского народа против советской оккупации в октябре—ноябре 1956 г. Это восстание авторы объясняют интригами «реакционных империалистических кругов, главным образом Соединенных Штатов Америки», и называют его «контрреволюционным мятежом», хотя во главе восстания стояли венгерские коммунисты (Имре Надь, Малатер и другие). Авторы называют также восстание венгерского народа против советских оккупационных сил «империалистической агрессией» (стр. 624). Так как западные великие державы не послали своих армий для защиты Венгрии и свободный мир ограничился протестами против советского насилия, получается, что маленькая Венгрия предприняла «империалистическую агрессию» против огромного СССР.

Участие советской армии в подавлении Венгерского восстания авторы учебника объясняют следующим образом: «Советский Союз по просьбе правительства Венгрии, выполняя свой интернациональный долг, оказал действенную помощь братскому венгерскому народу в ликвидации контрреволюционного мятежа» (стр. 624). Таким образом, преступление советских агрессоров по отношению к Венгрии, стремившейся освободиться от иностранной власти, превращено в Истории КПСС в «благодетяние», совершенное для венгерского народа.

В том же духе коммунистической «диалектики» в Истории КПСС представлена политика советского правительства в отношении Западного Берлина, который Москва стремится изъять из под контроля великих держав и подчинить марионеточному правительству советской зоны Германии, называемой «Германской Демократической республикой».

Международную политику советского правительства авторы учебника считают «проникнутой гуманизмом и миролюбием» (стр. 626).

4. Проблемы внутренней политики СССР

Во втором разделе XVII главы рассматриваются проблемы внутренней политики советского руководства. Н. С. Хрущев, избранный в сентябре 1953 г. на должность первого секретаря ЦК КПСС, представлен в привле-

кательном свете: его деятельность преисполнена забот о повышении продуктивности сельского хозяйства, о пробуждении «творческой инициативы масс», о развитии техники, о борьбе с «культом личности» Сталина, о восстановлении ленинских «норм партийной жизни, прежде всего принципа коллективности» и т. д. (стр. 629). Это описание «нового царствования» напоминает дух учебников истории монархических государств прежних времен, в которых обыкновенно изображались общий упадок — политический, хозяйственный, культурный и моральный — при умершем монархе и достижения в результате правления нового монарха. При этом конец царствования нового монарха снова описывался в мрачных красках, чтобы облегчить его наследнику возможность проведения благодетельных реформ и достижения очередных «успехов».

Следует отметить некоторое изменение тактики нового руководства КПСС в вопросах сельского хозяйства, попытку, в частности, увеличить продуктивность колхозов, исходя из личной заинтересованности земледельцев. Чтобы придать бóльший вес подобной «системе мероприятий», на стр. 632 приводится соответствующая цитата из сочинений Ленина. Упоминание о личном интересе, личной заинтересованности через 40 лет после установления диктатуры коммунистов в СССР должно вызвать вопрос: как могло случиться, что «в стране построенного социализма» партийное руководство не обращало до сих пор внимания на личную заинтересованность трудящихся? Следовательно, так называемое «социалистическое государство» обращалось с личными интересами трудящихся самым бесцеремонным образом (то есть, забирало себе «прибавочный продукт», оставляя эксплуатируемым массам лишь самый необходимый минимум для существования). Особенно примечательно в этом пренебрежении диктаторской власти к личным интересам трудящихся, что во всем учебнике истории КПСС нет ни слова о праве эксплуатируемых граждан «социалистического государства» защищать свои интересы протестами, стачками, организованными действиями профессиональных союзов. Вся «творческая инициатива масс» должна проявляться в покорном выполнении приказаний партийного начальства, а о личной заинтересованности трудящихся могут свободно рассуждать только коммунистические вожди.

В связи с планом увеличения производства хлеба, намеченным руководством КПСС, в новом учебнике говорится о «громадном подъеме трудовой активности и инициативы народных масс» в 1956 г., когда советское правительство решило освоить «не менее 28—30 миллионов гектаров новых земель». Действительность показала, что этот план Хрущева был далек от реальности: засухи в Казахстане свели на нет план «крутого подъема» сельского хозяйства. Катастрофический провал этого плана усугубляется еще тем, что эрозия почвы, вызванная использованием целинных земель в полупустынных областях Казахстана, является угрозой и для земледелия в европейских областях СССР. Массы пыли, возникшие вследствие эрозии, были принесены сильными бурями весной 1960 г. в южные европейские республики СССР и достигли даже Румынии, Болгарии и Югославии.

«Чтобы непрерывно повышать материальное благосостояние населения, партия поставила задачу увеличить обеспеченность трудящихся наряду с продовольственными и промышленными товарами», — сказано на 635 стр.

Истории КПСС. Эти слова характеризуют отношение диктаторской партии к народным массам: они должны пассивно принимать «благодеяния» власти и беспрекословно переносить возникшие по ее вине бедствия и лишения. Для самостоятельности подвластного диктатуре КПСС населения места нет.

5. XX съезд КПСС

В третьем разделе XVII главы описан XX съезд КПСС, которому придается «историческое значение». Как это было и в дискуссиях, и решениях предыдущих съездов, XX съезд подтвердил «уверенность коммунистов в победе социалистического способа производства в соревновании с капиталистическим» (стр. 638). Как преимущества советского «социализма» над «загнившей капиталистической системой» авторы приводят «высокие темпы роста промышленного производства в социалистических странах» (стр. 638). Если понимать социализм (от слова *socius* — товарищ) как систему народного хозяйства, направленную к полному удовлетворению потребностей членов человеческого общества на основе свободы и равенства, то советский «социализм» совершенно противоречит тому, что имели в виду теоретики и пропагаторы социализма. Можно говорить о советском хозяйственном строе как о национализированной экономике, подчиненной решениям диктаторской партии. В свое время Ф. Энгельс писал, что государственные железные дороги в Германской империи не сделали Бисмарка социалистом, как не были социалистами император Наполеон или Меттерних, введшие, первый — во Франции, а второй — в Австрии, табачные монополии (F. Engels, Herrn Eugen Dühring's Umwälzung der Wissenschaft, Zürich 1886, S. 265).

Знаменательно, что в описании успехов «социалистического способа производства» в советском государстве авторы Истории КПСС редко упоминают о социальных выгодах для трудящихся. Правда, говоря о «загнивании капиталистической системы» (стр. 638), они избегают пользоваться формулой К. Маркса об «обнищании пролетариата» в капиталистических странах. Это и понятно: в странах свободного мира в XX веке значительно повысилось благосостояние народных масс, чего не могут отрицать и авторы нового учебника. Но они не могут сказать, что положение трудящихся в СССР настолько улучшилось, что его можно поставить на уровень жизни населения в высоко развитых странах Запада. В этом смысле хозяйственный строй в высоко развитых странах свободного мира гораздо более социален, чем советская система государственной экономики, так как он обеспечивает удовлетворение потребностей широких народных масс несравненно полнее, чем это наблюдается в СССР.

В Истории КПСС дана ревизия известного тезиса Ленина о неизбежности войн в эпоху империализма. Этот тезис XX съездом КПСС отвергнут. Съезд «сделал вывод о реальной возможности предотвращения войн в современных международных условиях» (стр. 639). Отклонение тезиса Ленина о неизбежности войн мотивируется в Истории КПСС тем, что в настоящее время во всем мире существуют «мощные общественные и политические силы», способные предотвратить войну. По существу, однако, не это стало причиной отклонения ленинского тезиса, а нечто другое: военная техника, термоядерное оружие с его разрушительной силой принудили ру-

ководителей КПСС к ревизии тезиса Ленина (и Сталина) о неизбежности (а в определенных условиях желательности) «войн в эпоху империализма».

Другой ревизией ленинизма явился сформулированный на XX съезде взгляд на возможность мирного перехода «от капитализма к социализму» (то есть — о переходе власти в свободных государствах к коммунистической партии). Говоря о завоевании прочного большинства в парламенте каждой свободной страны, авторы нового учебника решительно, однако, отмежевываются от партий демократического социализма, членов которых они называют «реформистами». Этим партиям История КПСС объявляет непримиримую войну: «С реформистами должна вестись решительная борьба, как с защитниками капиталистического строя» (стр. 640).

Излагая постановления XX съезда, авторы упоминают «принципиальные указания по вопросам национальной политики» (стр. 646). В общих чертах они говорят о необходимости «выработки новых форм государственного управления хозяйством, которые правильно сочетали бы централизованное руководство и самостоятельность республик» (стр. 646). Эту задачу XX съезд наметил, но решить ее в условиях диктатуры невозможно. Очевидно, народы СССР, стремящиеся к «самостоятельности», в первую очередь хотят освободиться от «централизованного руководства» Москвы, подобно всем колониальным народам, стремящимся освободиться от «централизованного руководства» метрополий.

6. «Развитие социалистической демократии» в СССР

В четвертом разделе XVII главы говорится о «развитии социалистической демократии» в Советском Союзе после XX съезда. К этому «развитию» авторы нового учебника относят также «социалистическое соревнование», связанное с досрочным выполнением шестой пятилетки. Надо помнить, однако, что соревнования в СССР не являются результатом свободного волеизъявления трудящихся, а диктуются принудительными резолюциями, составленными партийными организациями. Никто не решается отказаться от участия в соревновании, опасаясь репрессий со стороны властей.

На стр. 647 упоминается о «широком движении» в СССР, вызванном желанием «в ближайшие годы догнать и перегнать США по производству молока, масла и мяса на душу населения». Естественно, что сельское хозяйство СССР должно стремиться достигнуть более высокой производительности, чтобы вполне удовлетворять потребности населения страны. Однако решение партии «догнать и перегнать США» является пока лишь не более, как пожеланием. В США только 12% населения занято в сельском хозяйстве, в СССР — 45%. Сельское хозяйство США удовлетворяет не только потребности населения страны, но имеет огромный избыток продуктов питания. Если сельское хозяйство Советского Союза достигнет уровня США, то советскому правительству придется бороться с перепроизводством продуктов питания, которые само население СССР целиком использовать не сможет. Поэтому слова «догнать и перегнать США» являются лишь демагогической пропагандой.

7. Оппозиция деятелей советской культуры

Критика «культа личности» Сталина на XX съезде КПСС отозвалась на настроении деятелей советской культуры. В результате наступившей на короткое время в СССР «оттепели», научные работники, писатели, критики, художники начали отходить от мертвящей системы «социалистического реализма» и даже «отрицать необходимость руководящей роли партии в идеологической области. Раздавались голоса против партийности и идейности в науке, литературе и искусстве, против связи их с назревшими задачами коммунистического строительства» (стр. 648—649). Эта оппозиция деятелей культуры против партийного тоталитаризма, стремление к свободе научного исследования и независимости художественного творчества вызвала со стороны ЦК КПСС решительный отпор. «Партия, ее Центральный Комитет провели большую работу среди деятелей науки, литературы, искусства, разъясняя им сущность марксистско-ленинской идеологии. Партия еще раз убедительно показала, что единственное средство подлинного расцвета советской культуры — связь ее с жизнью, служение делу народа, строительству коммунизма» (стр. 649). Здесь словами о «связи с жизнью», о «служении народу» заслоняется основное требование партии к деятелям культуры: безусловное служение диктатуре партии, ее задачам. Только теперь, вместо Сталина, законодателем «социалистического реализма» в творчестве стал Хрущев. Авторы Истории КПСС, однако, не упоминают почему-то об известной директиве Хрущева творческим работникам СССР — «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа», опубликованной в «Правде» от 28. 8. 1957 г. Тон и содержание этой директивы ничем не уступают соответствующим выступлениям Сталина.

8. Новые обязанности профессиональных союзов СССР

На стр. 652 Истории КПСС говорится об оживлении работы профсоюзов в СССР на основании решений декабрьского пленума ЦК КПСС в 1957 г. Как известно, при Сталине еще перед второй мировой войной профсоюзы замерли и даже возник вопрос об их ликвидации. Война поставила перед профсоюзами новые задачи, в частности опекать инвалидов, семьи призванных в армию и т. д. После войны советские профсоюзы понадобились руководству КПСС для связи с профессиональным движением стран свободного мира, чтобы подчинить это движение воле Москвы. После XX съезда, по постановлению ЦК КПСС «на профессиональные союзы СССР возложены большие обязанности по вовлечению масс в управление производством, по дальнейшему улучшению социалистического соревнования, мобилизации рабочих и служащих на выполнение и перевыполнение государственных планов, повышению производительности труда, совершенствованию методов управления предприятиями и стройками» (стр. 652). Из этого перечня новых обязанностей, «возложенных» на профсоюзы партией, ясно, что они являются частью государственной машины, призванной содействовать усилению эксплуатации трудящихся. Правда, авторы учебника отмечают, что профсоюзам «предоставлено право участвовать в разработке промфинпланов предприятий, в решении вопросов нормирования труда и в организации заработной платы, осуществлять контроль за со-

блюдением трудового законодательства». Это «право», однако, весьма проблематично: ведь и промышленностью, и профсоюзами управляет партия, которая интересы промышленности всегда ставила и ставит выше «личных интересов» трудящихся. То же касается и заявления авторов, что «увольнение рабочих и служащих может производиться лишь с согласия фабрично-заводских и местных комитетов» (стр. 653). Поскольку фабрично-заводские комитеты как и промышленные предприятия находятся в руках партии, трудно предположить, чтобы она стала защищать интересы рабочих в ущерб промышленности.

9. Характеристика деятельности «антипартийной группы»

Весьма примечательна в новом учебнике характеристика деятельности «антипартийной группы» Маленкова, Молотова и Кагановича. Расправа Хрущева и его единомышленников со своими противниками в партии отличается в методах от расправы Сталина над оппозиционерами Троцким, Бухариным, Зиновьевым и др. Сталин объявлял всех, несогласных с ним, «агентами капитализма», «шпионами фашизма» и т. д., не давая им возможности защищать свои взгляды. Хрущевское руководство избегает таких резких определений, но все же не позволяет противникам, как это было, в частности, с членами «антипартийной группы», свободно изложить свои взгляды в советской прессе или с трибуны партийного съезда.

Авторы Истории КПСС тенденциозно излагают взгляды «антипартийной группы» Молотова, Кагановича и др. Членам этой группы приписываются все возможные грехи: они будто бы были «против борьбы с бюрократизмом», не признавали «необходимости усиления материальной заинтересованности колхозного крестьянства в расширении сельскохозяйственного производства» и даже были «против движения», направленного к тому, чтобы догнать и перегнать Америку в производстве сельскохозяйственных продуктов, и т. д. Чтобы окончательно «добить» эту группу, стремившуюся овладеть партийной машиной, хрущевское руководство выдвинуло против ее членов испытанное во времена Сталина обвинение: «Безжизненный подход к марксизму-ленинизму» (стр. 656). Эта фраза содержится в резолюции пленума ЦК КПСС, напечатанной в «Правде» от 14 июля 1957 г.

Та же судьба постигла и министра обороны маршала Жукова. По уверению авторов Истории КПСС, он «нарушил ленинские принципы руководства вооруженными силами СССР», ограничивая контроль партии над армией и способствуя культу собственной личности (стр. 657). Однако в свое время на закрытом заседании XX съезда КПСС Хрущев неодобрительно упоминал об умалении, по инициативе Сталина, роли Жукова во второй мировой войне. Теперь это сталинское оружие, только в несколько иной форме, Хрущев сам употребил против того же Жукова.

VIII. ИТОГИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КПСС ЗА СОРОК ЛЕТ

1. «Механизм диктатуры пролетариата»

В пятом разделе XVII главы рассматриваются итоги деятельности КПСС за 40 лет. Авторы утверждают здесь, что «партия выработала ме-

ханизм диктатуры пролетариата...» «Через советы она обеспечила реальное и непосредственное участие каждого трудящегося в управлении страной» (стр. 660). В действительности, как мы не раз указывали выше, советы были с самого начала диктатуры коммунистов орудием партии. «Власть советов» была и остается псевдонимом партийной диктатуры, и слова о «реальном и непосредственном участии каждого трудящегося в управлении страной» являются лишь пропагандой «на экспорт».

«В СССР, — как говорят авторы учебника, — было построено социалистическое общество... Все богатства страны находятся в собственности народа. Никто не может присвоить себе результаты труда другого человека» (стр. 661). Фактически, однако, все богатства страны находятся в распоряжении «нового господствующего класса» — коммунистической бюрократии, которая присваивает себе результаты труда рабочих и крестьян.

Дальнейшее прославление достижений режима партийной диктатуры в СССР идет в том же духе. Утверждается, например, будто КПСС добилась создания «реального народовластия» в Советском Союзе; что «ни в одном буржуазном государстве народ не имеет и не может иметь действительных прав и свобод. В капиталистических странах выборы в парламенты организованы таким образом, что в них попадают только представители буржуазии или же им обеспечивается подавляющее большинство» (стр. 662). Очевидно, социалистическое большинство в некоторых парламентах Западной Европы и социалистическую оппозицию во многих парламентах мира авторы считают «представителями буржуазии».

Существующий в СССР строй в учебнике именуется «социалистической демократией». Якобы осуществленная в Советском Союзе, эта «социалистическая демократия» обеспечивает всем гражданам советской страны действительную свободу слова, печати, собраний, митингов и манифестаций» (стр. 662). Но, если даже Молотову, Кагановичу, Маленкову, Булганину и другим выдающимся коммунистам большинство ЦК КПСС не разрешило высказать и защищать свои взгляды публично, то о какой свободе слова, печати и собраний в СССР можно говорить вообще? Знаменательно, что в перечне демократических «свобод», якобы гарантированных «всем гражданам советской страны», не упомянута свобода для создания обществ и организаций, независимых от коммунистической партии. Основным признаком демократии — это право населения создавать оппозиционные партии для защиты взглядов, противоречащих правительственным. Роза Люксембург, критикуя партийную диктатуру Ленина в 1918 г., правильно указала, что основной чертой демократии является свобода для оппозиции (Russische Revolution, Berlin 1922). В СССР свободой пользуются только члены правящей группы КПСС, и то с оглядкой на первого секретаря ЦК.

Рекламируя существующий режим в СССР, авторы Истории КПСС утверждают также: «Советский народ является единственным хозяином своей страны» (стр. 662). Для доказательства этого они указывают на то, что «советы избираются на основе всеобщего, равного, прямого избирательного права при тайном голосовании». Надо бы только прибавить к приведенным словам, что списки кандидатов при выборах составляются комитетами коммунистической партии и ни один кандидат, неудобный партии, не имеет шансов попасть в список. Иными словами, советы, избранные на основе этого «демократического закона», остаются попрежнему орудием диктаторской партии.

2. Достижения советской власти за 40 лет

Перечисляя достижения советской власти за 40 лет, авторы Истории КПСС приводят цифры роста добычи угля, железа, стали в 1957 г. Нет только данных о производстве товаров широкого потребления. Потребности населения — это второстепенный вопрос для советского правительства.

О крестьянстве после 40-летнего режима партийной диктатуры в Истории КПСС сказано: «Партия решила крестьянский вопрос и на основе перехода от индивидуального хозяйства к коллективному впервые в истории привела крестьян к счастливой жизни» (стр. 663). При этом утверждается, что в СССР «были организованы на основе добровольного объединения крестьян крупные коллективные хозяйства». Эти слова вновь противоречат фактам. Миллионы крестьян, сопротивлявшихся принудительной коллективизации и погибших от террора и голода в лагерях принудительного труда, — молчаливые свидетели фальшивости этой циничной пропаганды.

На стр. 664—665 нового учебника говорится о «достижениях» советского правительства в решении национального вопроса в СССР. Здесь утверждается, будто бы руководство КПСС обеспечило народам СССР свободу, национальную независимость, «а также фактическое экономическое равенство». «Самостоятельность» народов Советского Союза существует, однако, только на бумаге. Правительства отдельных «национальных республик» беспрекословно выполняют приказы Москвы, так как назначаются эти правительства ЦК КПСС. Утверждение об экономическом равенстве народов СССР является просто грубым вымыслом. Бюджеты союзных республик утверждает сначала Верховный Совет СССР, и лишь затем эти бюджеты формально «утверждаются» Верховными Советами отдельных республик. Не было и не может быть случая, чтобы Верховный Совет какой-либо союзной республики отверг свой бюджет, предписанный Москвой. Это и понятно. Ведь в 19-й статье Конституции СССР сказано: «Законы СССР имеют одинаковую силу на территории всех союзных республик». А в статье 20-й той же конституции подчеркнуто: «В случае расхождения закона союзной республики с законом общесоюзным, действующим является общесоюзный закон».

Утверждение авторов Истории КПСС, будто бы «партия обеспечила все-стороннее развитие культуры, национальной по форме и социалистической по содержанию», тоже не соответствует действительности. Чем далее, все больше происходит вытеснение, ограничение языков народов СССР в пользу русского. Политика КПСС направлена к тому, чтобы свести языки народов СССР на положение вымирающих диалектов и скорейшим путем привести к «слиянию наций» (фактически к руссификации). Поэтому в прессе, в научных книгах, в школах СССР все чаще употребляется термин «советский народ», объединяющий все народы государства.

Следует отметить, что в новом учебнике истории КПСС исключена националистическая пропаганда, обычная в изданиях, предназначенных для внутреннего употребления в СССР: пропаганда о «старшем брате» (русском народе), как защитнике и учителе всех других народов. Надо заметить при этом, что выражение «старший брат» взято из лексикона времен самодержавия.

О националистическом курсе политики Москвы по отношению к нерусским народам в новом учебнике истории КПСС ничего не упоминается, и по понятным соображениям: История КПСС предназначена не только для читателей в СССР, но и для стран всего мира. Упоминание о «старшем брате» нерусских народов СССР, обязанных восхвалять этого «старшего брата», не может вызвать сочувственного отклика в свободном мире и особенно среди пробудившихся народов Азии и Африки.

3. Новые директивы для советской исторической науки

По указанию руководства КПСС советская историческая наука отказалась от характеристики царской России как «тюрьмы народов» и после второй мировой войны стала изображать империализм царского правительства в благоприятном свете.

Завоевание царской Россией нерусских стран признано ныне в советской историографии фактом «прогрессивным», и, наоборот, движение народов, стремившихся к отделению от царской империи, считается «реакционным». Как пример решительного поворота в освещении советской исторической наукой прошлого, укажем на Шамиля, предводителя горцев Кавказа в борьбе против царской России. В «Большой Советской Энциклопедии» о Шамиле сказано: «Шамиль — вождь национально-освободительного движения горских народов Кавказа, направленного против колониальной политики царской России... Народное восстание, направленное против России и против местных владельческих сословий, было в основе своей антифеодальным» (БСЭ, 1 изд., т. 61). О том же Шамиле, в связи с новыми указаниями партийного руководства, стали писать после второй мировой войны в противоположном духе, например: «Россия объективно выполняла роль освободителя кавказских народов от жестокого гнета и произвола иранских и турецких хищников». При этом о Шамиле, героизмом которого восхищался в свое время Маркс, сказано, что ему «пришлось преодолевать упорное сопротивление народа, выражавшего симпатии к России, избавившей Дагестан от восточных насильников» («Вопросы истории», сентябрь 1950). В СССР после второй мировой войны устраиваются официальные юбилеи в честь присоединения в прошлом к Московскому Царству Украины, Башкирии и других стран и областей, причем завоевания царей именуются «добровольным объединением».

На XII пленуме Союза писателей СССР, в декабре 1948 г., содоклад о литературе Казахстана сделал Б. Горбатов. Он говорил: «Что было бы с Казахстаном, если бы он не был присоединен к России? Его проглотил бы Китай, Кокандское царство, его раздробили бы, растащили бы на части. В конечном счете он стал бы легкой добычей для английских колонизаторов». Следует по этому поводу заметить: народы, принадлежавшие к западным колониальным империям, имели возможность организовать и успешно вести борьбу за свое освобождение (Индия, Бирма, Тунис, Марокко, Гвинея, Гана и т. д.). Однако ни один народ, попавший под власть Советской империи, не смог освободиться от владычества Москвы (пример — Венгрия в 1956 г.).

Заявления авторов нового учебника истории КПСС, будто бы партия имеет «глубокое уважение ко всем большим и малым народам» и признает их национальную независимость, остаются словами без содержания. Такие

же пропагандные фразы авторы Истории КПСС повторяют, излагая принципы международной политики правительства СССР: «Взаимное уважение национального суверенитета и территориальной целостности, невмешательство во внутренние дела друг друга, равенство и взаимная выгода, отказ от войны, как орудия внешней политики» (стр. 662). Стоит только припомнить агрессию советского правительства хотя бы за последние 20 лет: нападение на Финляндию в 1939 г., нападение на Эстонию, Латвию и Литву в 1940 г., захват целого ряда «сателлитов» в Европе, а также государственные перевороты в этих странах, произведенные с помощью Москвы, — и сразу возникает перед глазами подлинная картина действительной международной политики советского правительства: насилие, интриги, интервенция, агрессия для расширения территории советской империи и для увеличения ее влияния в мире.

4. Политика «мирного сосуществования»

Авторы Истории КПСС пытаются убедить читателя в том, будто бы политика «мирного сосуществования», о которой говорит Хрущев, следует взглядам Ленина. Это не соответствует действительности. Ленину эта идея была чужда. Еще перед революцией, в январе 1917 г., Ленин писал о возможности заключения мира между воюющими государствами: «Действительный демократический мир... может быть заключен лишь при условии, что его будут заключать не теперешние и вообще не буржуазные правительства, а пролетарские правительства, свергнувшие господство буржуазии и приступившие к ее экспроприации» (В. И. Ленин, Сочинения, т. 23, стр. 202). Захватив власть в России, Ленин говорил в речи на заседании Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов: «Одной из очередных задач наших является необходимость немедленно закончить войну. Но для того, чтобы кончить эту войну, тесно связанную с нынешним капиталистическим строем, ясно всем, что для этого необходимо побороть самый капитал» (В. И. Ленин, Сочинения, т. 26, стр. 208). Таким образом, заключение мира и создание мирного сосуществования между народами отодвигается, по Ленину, до окончательной победы над «капиталом».

В 1920 г. у советского правительства возник вопрос об уступках капиталистическим государствам и о концессиях иностранным предпринимателям в России для восстановления народного хозяйства. На эту тему Ленин произнес речь на собрании актива московской организации коммунистической партии (декабрь 1920 г.) Эту речь советские пропагандисты стремятся использовать для доказательства, будто Ленин был сторонником мирного сосуществования. Вот что, однако, говорил Ленин в своей речи: «Пока мы не завоевали всего мира, пока мы остаемся с точки зрения экономической и военной слабее, чем остальной капиталистический мир, до тех пор надо держаться правила: надо уметь использовать противоречия и противоположности между империалистами» (В. И. Ленин, Сочинения, т. 31, стр. 410—411). По Ленину, советское правительство может наиболее выгодно «сосуществовать» с прочими странами мира, если эти государства будут находиться во вражде и войне между собою. «Еще более, — говорил Ленин, — нас спасло бы то обстоятельство, если бы империалистические державы оказались в войне. Если мы вынуждены терпеть таких негодяев, как ка-

питалистические воры, из которых каждый точит нож против нас, прямая наша обязанность двинуть эти ножи друг против друга. Когда два вора дерутся, честные люди выигрывают» (там же, стр. 419).

Итак, «честные люди», сидящие в советском правительстве, имеют прямую обязанность разжигать войны между другими государствами, ожидая момента такого ослабления воюющих сторон, которое позволит советскому правительству «завоевать весь мир». Как видим, авторы Истории КПСС и Хрущев напрасно ссылаются на Ленина как на сторонника «мирного сосуществования».

5. Декларация коммунистических партий мира

Пятый раздел XII главы заканчивается изложением содержания декларации коммунистических партий мира, принятой в ноябре 1957 г. на совещании в Москве. В этой декларации был осужден «ревизионизм», который проявляется в различных коммунистических партиях (стр. 673). К сожалению, авторы не выясняют, в чем существо «ревизионизма», который является «в современных условиях главной опасностью». Декларация коммунистических партий совершенно произвольно приписала ревизионистам «буржуазную идеологию», которая направлена к сохранению или восстановлению капитализма. Фактически, в странах с коммунистическими диктатурами растет недовольство, особенно среди молодежи, которая ищет новых идейных и политических путей для выхода из системы тоталитаризма. Мысль этих людей обращается к критикам большевизма, которые выступали против коммунистической диктатуры с позиций демократического социализма (Карл Каутский, Эмиль Вандервельде, Эдуард Бернштейн и др.). Близко к идеям демократического социализма подошел и Милован Джилас, оппозиционный коммунист Югославии. Ревизионизм большевизма, подчеркивающий необходимость политической и духовной свободы для прогресса народа, находит широкий отклик у населения СССР и в других странах с коммунистическими диктатурами, и это является причиной резкого осуждения ревизионизма, как главной для коммунизма опасности в современных условиях. Это только видоизмененная форма давно известного лозунга большевиков: «Социал-демократия — главный враг».

Коммунистическая партия Югославии отказалась подписать московскую декларацию, и за это авторы Истории КПСС называют югославских коммунистов «ревизионистами», противниками «ленинизма». В действительности причины расхождения коммунистической партии Югославии с КПСС лежат не в области идеологии, а в области международной политики. Правительство Югославии отказывается присоединиться к советскому военному блоку (Варшавский пакт), отстаивая свою нейтральную позицию между Западом и Востоком.

6. Экономика СССР и проблемы народного образования

Шестой раздел XVII главы посвящен экономическим вопросам СССР. Наряду с исчислением намеченного роста производства в тяжелой промышленности, в химической индустрии и в сельском хозяйстве, говорится о «неустанной заботе» коммунистической партии в отношении «повышения благосостояния трудящихся» (стр. 677). Отмечено решение ЦК КПСС «в

ближайшие пять-шесть лет в достатке обеспечить потребности населения в тканях, одежде, обуви и в других промышленных товарах широкого потребления». Авторы при этом утверждают: «Этот план реален». В доказательство реальности плана никаких данных они, однако, не приводят: сколько пар обуви, сколько миллионов метров тканей и т. д. предполагается изготовить для того, чтобы удовлетворить потребности населения. Подобные обещания со стороны правящей партии известны с первых лет коммунистической диктатуры, но они неизменно далеки от осуществления.

Относительно решения жилищной проблемы авторы Истории КПСС утверждают, что в этом направлении «сделан крупный шаг» (стр. 677). При этом они стараются свалить вину за недостаток жилищ в СССР на свергнутое в 1917 г. царское правительство: будто бы в царской России «десятки миллионов людей жили в бараках, а многие просто в землянках» (стр. 677). Это — очередное измышление. В царской России только часть рабочих крупных индустриальных предприятий жила в бараках или очень редко в землянках. Кроме того, число рабочих в царской России не превышало 4 млн. чел. Среди них было довольно много квалифицированных, хорошо оплачиваемых специалистов, имевших квартиры и собственные дома. Поэтому совершенно нелепо утверждение о «десятках миллионов людей», живших якобы в бараках и землянках. Крестьяне жили в своих избах, часто примитивно построенных, но обеспечивавших жилищную проблему лучше, чем это могла осуществить диктаторская партия на протяжении 40 лет. «Неустанная забота» коммунистической партии о благосостоянии населения СССР не дает пока ощутительных результатов. Авторы сообщают, кстати, что «предусматривается в течение ближайших 10—12 лет ликвидировать в стране недостаток в жилье» (стр. 677). Из этого видно, что «заботы партии» оставляют жилищное строительство СССР расти весьма медленным темпом.

На стр. 680 Истории КПСС изложена в общих чертах реформа народного образования в СССР, предпринятая по инициативе Хрущева и осуществленная в результате специального закона Верховного Совета СССР. В основу реформы «положен принцип соединения учебы с производительным трудом, с практикой коммунистического строительства». Фактически, реформа, установившая обязательное восьмилетнее образование и посылку детей рабочих и крестьян на производство, ограничивает возможность детям трудящихся приобрести достаточные знания для поступления в высшие учебные заведения. Среднее и высшее образование в СССР становится привилегией детей «нового класса», коммунистической бюрократии. Для последних создаются особые школы-интернаты, «суворовские училища» и т. д., по образцу закрытых привилегированных учебных заведений царской России: кадетских корпусов и институтов благородных девиц. Заявив в 1957 г. о намерении партии организовать школы-интернаты, Хрущев прямо сослался, как на образец, на закрытые учебные заведения для детей привилегированных классов времеч царского режима. Однако в Истории КПСС нет упоминания о школах-интернатах, предназначенных для детей нового правящего класса. Это умолчание очень показательное. Оно свидетельствует о том, что руководство КПСС не считает эти школы таким достижением, которым можно бы было похвалиться перед массовым читателем Истории КПСС.

В «Кратких выводах» к XVII главе перечисляются «достижения» партии в период после XX съезда КПСС, причем подчеркивается, что после построения социализма партия переходит к строительству коммунизма в СССР. Упоминается также о расширении «прав союзных республик и местных советов», но конкретных данных об этом «расширении» не приводится.

IX. СЕМИЛЕТНИЙ ПЛАН РАЗВИТИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СССР

XVIII глава посвящена семилетнему плану развития народного хозяйства СССР, который был утвержден на XXI съезде партии в феврале 1959 г. Эта заключительная глава Истории КПСС написана в панегирических тонах, причем XXI съезд назван съездом «строителей коммунизма».

В XVIII главе на первый план выдвинута личность Н. С. Хрущева. Его имя упоминается здесь 14 раз, почти соответственно числу хвалебных признаний по адресу Сталина в период культа его личности.

1. Хозяйственные достижения Советского Союза

Прославляя хозяйственные достижения СССР за 40 лет («национальный доход за время существования советской власти увеличился по расчету на душу населения в 15 раз», стр. 693), авторы Истории КПСС сообщают, что «реальные доходы рабочих и служащих увеличились в 1958 г. по сравнению с 1940 г. почти в два раза, реальные доходы колхозников по расчету на одного работающего — более чем в два раза». Если принять во внимание нищенский жизненный уровень населения СССР в 1940 году, то некоторое увеличение заработной платы может быть воспринято им с известным удовлетворением. Однако, сколь отстают жизненный уровень трудящихся СССР от уровня жизни трудящихся свободных индустриальных стран, об этом авторы Истории КПСС умалчивают. Только на стр. 698 сообщается, что партия предполагает «повысить заработную плату низкооплачиваемым рабочим и служащим в течение семилетия с 270—350 до 500—600 рублей в месяц». Покупательная ценность рубля равняется приблизительно одной десятой доллара. Основываясь на этом, читатель Истории КПСС может установить уровень жизни трудящихся в СССР.

2. Цель семилетнего плана

Целью семилетнего плана, по уверению авторов нового учебника, является осуществление коммунизма в СССР. В этот период должно произойти повышение уровня обобществления колхозов. Это значит — превращение их в «общенародную собственность», подобно государственным предприятиям — совхозам. В результате этой политики «будут постепенно стираться существенные различия между городом и деревней» (стр. 703).

3. Тезис Маркса—Энгельса об «отмирании государства»

Исповедуя на словах тезис Маркса—Энгельса об «отмирании государства» при коммунизме, авторы Истории КПСС приходят к выводу, что эта задача неосуществима до тех пор, «пока существует агрессивный империалистический лагерь» (стр. 705). Поэтому «советское государство обязано укреплять и совершенствовать свои вооруженные силы», а также «всемерно укреплять органы государственной безопасности». Иными словами, военный и полицейский аппарат должен оставаться в полной неприкосновенности и после «построения коммунизма» в СССР и даже совершенствоваться и укрепляться. Причину этого авторы Истории КПСС видят в угрозе со стороны «агрессивных империалистов». Фактически, сильный аппарат принуждения, устрашения и подавления необходим руководству КПСС для того, чтобы сохранить режим тоталитарной диктатуры, против которого выступают в той или иной форме передовые силы народов СССР. Индустриализация СССР потребовала подготовки кадров образованных людей, которые достаточно критически относятся к политике коммунистических вождей. В прошлое отходит, по выражению Лассаля, «проклятая неприхотливость» (*verdamnte Bedürfnislosigkeit*) трудящихся масс, особенно молодежи. Молодое поколение в СССР грамотно, читает, размышляет, сравнивает и ищет не только материального благополучия, но и духовной и политической свободы. Миллионы молодых людей Советского Союза в недалеком будущем будут решать судьбу советской империи. «Идеи на штык не улавливаются». Вейание свободы из стран демократического Запада (многие молодые люди в СССР знают иностранные языки и слушают радио свободного мира) проникают в гущу населения Советского Союза, и люди знают действительное положение в демократических государствах. «Преклонение перед гнилым Западом», порицаемое в резолюциях КПСС, является признаком того, что идеи свободы, правды, человечности, обычные среди народов некоммунистического мира, не в меньшей мере свойственны народам СССР. Руководители КПСС могут кичиться достижениями тяжелой индустрии или удачно запущенными спутниками земли и солнца, но их режим не способен удовлетворить духовных запросов человека. Чем больше становится число образованных людей в СССР, критически и враждебно относящихся к режиму тоталитарной диктатуры, тем сильнее руководство КПСС чувствует необходимость запугивать население Советского Союза «империалистической агрессией» (стр. 710) и «возрождением фашизма» в свободном мире (стр. 711). Этой пропагандой XXI съезд КПСС стремился привлечь в ряды коммунизма и в советский «лагерь мира» «широкие массы социал-демократических рабочих и их организации в капиталистических странах» (стр. 711). Надежда — нереальная.

4. Победа фракции Хрущева на XXI съезде КПСС

На XXI съезде КПСС победительницей оказалась фракция Хрущева. Съезд одобрил (как и не могло быть иначе) решения пленума ЦК КПСС, принятые в июне 1957 г., об «антипартийной группе Маленкова, Кагановича, Молотова, Булганина и Шепилова» (стр. 713). Эта оппозиция названа «презренной группой фракционеров и раскольников». Единство партии

восстановлено «вокруг Центрального Комитета». Так выглядит хваленая «внутрипартийная демократия», а в действительности каждый член партии должен беспрекословно выполнять веления людей, имеющих в своих руках партийный аппарат, и — «не рассуждать». В этом смысле Хрущев стоит на «ленинском пути» и действует в духе Сталина.

5. Роль Ленина и Хрущева в «творческом развитии марксизма»

В заключительной части Истории КПСС превозносится роль Ленина в творческом развитии марксизма (стр. 722), особенно «открытие В. И. Лениным советской власти как государственной формы диктатуры пролетариата» (стр. 723). Этой пропагандной фразой (о «советской власти») авторы пытаются прикрыть истинное положение вещей: тоталитарную диктатуру коммунистической партии, опирающуюся на полицейский аппарат. Для Ленина, как мы уже отметили выше, советская власть не была действительной советской властью, если в советах не диктовала свою волю партия большевиков. «Открытие» Лениным партийной тоталитарной диктатуры действительно явилось началом новой эпохи в истории человечества. Примеру Ленина последовали не только коммунисты в разных странах, но и фашисты. Оба эти течения отрицают свободу, демократию, право большинства, оппозицию, и утверждают право «активного меньшинства» владеть государством и решать в нем судьбу народа по своему произволу, не останавливаясь ни перед какими средствами для достижения и укрепления своей партийной диктатуры. Аморализм в политике — это общее, что объединяет коммунистов и фашистов в их практике. Учителем, давшим пример в этом отношении, как замечено выше, был Ленин.

В заключительной части превозносится также еще один «мыслитель и вождь», давший пример «творческого развития марксизма-ленинизма», — Н. С. Хрущев. Он, как это отмечают авторы Истории КПСС, в докладе на XX съезде выдвинул «положения о возможности предотвращения войн в нашу эпоху, о формах перехода к социализму в ряде капиталистических стран, о путях установления единства рабочего класса в капиталистических странах» (стр. 724). В докладе на XXI съезде «первый секретарь ЦК КПСС Н. Хрущев внес новый вклад в теорию научного коммунизма»: «о закономерностях перерастания социализма в коммунизм, о путях развития и сближения колхозной и общенародной социалистической собственности, о распределении материальных благ между членами общества, о политической организации общества, государственном устройстве и управлении в период развернутого строительства коммунизма». Авторы нового учебника утверждают, что доклад Хрущева на XXI съезде и решения съезда по его докладу — это «образец творческого применения и дальнейшего развития марксизма-ленинизма».

Хотя в заключительной части Истории КПСС приводятся слова Хрущева о том, что коммунисты критикуют «культ личности, как чуждый духу марксизма-ленинизма» (стр. 730), в СССР уже создан культ личности нового вождя, Н. С. Хрущева. В тоталитарной системе это — закономерное явление. Оно может иметь более или менее вредные последствия для общества, в зависимости от личных качеств диктатора, но это явление присуще диктатуре: *an absolute power corrupts absolutely* (абсолютная власть развращает абсолютно), как сказал лорд Актон.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Подробный анализ нового учебника истории КПСС требовал бы большого места. Однако и на основании приведенных цитат и критической оценки Истории КПСС можно прийти к определенным выводам. Прежде всего нужно заметить, что идея тоталитарной диктатуры коммунистической партии сама по себе не является опасностью для человечества, если она победила и осуществлена в небольшом государстве. Коммунистическая Югославия или Албания не могут стать угрозой для своих соседей. Опасной для соседей и всего мира является коммунистическая власть, восторжествовавшая в великой державе, например в России, Китае. Сочетание коммунистической мессианистической идеологии и традиционного империализма российской военной монархии в советском государстве привело к результатам, крайне опасным для свободного мира. На эту опасность в свободных странах раньше не обращали внимания, — не знали и даже не хотели как следует изучать большевистскую идеологию, образ правления в СССР и методы инфильтрации советской агентуры во все поры стран свободного мира. Перед второй мировой войной правительства государств, соседних с СССР (Польша и Румыния), усыпляли себя надеждой на «мирное сосуществование» с Советским Союзом. Захватив часть украинских и белорусских территорий после второй мировой войны и приступив к их насильственной денационализации, правительства этих стран были целиком поглощены только своими узко национальными интересами. К освободительным движениям народов СССР как в Польше и Румынии, так и в прочих странах мира относились индифферентно. Западный мир не видел грозной военной машины, созданной в годы пятилеток в СССР. Безумная политика Гитлера, имевшая целью расширение «жизненного пространства» (Lebensraum) для Германии на Востоке, привела советское правительство к союзу с демократическими государствами. Западные государственные деятели следовали иллюзиям, распространяемым коммунистической пропагандой, об «эволюции» коммунистического режима к демократии, и сделали много непоправимых ошибок, предоставив, например, Сталину возможность расширить советскую империю за счет стран, ставших «сателлитами». Незнание или недальновидность государственных деятелей Запада дали возможность советскому правительству начать производство атомных бомб, хотя каждому должно было быть ясно, что советская империя, вооруженная атомными бомбами, при агрессивной идеологии своего правительства, будет постоянной угрозой для свободных народов.

В настоящее время свободный мир находится под давлением советского блока, обладающего огромными природными ресурсами и человеческими массами. Коммунисты остаются верны агрессивной идее Ленина — всякими мерами и средствами разрушить ненавистный им «капитализм». Угрозы, время от времени повторяемые Хрущевым — «угробить» свободный мир — основаны как на сознании военно-технических успехов Советского Союза, так и на фанатичном убеждении в неминуемой победе режима, именуемого в СССР «социализмом», над иными формами человеческого бытия.

На основании анализа нового учебника истории КПСС приходим к заключению, что хозяйственное устройство, существующее в СССР, является

псевдо-социализмом. Народное хозяйство СССР находится в руках государственных чиновников, независимых от общественного контроля.

Для своей пропаганды коммунисты ловко пользуются лозунгами «социализм», «демократия» и пр., придавая этим словам совсем другое значение, чем это принято в странах свободного мира. Нельзя называть государственное хозяйство под управлением чиновников диктаторской партии в Советском Союзе «социализмом», как непозволительно принимать за чистую монету коммунистическую пропаганду о «народной демократии» и «социалистической демократии», которые будто бы существуют в странах советского блока.

То же самое относится и к «интернационализму» КПСС, который существует только как парадный лозунг для прикрытия советского империализма, колониализма, руссификации и даже физического уничтожения народов, очутившихся в границах советской империи.

Характерным для нового учебника истории КПСС является еще то, что в нем исчез лозунг борьбы против «великодержавного (русского) шовинизма», о котором, наряду с «буржуазным национализмом», упоминается в «Кратком курсе» истории ВКП(б) 1938 г. Опасностью для коммунистической диктатуры остается только «буржуазный национализм» нерусских народов, в то время как русский великодержавный шовинизм официально не признается.

В Истории КПСС нет упоминания о новом курсе в политике советского правительства в отношении языков нерусских народов. В апреле 1959 г. Верховные Советы союзных республик СССР приняли, по указанию Москвы, закон о школьном образовании. На основании этого закона, русский язык является обязательным для всех учебных заведений в каждой союзной республике, а язык местного населения (украинский, грузинский и т. д.) может и не преподаваться в школах, в которых обучение ведется на русском языке. Этот закон свидетельствует о дискриминации языков «суверенных» союзных республик СССР в пользу русского языка.

Всенародная перепись населения СССР в 1959 г. показала всему миру, какие тяжелые жертвы людьми понесли народы Советского Союза. Вследствие террора, голода, насильственных переселений и войны союзные республики — Украина, Белоруссия, Эстония, Латвия, Литва и др. — потеряли десятки тысяч и миллионов человеческих жизней («Правда», 4 февраля 1960).

Денационализируя и истребляя народы, очутившиеся под властью коммунистического режима в СССР, советское правительство в то же время выступает в свободном мире с лозунгами «борьбы против колониализма», за «гуманность» и «свободу». В политике советское правительство признает все средства хорошими для достижения своей главной цели — господства над миром. Этими средствами, в виде извращения фактов и самой беззастенчивой лжи, широко пользуются и авторы Истории КПСС. Нельзя недооценивать опасности подобной фальсификации для населения Советского блока и для свободного мира. Неправда, часто повторяемая, становится понемногу привычной для некритических умов и вероятной. История КПСС, распространяемая на разных языках в свободном мире, может причинить много вреда. Противодействие отравлению общественного мнения мира является настоятельной необходимостью.

Заканчивая обозрение нового учебника истории КПСС, считаем необходимым привести удачную характеристику метода исторического исследования советских ученых, которую недавно дал Джордж Кеннан в январском номере берлинского журнала „Der Monat“ (1960 г.). Дж. Кеннан отметил между прочим, что для советских историков «историческое знание существует не для того, чтобы установить в отдельности, что является правдой, а что нет, что действительно произошло, а что нет, — они смотрят на него, как на огромную шахту находок, из которой всегда вытаскивается только такой факт, который нужен для определенного тезиса... Когда я изучаю этот материал, то я принужден или придти к заключению, что советские ученые (и коммунистическая партия Советского Союза) просто неспособны реалистически отнестись к природе советской власти и событиям прошлого, или же что они очень хорошо знают факты и пребывают в паническом страхе, что другие люди извлекут поучение из этих фактов. Они употребляют прямо отчаянные усилия, граничащие иногда с патологией, чтобы исказить прошлое и дать такую картину советского правления, что оно, хотя само будто бы не предпринимает ничего дурного и не совершает ошибок, — всегда, однако, имело дело с миром, строящим дьявольские козни». Эта характеристика Джорджа Кеннана вполне относится и к заказчикам, и к авторам нового учебника истории КПСС.
